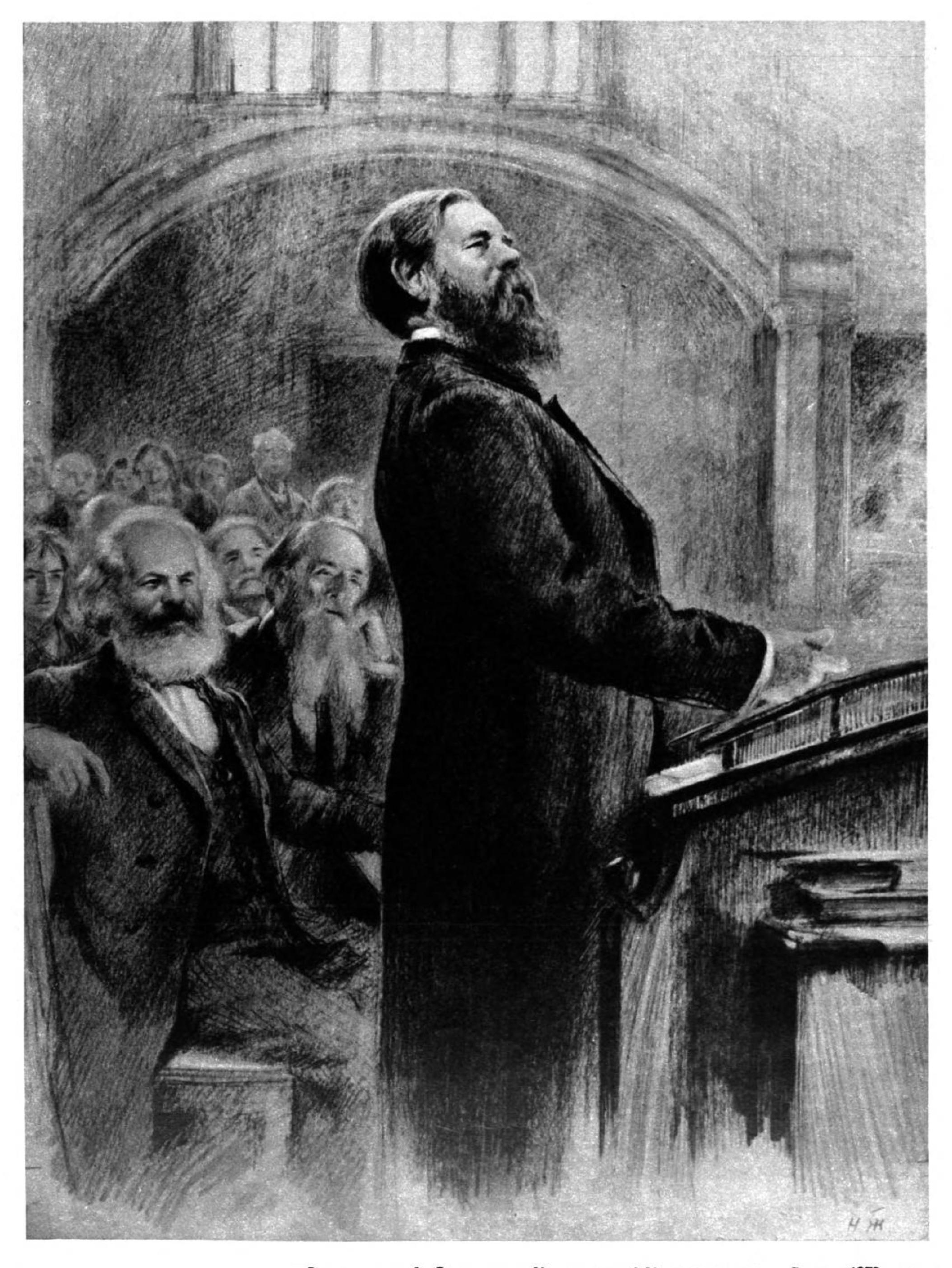

ОГОНЁК
48 НОЯБРЬ 1970
АТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Выступление Ф. Энгельса на V конгрессе I Интернационала в Гааге. 1872 год.

Рисунок Н. Жукова.

ГЕНИЙ МАРКСИЗМА

К 150-летию со дня рождения Фридриха Энгельса

Академик Б. М. КЕДРОВ

При полном единстве общих взглядов, принципов, всего учения между Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом существовало своего рода разделение труда. Одни области научного исследования были предметом преимущественного внимания Маркса, другие — Энгельса. Философские вопросы естествознания были как бы специальностью Энгельса, тогда как Маркс занимался главным образом политической экономией, а также математикой.

Такие классические труды марксизма, написанные Энгельсом, как «Анти-Дюринг», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», а также оставшаяся незавершенной «Диалектика природы», охватывают в основном весь круг философских и естественнонаучных проблем второй половины прошлого века, связывая эти проблемы со всем марксистским учением в целом.

В. И. Ленин в статье «Карл Маркс» писал: «Для правильной оценки взглядов Маркса безусловно необходимо знакомство с произведениями его ближайшего единомышленника и сотрудника **Фридриха Энгельса.** Нельзя понять марксизм и нельзя цельно изложить его, не считаясь со **всеми** сочинениями Энгельса».

Прошло без малого столетие с того времени, когда создавались главные философские произведения Энгельса, и естествознание за это время сделало гигантский бросок вперед, но основные идеи ученого и мыслителя не утратили и сегодня своей актуальности.

Научное творчество Фридриха Энгельса можно разделить на периоды условно, в соответствии с местом его работы и жизни. Первый период (40-е годы XIX века) — доанглийский, когда Энгельс жил на континенте и только на сравнительно короткий срок, временно приезжал в Англию. Второй период (50—60-е годы) — манчестерский, когда он переехал в Англию и поселился в Манчестере, где работал в торговой фирме ради возможности оказывать материальную поддержку Марксу и его семье, эмигрировавшей в Англию. Третий (70-е — начало 80-х годов) — первая часть лондонского периода, когда Энгельс, покончив дела с торговой фирмой в Манчестере, переехал в Лондон, чтобы быть рядом с Марксом. Четвертый — с 1883 по 1895-й (год смерти Энгельса) — вторая часть лондонского после смерти Маркса.

За этим внешне формальным, так сказать, географическим, признаком кроется периодизация, отвечающая внутреннему развитию взглядов Энгельса на естествознание и его диалектику. В первый период только еще зарождались у Энгельса мысли о естествознании, находившие отражение в статьях, которые не были специально посвящены естественнонаучным вопросам. Во второй период началась интенсивная подготовка Энгельса к изучению естественных наук и к раскрытию их диалектики; это нашло отражение в его многочисленных письмах. Третий период начинается с открытия, сделанного Энгельсом в отношении общей структуры всего естествознания и лежащей в ее основе взаимосвязи форм движения,— открытия, ставшего исходным пунктом в его работе над «Диалектикой природы» и связанным с нею «Анти-Дюрингом».

В четвертый период все силы и внимание Фридрих Энгельс посвящает завершению оставшихся не законченными после смерти Маркса двух томов «Капитала» — второго и третьего. Современный читатель, изучавший труды Энгельса, знает, что Энгельс, ни минуты не колеблясь, прервал свои личные работы в области диалектики естествознания, хотя они были уже накануне завершения. Этим он выполнил священный долг не только перед покойным своим другом, но и перед мировым пролетариатом и всем человечеством. То был великий подвиг человека, борца и ученого, каким всю свою жизнь был Энгельс.

5 августа 1895 года Энгельс скончался. На его смерть пришел отклик из России: в сборнике «Работник» №№ 1 и 2 появилась статья «Фридрих Энгельс». Ее автором был молодой В. И. Ленин. В качестве эпиграфа к этой статье он взял слова Некрасова:

> «Какой светильник разума угас!
> Какое сердце биться перестало!»

Но не прервалась животворная нить великого марксистского учения. Загорелся новый светильник разума, и в другой груди так же сильно билось благородное сердце того, кто перенял эстафету революционной теории и практики из рук ушедшего из жизни Энгельса и понес ее вперед, к победе пролетарской революции. Эту эстафету принял Ленин. Он продолжил и развил дальше учение Маркса и Энгельса применительно к новой исторической обстановке.

Как раз в год смерти Фридриха Энгельса началась «новейшая революция в естествознании»: Рентген нашел икс-лучи; в следующем, 1896 году Анри Беккерель наблюдал радиоактивность, а еще через год Дж. Дж. Томсон открыл электрон. Затем открытия в физике множились лавинообразно: открытие радия супругами Пьером Кюри и Марией Склодовской-Кюри; кванта действия Максом Планком; измерение светового давления П. Н. Лебедевым; разработка первой теории радиоактивного распада Э. Резерфордом и Ф. Содди; создание специальной теории относительности Альбертом Эйнштейном с выводом из нее фундаментального закона взаимосвязи массы и энергии, введение Эйнштейном понятия фотона и многие другие. Физические открытия вызвали на рубеже XIX и XX веков коренную ломку всех основных принципов, понятий, теорий и законов физики.

Пользуясь тем, что сами физики не могли философски правильно

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
№ 48 (2265)
Основан 1 апреля 1923 года
28 НОЯБРЯ 1970

осмыслить совершающиеся процессы революционного преобразования их науки, философы-идеалисты попытались столкнуть физиков с материалистического пути на идеалистический. В физике начался кризис, который перебросился на все естествознание.

В этой чрезвычайно сложной обстановке Ленин, продолжая дело Энгельса, смело и решительно взялся с позиций материалистической диалектики за выяснение создавшегося в науке кризисного положения. Махисты из лагеря ревизионизма, именуя себя «марксистами» в философии, выступили против диалектического материализма, против взглядов и работ Энгельса. «Энгельсовская диалектика есть мистика»,— говорили одни из них. «Взгляды Энгельса устарели»,— утверждали другие.

В книге «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин дал сокрушительный отпор врагам марксизма. Защитить существо взглядов Энгельса — вот какую цель со всей страстностью ученого-революционера ставит перед собой Ленин. Но защита их в новых исторических условиях неизбежно сливается с дальнейшей творческой разработкой и конкретизацией.

Ленин ссылается на статью одного рядового марксиста (Иосифа Динз-Дэнеса), который «сопоставил новейшие открытия в естествознании, и особенно в физике (икс-лучи, лучи Беккереля, радий и т. д.), **непосредственно** с «Анти-Дюрингом» Энгельса. К какому же выводу привело его это сопоставление?» — спрашивает Ленин и в ответ приводит слова Динз-Дэнеса: «Как блистательно подтверждается изречение Энгельса: движение есть форма бытия материи». «Все явления природы суть движение, и различие между ними состоит только в том, что мы, люди, воспринимаем это движение в различных формах... Дело обстоит именно так, как сказал Энгельс».

Позднее в статье «Три источника и три составных части марксизма» Ленин отмечал, что наиболее ясно и подробно философское учение марксизма изложено в сочинениях Энгельса: «Людвиг Фейербах» и «Анти-Дюринг»,— которые «являются настольной книгой всякого сознательного рабочего».

Еще позднее в статье «Карл Маркс» Ленин привел слова Энгельса: «Природа есть подтверждение диалектики, и как раз новейшее естествознание показывает, что это подтверждение необыкновенно богатое». И тут же Ленин в скобках записал: «(писано до открытия радия, электронов, превращения элементов и т. п.!)».

Так в трудах Ленина идеи Энгельса продолжали жить и развиваться дальше, получая все новые и новые подтверждения в ходе продолжающейся революции в естествознании.

В заключение попытаемся ответить на вопрос: что́ устарело и утратило значение в трудах Энгельса, а что́ сохранило свою прежнюю актуальность, свою непреходящую ценность?

С точки зрения марксизма-ленинизма и всей современной передовой науки в трудах Энгельса устарели, да и не могли не устареть многие частные естественнонаучные положения. Поскольку естествознание двигалось вперед все убыстряющимися темпами, его частные положения неизбежно устаревали и требовали иногда коренного пересмотра или даже полного отбрасывания. Ушло, например, в прошлое понятие «эфира», которым пользовался Энгельс, так же как пользовалось им и современное ему естествознание. Все это и составляет то, что Ленин характеризовал как «букву» у Энгельса, как «форму» его воззрений, которые постоянно требуют своего критического пересмотра и изменения.

Заслуживает суровой критики отношение, проявляемое к Энгельсу представителями различных школ и школок враждебной марксизму современной реакционной философии.

Под предлогом «устарелости» идей, выдвинутых в работах Энгельса, некоторые современные противники марксизма пытаются — разумеется, совершенно голословно — объявить, что Энгельс вообще не был философом, и перечеркнуть все его работы. Но это свидетельствует, конечно, не о том, что Энгельс не был философом, а только о том, что критики Энгельса либо незнакомы с его трудами, либо ничего в них не поняли, либо злостно искажают его взгляды.

Люди, которые отвергают диалектику и не видят ее связи с теорией познания, органически не в состоянии понять значения философских работ Энгельса, поскольку через все эти работы красной нитью проходит центральная идея марксистской философии — идея о единстве диалектики и теории познания материализма.

В трудах Энгельса сохраняет сегодня и будет сохранять и дальше свое актуальное значение метод, суть, дух его воззрений и прежде всего метод материалистической диалектики, которая, по характеристике Ленина, составляет живую душу всего марксистского учения. Этот дух и метод диалектики, эта суть дела заключается в том, как именно подходил Энгельс к философскому анализу современного ему естествознания, к тенденциям его развития с позиций принципа историзма. Этот дух и метод, составляющие суть взглядов Энгельса, пронизывают собой и конструктивные, положительные задачи, которые он ставил и решал своими работами, и критические, негативные задачи, требовавшие беспощадной борьбы против различных враждебных марксизму и его философии реакционных течений. Эти критические задачи Энгельс всегда решал по-боевому, с позиций принципа партийности философии, с позиций воинствующего материализма.

Таким предстает перед нами образ Фридриха Энгельса — боевого соратника Карла Маркса, борца за революционное учение мирового пролетариата. В области естествознания он умел проводить ту же линию на всемерную защиту и творческое развитие материалистической диалектики, как и на всех остальных участках своей теоретической и практической работы. Сегодня, в год 150-летия, Энгельс выступает перед нами во всем величии, как один из основоположников марксистского учения, марксистской философии.

X СЪЕЗД ВСРП

23 ноября в Будапеште открылся X съезд Венгерской социалистической рабочей партии. В его работе приняли участие около 690 делегатов. На съезд прибыли посланцы тридцати двух братских коммунистических и рабочих партий, в том числе делегация КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым.

Съезд открыл член Политбюро ЦК ВСРП, Председатель Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства Енё Фок.

В президиуме съезда вместе с венгерскими товарищами — Л. И. Брежнев, члены советской делегации, В. Гомулка, Г. Гусак, Т. Живков и другие.

С докладом ЦК ВСРП X съезду выступил Первый секретарь Центрального Комитета Венгерской социалистической рабочей партии товарищ Янош Кадар.

С глубоким вниманием слушали делегаты и гости съезда речь главы делегации Коммунистической партии Советского Союза Л. И. Брежнева.

Л. И. Брежнев передал приветствие ЦК КПСС X съезду ВСРП и подарок — картину советского художника Кузнецова «Да здравствует революция!».

СТРАНИЧКИ ИЗ ЖИЗНИ

29 ноября Югославия отмечает свой национальный праздник: 25 лет назад в этот день была провозглашена Федеративная Народная Республика Югославия (теперь Социалистическая Федеративная Республика Югославия).

В президиуме X съезда ВСРП.

Фото МТИ — ТАСС.

ЛЮДВИКУ СВОБОДЕ 75 ЛЕТ

25 ноября исполняется 75 лет члену Президиума ЦК КПЧ, Президенту ЧССР генералу армии Людвику Свободе.

Его жизнь — пример верного служения родине, народу и его авангарду — Коммунистической партии Чехословакии.

В годы борьбы с фашизмом полковник, а затем генерал Людвик Свобода командовал чехословацкими частями, которые вместе с советскими войсками сражались против общего врага. Именно тогда впервые прозвучал лозунг «С Советским Союзом на вечные времена».

С марта 1968 года Людвик Свобода — Президент республики. На этом посту он многое сделал для укрепления морально-политического единства народа на основе социализма и интернационализма.

Л. Свобода — большой друг Советского Союза. Он много раз бывал в нашей стране, и его хорошо знают советские люди. В день семидесятипятилетия верного сына чехословацкого народа они шлют главе братского государства свои самые сердечные пожелания.

●

Сергей ГОЛЯКОВ

Знакомство со Сплитом лучше всего начинать на горе Марьян.

Вместе с Иво Моровичем, сотрудником местной газеты «Слободна Далмация», мы стоим у гранитного парапета обзорной площадки на самой вершине. Отсюда весь город как на ладони. Широкий овал набережной, отороченной бахромой разноцветных моторок. Ребристые волны поблекшей от зноя красной черепицы над разноэтажьем белых опрятных домов. Хитросплетение улочек и переулков. Шпили церквей, зелень парков, зияющие пустыми окнами бетонные коробки новостроек. В жемчужной дымке утра лежащий на длинном полуострове Сплит похож на сказочный белоснежный корабль, скользящий по неправдоподобно синей глади Адриатики.

Из воды поднялся лес подъемных кранов — судоверфь «Сплит». С судостроительным комбинатом связана судьба каждого пятого жителя города. Это крупнейшая в Югославии верфь, на которой занято около пяти тысяч рабочих, инженеров, техников — судостроителей.

Во время оккупации фашисты полностью уничтожили все оборудование, взорвали доки, разрушили производственные корпуса. Груды исковерканного металла и глыбы взорванного бетона — вот все, что осталось от верфи.

Специалисты подсчитали, что восстанавливать ее в прежнем виде нет смысла. Новый проект был закончен в 1948 году. На его реализацию потребовалось еще семь лет.

В приемной генерального директора верфи мы видели фотографии первенцев нового югославского судостроения. В 1956 году был спущен на воду пассажирский теплоход «Югославия», годом позже — суда той же серии «Ядран» и «Единство».

Оборудованная по последнему слову техники, верфь быстро привлекла к себе внимание зарубежных заказчиков.

Первые торговые сделки были заключены в 1956 году. Затраченные государством средства на строительство комбината стали быстро окупаться. Верфь набирала темпы, набирала новых рабочих. Их в городе готовят несколько учебных заведений. Первая ступень — трехлетняя судостроительная школа, затем — средняя судостроительная школа для техников и судовых механиков. И, наконец, высшая судостроительная школа, готовящая цеховых мастеров.

Основная масса инженерно-технического персонала — выпускники Загребского кораблестроительного института. В Загребе, кроме того, имеется научно-исследовательский институт судостроения и пользующийся европейской известностью институт судовой гидродинамики, с которыми судоверфь поддерживает постоянный контакт.

Предприятие имеет свой стипендиальный фонд. Сейчас сто шестьдесят одаренных молодых людей получают образование в различных вузах страны на средства комбината. Условие одно — после учебы работать на верфи.

А работы с каждым годом становится все больше. Роль Югославии в мировом судостроении постоянно растет. Основная масса судов строится на экспорт. Среди заказчиков — Англия, Аргентина, Бразилия, Польша, Индия, Пакистан, Панама, Греция, Соединенные Штаты Америки. Но самый крупный — Советский Союз. По нашему заказу строится серия из 20 танкеров.

— Преимущества такого заказа трудно переоценить,— говорили нам в дирекции комбината.— Он обеспечил верфь работой сразу на несколько лет. Кроме того, строить 20 судов по одному проекту значительно проще, чем столько же разных. Мы видим в этом контракте исключительно высокую оценку нашей продукции.

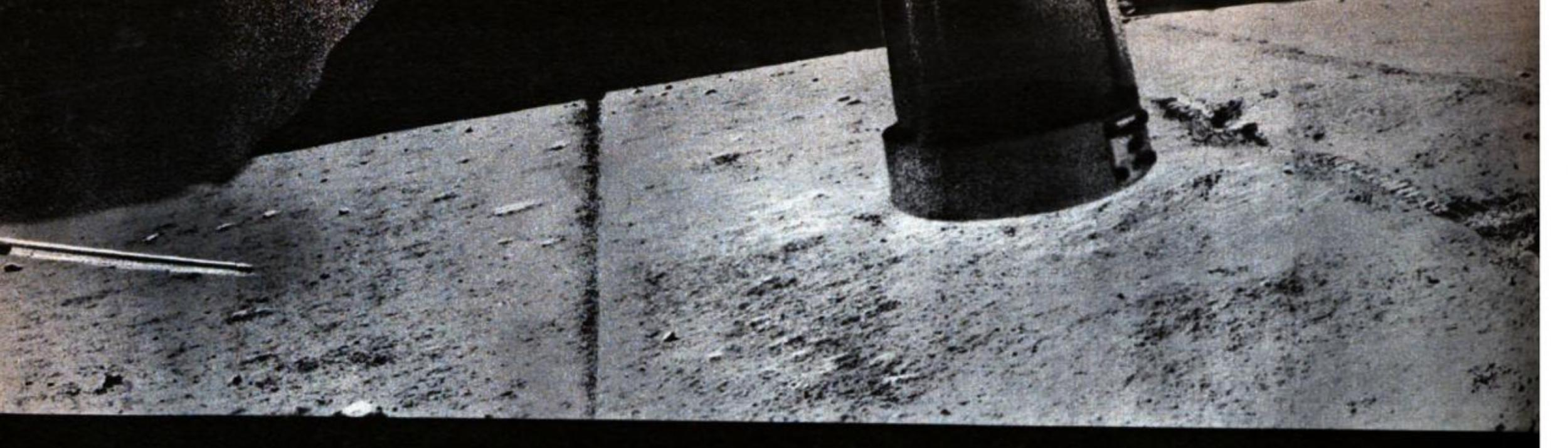
Из Советского Союза верфь получает сталь, прокат, судовое оборудование. Сюда часто приезжают советские корабелы обменяться опытом, обсудить проекты на будущее.

Чтобы обойти все цехи, побывать на четырех стапелях, наверно, не хватит и дня, поэтому наш гид инженер Милко Драгавич старается показать только все самое интересное. Похожий на гигантский ангар самый большой цех. В нем собирают отдельные секции весом до 120 тонн. Самый могучий подъемный кран, самый большой корабль, строящийся по заказу Индии,— танкер «Лал Бахадур Шастри» водоизмещением 88 000 тонн. Он уже на плаву. Огромная махина, рядом с которой люди кажутся маленькими гномами. От носа до кормы — почти 300 метров — три футбольных поля!

Танкер-гигант — последнее слово югославских судостроителей. Чтобы произнести это слово, потребовались долгие годы напряженного труда, усилия десятков тысяч людей во всех отраслях промышленности страны. Ведь современное судно — сложнейший технический комплекс, объединяющий в себе результаты деятельности людей самых различных профессий — от металлурга до электроника, от кибернетика до текстильщика. Каждое новое творение рук корабелов Сплита — это зримое и впечатляющее свидетельство того, какой разбег сумела взять промышленность Югославии за четверть века народной власти.

На залитой солнцем площади перед проходной Иво сказал:

— Скоро опять сюда приеду. Будут спускать на воду ваш танкер «Мос Шовгенов».

В. ЛЕВСКИЙ,
В. МИШКЕВИЧ,
А. НЕЧАЕВ

„ЛУНОХОД-1"

ПЕРВЫЕ ИТОГИ

Долгая ночь опустилась на Луну. На целых две недели замер земной посланец в ожидании восхода Солнца.

Отдыхает и земной экипаж. Позади первые его тревоги. Есть время поразмышлять, вспомнить, полистать записи этих беспокойных дней.

ЗАПИСЬ, СДЕЛАННАЯ В НОЧЬ НА 19 НОЯБРЯ

...Идет сеанс работы лунохода. Сейчас будет проведена астроориентация. Включаются астротелефотометры, которые ищут Солнце и Землю. Определяется местоположение аппарата на лунной поверхности.

«Первая, вперед!» — на борт подана команда на включение первой передачи. «Есть движение»,— сообщает информатор из центра Управления. И добавляет: «Токи в норме».

Координационно-вычислительный центр. Сюда непрерывно поступает информация о работе «Лунохода-1», о состоянии его систем, о ходе выполнения и результатах проведенных исследований.

Фото А. Пахомова.

Вот они, эти токи. На лентах самописцев в отделе телеметрических измерений — токи нагрузки двигателей шасси лунохода. Но что это! Кривые на лентах вдруг поползли вверх. Неисправность! Посмотрим на телевизионный экран. Так вот почему подскочил ток на обмотках двигателей: наш самоход ползет в гору.

Через полчаса — другая картина. Кривые токов на лентах попарно дают всплески, причем поочередно, пара за парой. «Преодолена небольшая лунная гряда»,— разносится по службам КВЦ.

Находящийся здесь начальник конструкторского бюро не проявляет видимых признаков беспокойства. Мы задаем ему несколько вопросов.

БЕСЕДА С НАЧАЛЬНИКОМ КБ

— А что, если перед колесом «Лунохода-1» неожиданно окажется достаточно большой камень, который не будет заранее увиден с Земли! Ведь луноход может застрять...

— Не беспокойтесь, это предусмотрено. Как только токи двигателей достигнут допустимого предела, сработает автомат запрета, который выключит двигатели.

— Очевидно, это не единственный случай, когда должен сработать автомат запрета!

— Разумеется. Водитель может опоздать с выполнением маневра из-за хорошо известной задержки в приеме телеизображения. В конце концов он может и допустить ошибку. Луноход при этом, например, сильно наклонился. В этих случаях также срабатывает автоматика.

— Ну, а как тогда выходить из создавшегося положения!

— Маневрированием. Диапазон возможностей в этом случае у лунохода весьма широк. Предположим, двигатели автоматически выключились, когда передние колеса шасси встретили более или менее высокую гряду. Что делать дальше! Давать задний ход! Не обязательно. После оценки обстановки может быть принято решение включить двигатели на кратковременный форсированный режим, и лунная гряда будет преодолена. Но, как вы видели, с только что встретившейся грядой луноход справился и на рабочем режиме. Или еще пример. Камень каким-то образом оказался между двумя соседними колесами. Луноход остановился. Тогда водитель включает передний ход двигателей одного борта и задний — другого. После серии таких переключений камень оказывается в стороне.

Начальник КБ показывает на экран.

— Видите кратер! А в стороне крупный камень! Луноход сейчас должен пройти между ними. Чтобы выполнить этот маневр, нужно точно повернуть луноход на необходимый угол. Определить его величину — дело штурмана. Дальше вмешивается автоматика. Водитель на соот-

На снимке — лунная панорама, полученная 17 ноября с помощью установленного на «Луноходе-1» телефотометра. Слева виден специальный прибор — определитель лунной вертикали. Справа — штыревая антенна и тень от лунохода.

Фотохроника ТАСС.

ветствующей шкале своего пульта устанавливает величину вычисленного штурманом угла, и луноход уже самостоятельно точно пройдет по заданному курсу.

...«Поворот на двадцать градусов!» — звучит команда по линии громкой связи. «Есть поворот»,— следует подтверждение. Через несколько минут кратер оказывается слева от лунохода, а камень — справа. Путь открыт.

Вспоминаются еще два разговора, которые произошли у нас в Координационно-вычислительном центре. Было это в перерыве между сеансами связи. Мы обсуждали тогда высокую надежность, которую продемонстрировал луноход, и то, как ее лучше достигнуть. Часть инженеров склонялась к мысли, что самое верное средство — дублирование систем. В это время в нашу беседу включился подошедший с пачкой фотоснимков лунной панорамы в руках Игорь Петрович, ведущий испытатель.

РАССКАЗ ВЕДУЩЕГО ИСПЫТАТЕЛЯ

— Да, действительно, в некоторых случаях целесообразно ставить дублирующие системы. Но это не всегда возможно и не всегда даст требуемый результат — надежность.

При разработке конструкции нашего аппарата, кроме дублирования некоторых его узлов, мы применили еще другой подход. Каждый агрегат, каждая деталь имеет определенный ресурс — тот срок, в течение которого они должны безотказно работать. Так вот мы все системы лунохода проектировали и отрабатывали таким образом, чтобы их ресурс несколько превышал тот срок, на который рассчитана вся его деятельность в целом. Естественно, что детали становились несколько тяжелее, но общий вес при этом был все же значительно меньше, чем если бы мы применяли дублирование. Кроме того, и режим испытаний, деталей и узлов был более жестким, и число циклов нагрузок — значительно больше, чем при работе на Луне.

Поскольку в нашей беседе участвовал ведущий специалист по шасси лунохода, мы предоставляем ему слово.

ВЕДУЩИЙ СПЕЦИАЛИСТ ПО ШАССИ

— Трудно теперь сказать, кто первый предложил схему ходовой части шасси лунохода, какой мы теперь ее видим. Это скорее всего был плод споров и размышлений всего коллектива разработчиков. Но так или иначе, желание сделать «космическое чудо» постепенно сменилось у нас трезвой и объективной оценкой реальных возможностей и условий работы на Луне.

С созданием в наземных лабораториях «двойников» лунного грунта мы получили возможность провести большой комплекс экспериментальных исследований и испытаний. Это был своеобразный фильтр, через который пропускались те идеи и проработки, которые легли в основу шасси нынешнего лунохода.

Эксперименты показали, что колесный движитель может обеспечить достаточно высокую проходимость по Луне, маневренность, я бы сказал, «поворотливость».

Кстати, уж если речь зашла о повороте, то луноход в этом отношении можно считать гусеничной машиной. Это потому, что принцип поворота основан на изменении скорости вращения колес по бортам, как это делается на гусеничном тракторе. Такое решение, несколько необычное для земных колесных вездеходов, позволило резко увеличить маневренность лунохода. Он может не только совершать плавные развороты, но и поворачиваться на месте. Кроме того, оказались ненужными такие привычные для земных колесных машин системы и элементы, как рулевой привод, поворотные оси колес, рулевые тяги, шарниры...

Мы вынуждены прервать нашу беседу, потому что наступило время очередного сеанса связи с «Луноходом-1». Сейчас начнется эксперимент по исследованию химического состава грунта. Подается команда. Включается спектрометр. Поверхность Луны под самоходным аппаратом облучает установленный на его борту изотопный источник. При этом атомы элементов лунного вещества начинают испускать рентгеновское излучение, которое регистрируется счетчиками. Каждый из исследуемых химических элементов имеет свою характерную линию в спектре. Сигналы, принятые датчиками, преобразуются и посылаются на Землю.

В научную программу нашего лунохода включены интереснейшие эксперименты. На его борту установлен рентгеновский телескоп. Он способен принять излучение, приходящее к нам от источников, находящихся за пределами Галактики. Таковы, например, квазары. Некоторые из них находятся на удалении в миллиарды световых лет. Это установлено. И при этом, как ни странно, квазары можно видеть в оптические телескопы. Ученые пока не могут выяснить, являются ли квазары звездами или галактиками, и выяснение их физической природы имеет огромное значение для познания Вселенной.

ЗАПИСЬ, СДЕЛАННАЯ ПЕРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ ЛУННОЙ НОЧИ

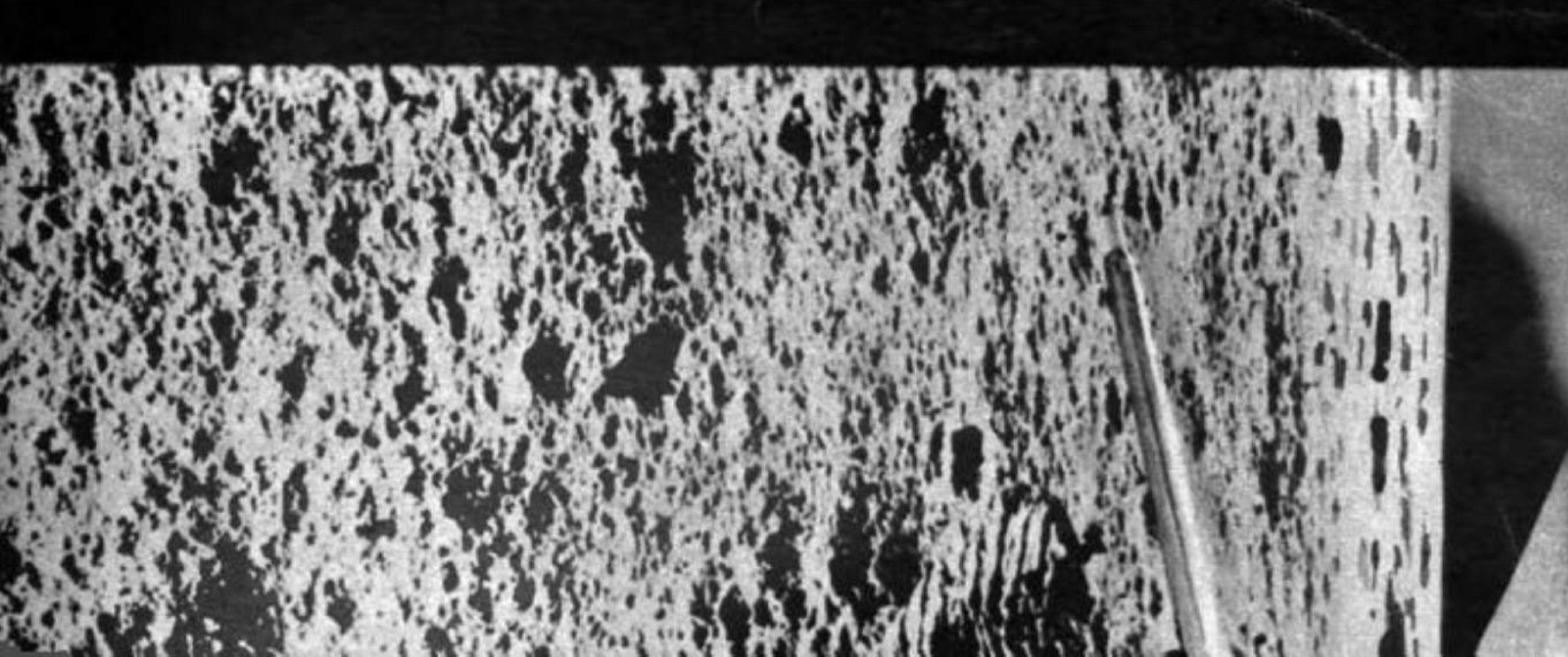
...Итак, впереди — ночевка лунохода в Море Дождей. Прежде всего необходимо выбрать место стоянки. После длительного анализа фотоснимков и телевизионных изображений, после обсуждения всех «за» и «против» решено встать на небольшую площадку в стороне от лунной гряды.

Объединив свои усилия, группы автономной астронавигации и курсоуказаний уточнили местоположение этой площадки.

Сеанс связи. Операторы ведут луноход к месту стоянки. Штурман прокладывает курс; определяются селенографические координаты, местоположение лунохода относительно посадочной ступени. Наконец пройден последний десяток метров, и луноход оказался на подходящей площадке.

Несколько суток вечернего времени были посвящены зарядке аккумуляторов. Крышка с солнечной батареей была установлена почти в вертикальное положение — начался солнечный закат. Наконец в одном из последних сеансов радиосвязи получена весть: «Солнечная батарея отключена». Следовательно, батареи зарядились.

Принимаются последние телевизионные изображения. Их фотографируют. Особенно внимательно в них всматривается водитель. Передается последняя команда, которую должен выполнить луноход в этот «рабочий день»,— отключить все системы. Луноход замер. Наступает длинная лунная ночь.

На снимке, сделанном 22 ноября с помощью телефотометров «Лунохода-1», изображена панорама лунной поверхности. Видны элементы конструкции лунохода, его следы, лунный горизонт и заходящее Солнце.

Фотохроника ТАСС.

МИР ВОЗДАЕТ ДОЛЖНОЕ...

Новости с Луны стали центральными в сообщениях всех ведущих агентств и печати мира. Советский Луноход, оснащенный самой передовой техникой, демонстрирует человечеству продуманный характер нашей космической программы, ее целеустремленность. Большинство зарубежных научных комментаторов отмечают, что Луноход делает реальной перспективу изучения планет Солнечной системы с помощью автоматических исследователей и полностью устраняет ненужный риск для человеческой жизни. Комментаторы также приходят к выводу, что новое советское достижение позволит еще более значительно продвинуть вперед изучение космоса самым эффективным и экономичным путем. И, естественно, весь мир в эти дни воздает должное гению советских ученых, инженеров, рабочих, торжеству дела социализма.

Новое русское слово «Луноход» сегодня вошло в лексикон всех языков Земли. Произнося его, жители Лондона и Вашингтона, Парижа и Дели, Рима и Токио, во всех уголках нашей планеты признают смелость научной мысли и технического совершенства нового выдающегося космического эксперимента.

«Все происходит так,— пишет французская газета «Пари жур»,— как если бы русские в настоящее время с помощью роботов очень быстро осуществляли основные цели в области освоения Луны, для достижения которых с помощью людей американцам потребуется несколько лет, причем русские делают это с гораздо меньшими затратами. Чтобы доставить человека на Луну, нужны миллиарды долларов и много времени. В этом плане можно сказать, что Советский Союз сейчас догоняет и даже перегоняет американцев в освоении Луны с помощью роботов, которых становится все больше и больше и которые запускаются с регулярными и довольно непродолжительными интервалами». Одновременно печать многих стран указывает, что дальнейшее применение советских научных станций открывает перспективы для исследования в ближайшем времени Марса и Венеры.

Успешное выполнение задач, которые были поставлены перед советской автоматической станцией «Луна-17», признает американская газета «Вашингтон пост». Она пишет, что новый эксперимент представляет собой «не только научный, но и политический триумф Советского Союза». Высокую оценку дает английская газета «Файнэншл таймс». «СССР,— пишет газета,— ясно продемонстрировал, что с помощью непилотируемых автоматических аппаратов можно достигнуть того же, что и с помощью высадки людей, однако без риска для жизни человека и со значительно меньшими расходами».

Парижские газеты с чувством нескрываемой гордости пишут о том, что на Луноходе установлен французский лазерный отражатель. В этом факте они видят пример благотворного сотрудничества между Советским Союзом и Францией, сотрудничества, которое создает в Европе нормальную политическую атмосферу — доверие, взаимопонимание, коллективную безопасность.

Да, много мыслей рождают на нашей планете новые достижения Страны Советов. В них люди доброй воли видят еще одно яркое проявление жизнеутверждающей силы социализма.

Н. ПАСТУХОВ

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

СТАБИЛЬНОСТЬ КОАЛИЦИИ

Юрий ЯСНЕВ

В наше стремительное и насыщенное событиями время не столь часто бывает, чтобы местные выборы областного значения в какой-то стране удостаивались международного внимания. И если воскресным вечером 8 ноября жители Западной Германии нетерпеливо ожидали у телевизоров и радиоприемников новостей из Гессена, а две недели спустя — из Баварии, если в редакциях английской «Дейли телеграф», американской «Нью-Йорк таймс» и французской «Орор» редакторы то и дело спрашивали дежурных телетайписток: «Ну как, поступили итоги голосования?» — то, видимо, для этого были веские основания.

Выборы в ландтаги этих земель с самого начала вышли далеко за рамки локальных проблем. Жаркие предвыборные баталии, развернувшиеся в Гессене, словно в зеркале, отразили все сложности и перипетии нынешней политической обстановки в Западной Германии. А она характеризуется тем, что наиболее махровые реакционные силы — от неонацистской НДП до ХДС/ХСС — развертывают под флагом антикоммунизма и антисоветизма яростное наступление против реалистических тенденций внешнеполитического курса правительства СДПГ — СвДП. Они стремятся сорвать ратификацию договора между СССР и ФРГ, подписанного 12 августа этого года в Москве, всячески пытаются ослабить и подорвать правительственную коалицию. «Картель правых», как метко назвала демократическая общественность ФРГ этот блок реакции, шовинизма и милитаризма, в своих вожделениях зашел так далеко, что открыто требует свержения правительства Брандта — Шееля, возвращения Западной Германии к худшим временам «холодной войны».

Кизингер, Барцель, Штраус, возглавляющие оппозицию против правительства, решили превратить земельные выборы в своеобразный референдум против реалистических элементов внешнеполитического курса Брандта — Шееля, в пробу возможности нанести удар по дееспособности боннского правительства.

Главной мишенью атак реакции была избрана партия СвДП. Расчет был на то, чтобы дискредитировать свободных демократов в глазах всего населения ФРГ и тем самым поставить под сомнение полномочия боннского правительства, созданного на основе коалиции СДПГ и СвДП.

Стремясь воздействовать на психику избирателей и выдавая желаемое за действительное, шпрингеровская пресса и специально подготовленные отряды агитаторов НДП развернули шумную кампанию о «неизбежности» поражения свободных демократов и развала боннской коалиции.

Надо сказать, что подобный исход выборов устраивал бы те круги международного империализма, которым не по душе разрядка напряженности в Европе, нормализация отношений ФРГ с социалистическими странами. Не случайно в канун гессенских выборов некоторые буржуазные газеты на Западе вышли с драматизирующими обстановку заголовками: «Правительственная коалиция Бонна под угрозой», «3 800 тысяч избирателей Гессена решают судьбу ФРГ».

Однако далеко нацеленные планы кизингеров, барцелей, штраусов и их империалистических покровителей в других странах оказались несостоятельными. Результаты, выданные счетно-решающими машинами уже через час после завершения выборов в Гессене, «превзошли самые смелые ожидания», как телеграфировало агентство ДПА. Партия СвДП не только осталась в ландтаге, но даже упрочила свои позиции по сравнению с выборами в бундестаг в 1969 году. Отнюдь не симпатизирующая ей западногерманская газета «Рейнише пост» на следующий день была вынуждена признать, что «свободные демократы вышли из этих выборов более сильными» и это, «несомненно, обеспечит коалиции в Бонне... более стабильную основу». Кто действительно оказался «выбит» из гессенского ландтага, так это НДП, имевшая ранее 8 мест.

Выборы в баварский ландтаг показали, что борьба еще более обостряется. Если штраусовский христианско-социальный союз несколько укрепил свои позиции, то, с другой стороны, свободные демократы, не имевшие ранее ни одного места в ландтаге, получили десять мандатов, а неонацисты в баварском ландтаге вообще не будут представлены. Впервые в выборах в Баварии участвовала Германская коммунистическая партия. Она получила сорок тысяч голосов. Комментируя результаты выборов, министр иностранных дел ФРГ, председатель СвДП В. Шеель подчеркнул, что они свидетельствуют о стабильности коалиционного правительства СДПГ — СвДП.

Последние события в ФРГ позволяют сделать предположение, что попыткам тех, кто все еще пытается повернуть историю ФРГ вспять, будет дан более действенный отпор.

ТАЛАНТЛИВЫЙ ПОЛКОВОДЕЦ МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Андрей Иванович ЕРЕМЕНКО

Советский народ и его Вооруженные Силы понесли тяжелую утрату. Ушел из жизни один из активных строителей Советской Армии, талантливый полководец, герой Великой Отечественной войны, кандидат в члены ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза Андрей Иванович Еременко.

А. И. Еременко родился 14 октября 1892 года в деревне Марковка, Ворошиловградской области, в семье крестьянина. В 1913 году был призван в старую армию рядовым. После Великой Октябрьской социалистической революции в составе партизанского отряда боролся против интервентов и белобандитов на Украине. С конца 1918 года — в рядах Красной Армии. В том же году вступает в Коммунистическую партию. С первых и до последних дней Великой Отечественной войны А. И. Еременко принимает активное участие в боях против немецко-фашистских захватчиков, командует войсками ряда фронтов. Его отличала большая личная храбрость, бесстрашие, пламенный советский патриотизм. После двух тяжелых ранений он вновь возвращался в боевой строй. До последних дней своей жизни он отдавал все свои силы, богатый опыт и знания дальнейшему совершенствованию Советских Вооруженных Сил, укреплению обороны нашей Родины. А. И. Еременко неоднократно избирался делегатом съездов КПСС, в состав Центрального Комитета партии, депутатом Верховного Совета СССР. За свои выдающиеся заслуги он был удостоен звания Героя Советского Союза. Он удостоен также звания Героя Чехословацкой Социалистической Республики.

В Краснознаменный зал Центрального Дома Советской Армии имени М. В. Фрунзе, где был установлен гроб с телом Маршала Советского Союза А. И. Еременко, проститься с выдающимся полководцем пришли воины, тысячи трудящихся столицы.

В почетном карауле — товарищи Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, К. Т. Мазуров, Н. В. Подгорный, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, В. В. Гришин, П. Н. Демичев, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев.

Похороны А. И. Еременко состоялись 21 ноября на Красной площади. Траурная процессия останавливается перед Мавзолеем В. И. Ленина. На трибуну Мавзолея поднимаются товарищи Г. И. Воронов, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Н. В. Подгорный, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, П. Н. Демичев, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, заместители Председателя Совета Министров СССР В. Э. Дымшиц, М. Т. Ефремов, В. А. Кириллин, М. А. Лесечко, В. Н. Новиков, И. Т. Новиков, Л. В. Смирнов, Министр обороны СССР Маршал Советского Союза А. А. Гречко.

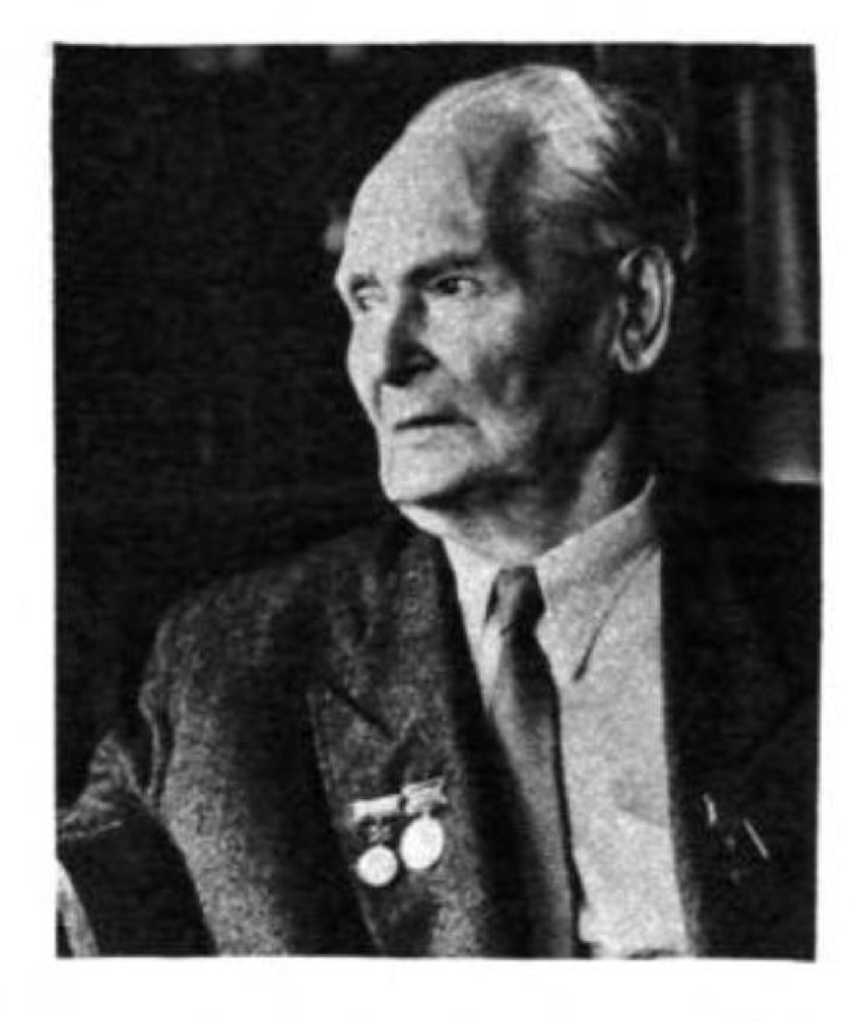
...Траурный митинг окончен. Руководители Коммунистической партии и Советского правительства поднимают урну с прахом А. И. Еременко и направляются к Кремлевской стене. Под залпы артиллерийского салюта урна устанавливается в нише и закрывается мраморной плитой. Звучит Гимн Советского Союза. Отдавая последние воинские почести Маршалу Советского Союза Андрею Ивановичу Еременко, перед Мавзолеем в четком строю проходят воины Советской Армии.

Память об Андрее Ивановиче Еременко — верном сыне Коммунистической партии, мужественном солдате и полководце, пламенном патриоте социалистической Родины — навсегда сохранится в сердцах советских людей.

На снимке: Краснознаменный зал Центрального Дома Советской Армии. Руководители партии и правительства в почетном карауле у гроба Маршала Советского Союза А. И. Еременко.

Фото А. Устинова.

ПАМЯТИ АНДРЕЯ УПИТА

Умер Андрей Упит — рухнула гранитная скала, долгие десятилетия стоявшая нерушимо. Ушел из жизни писатель, все творчество которого тесно связано со своим краем, со своей страной. Он был для народа учителем и воспитателем, художником впечатляющей силы и борцом за его лучшую долю. Он был великим тружеником и до конца своих дней продолжал работать, пока перо не выпало из его рук. Судьба дала ему долгую жизнь, и ни один час этой жизни не был растрачен впустую. Он знал признание и славу, невзгоды, бедствия и тюрьму, обожание друзей и ненависть противника. Он написал и опубликовал восемнадцать романов, двенадцать сборников рассказов и новелл, тридцать пьес — драм, сатирических комедий и трагедий, множество статей, фельетонов, литературно-критических очерков и монографий. Общеизвестны его труды по истории латышской и мировой литературы. Его многочисленные переводы знакомили латышский народ с творчеством лучших мастеров слова. Он горячо любил Горького и Чехова, хотя и не был их подражателем.

«Именно они,— писал Упит,— поддержали меня на выбранном мною пути критического реализма, пути обличителя буржуазной пошлости и соратника пролетариата в борьбе за свободу,— пути, по которому я шел всю свою жизнь».

Выходец из бедной крестьянской семьи мелкого арендатора, Андрей Упит, борясь с нуждой, добился, как говорят, места под солнцем тяжелым трудом, несокрушимой волей и железным упорством. Он стал учителем, овладел русским, немецким, французским языками, но при этом всегда оставался сыном своего народа, которому без остатка отдал свое сердце. Его творчество национально в лучшем смысле этого слова и потому — интернационально, любимо всеми народами. В книгах Андрея Упита запечатлено и отражено все, что он видел в жизни, он не выдумщик, он тонкий и острый наблюдатель, мудрый и праведный судья. Он осуждал зло, жестокость, эксплуатацию человека человеком, он боролся за правду, добро и свободу.

В своей статье «Автореферат», опубликованной в журнале «Огонек» за три года до смерти, когда ему было 90 лет, Андрей Упит сказал: «В сознании своего долга перед движением эксплуатируемого класса я неустанно, из года в год, писал принципиальные очерки против подлости правящей буржуазии и сатирические романы и саркастические фельетоны в прозе и стихах — о спекулянтах в политике и жизни, а также о поденщиках пера частнособственнического литературного направления».

Народный поэт Латвии Ян Судрабкалн, которого в свое время ввел в литературу Андрей Упит, хорошо сказал о нем:

Шелестят над ним года,
Проплывая облаками,
Но в душе его — огонь:
Свет любви и ненависти.

Андрей Упит яростно отвергал «чистое искусство», оторванное от жизни, сокрушал декадентство, был тенденциозен в самом прямом и честном понимании этого слова, ибо видел перед собой благородную цель и свое творчество рассматривал как служение народу. Его называли «латышский Горький», и это было правдой. Он вступил в Коммунистическую партию в 1917 году, 40 лет от роду, в расцвете духовных и физических сил, в итоге зрелой убежденности. Он ни разу не сошел с избранного им пути. При диктатуре Ульманиса он мог печататься только тайком под различными псевдонимами. Само имя его было под запретом. Но он не поник гордой головой, он болел народной болью, он сражался как мог. Факел правды не потухал в его руке.

В. Лацис, тоже один из литературных питомцев А. Упита, писал: «Огромен труд Андрея Упита, весь посвященный народу и росту духовных сил человечества. Огромен его вклад в сокровищницу советской культуры».

Андрей Мартынович Упит — профессор, академик, народный учитель, сын нищего латышского крестьянина, великий мастер — художник, Герой Социалистического Труда, человек, в котором так ярко соединились талант и трудолюбие, умер.

Но след его жизни никогда не сотрется, книги его не умрут, огромное наследие его люди будут беречь тщательно, долгие века, ибо в нем — душа его народа, сила коммунистической правды, не вянущая прелесть горячего, страстного, умного слова большого человека, большого писателя, вся жизнь которого — подвиг.

И хочется снова вспомнить строки Яна Судрабкална:

Он, кто бодрствовал за всех,
В нашем сердце не умрет!

Ник. КРУЖКОВ

Д. А. НАЛБАНДЯН,
народный художник СССР

ПОРТРЕТИСТ

1937 год. В Москве открыта организованная по инициативе Серго Орджоникидзе Всесоюзная выставка «Индустрия социализма». Это было большим событием и настоящим праздником для нас, советских художников. Помню, я ходил туда, всякий раз открывая для себя нечто новое, интересное.

Среди многочисленных экспонатов выставки меня привлекла небольшая работа — «На новой Родине. Девочка-испанка». Имя автора этого замечательного портрета — В. П. Ефанов, означенное на табличке, ничего мне тогда не говорило. Я об этом художнике до той поры не слышал. Но меня восхитила живописная сочность холста, его радостная солнечность, смелая лепка формы. Меня покорил образ девочки с сияющим личиком на фоне пейзажа, залитого золотистым светом. И мне немедленно захотелось увидеть человека, создавшего этот портрет.

Нас познакомили тут же, на выставке. Так произошла моя первая встреча с Василием Прокофьевичем Ефановым. Мы тогда крепко подружились с ним...

Ефанов был и остался неизменно верным приверженцем в искусстве традиций русской живописной школы. Великих традиций Брюллова, Кипренского, Крамского, Чистякова, Репина, Валентина Серова...

Ефанов — ученик А. Е. Архипова и Д. Н. Кардовского, вышедших из репинской мастерской. Таким образом, этот замечательный советский живописец — наследник достижений русского изобразительного искусства.

...Нет, не обмануло меня тогда, когда я стоял перед жизнерадостным портретом девочки-испанки, предчувствие, что, познакомившись с его автором, обрету я большого друга и, главное, единомышленника в искусстве.

В то время работал художник над картиной — групповым портретом «Встреча слушателей Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского с артистами театра К. С. Станиславского». Картина эта представляла собой один из труднейших видов живописного искусства — групповой портрет. Помню, как долго Ефанов бился над композицией. Сколько ему пришлось помучиться, чтобы найти такое решение, такую композиционную схему, если можно так выразиться, такую точку опоры, чтобы она помогла естественно расположить на холсте большую группу людей вокруг центральной фигуры Станиславского. И сделать это было совсем не так легко, как это кажется теперь, когда смотришь на замечательное ефановское полотно, где внешнее сходство каждого из персонажей сочетается с естественностью позы и вместе — с предопределенностью этой позы общим строем и содержанием произведения, где выражение каждого лица глубже раскрывает смысл происходящего: мастера русской сцены приехали в гости к героям-летчикам.

Василий Прокофьевич от природы щедро наделен композиционным даром. Но добивается он успеха в творчестве отнюдь не по наитию. Ефанов — великий труженик. Не помню случая, чтобы этот художник довольствовался тем, чего добился вчера.

Мы не раз за годы нашей многолетней дружбы хаживали с Ефановым вместе на этюды. Я наблюдал, как точно и легко берет этот большой живописец цвет. А сам Василий Прокофьевич часто бывал недоволен. Ему казалось, что не всегда умеет он найти на своей палитре эквивалент живому богатству красок природы.

В этих наших совместных походах на этюды я увидел, как Ефанов лепит форму непосредственно цветом, без предварительного контура. Приметил я и его такую редкую теперь у наших живописцев виртуозную технику письма, «а ля прима», когда мастер в один сеанс заканчивал работу. Во всем этом узнавалась большая, серьезная, богатая школа, пройденная Ефановым у замечательного художника и педагога Д. Н. Кардовского.

О счастливых годах учения Василий Прокофьевич любит вспоминать. И я не однажды слышал исполненные благодарности к учителю эти его рассказы. И всякий раз они оказывались дополненными какой-то новой деталью и были непременно расцвечены добрым и тонким, чисто ефановским юмором.

— Было то в 1922 году, когда из моей родной Самары приехал я в столицу, в Москву, чтобы стать художником. Подал заявление во ВХУТЕМАС. Но там тогда был «период исканий и новаций», и я со своими пристрастиями к Репину, Владимиру Маковскому, перед чьими полотнами простаивал я часами в нашем скромном Самарском художественном музее, оказался, видно, не особенно-то ко двору. Словом, меня не приняли. Но я почему-то не испугался, не растерялся. Хотя и пришлось мне весьма несладко. Случалось и на вокзале ночевать... Были тогда в Москве и другие наши самарские — Остапов, Ладин (погибший в Отечественную). И вдруг кто-то проведал о студии, которой руководит сам А р х и п о в! Мы туда. Экзамен сдали. Но, к сожалению, у Абрама Ефимовича пришлось нам заниматься всего лишь около полугода. Не поладив с владельцем студии, Архипов ушел, а следом, конечно, и все мы... Но тут, к счастью, на Тверской, в доме № 13 (на месте нынешних новых жилых домов возле Моссовета), организовалась другая, тоже частная студия, где преподавать стал Кардовский. Поступив в нее, я занимался там до 1926 года. Занятия шли в студии в трех группах: помещение (личная мастерская художника К. П. Чимко) было небольшое, а учеников много. Но мне так нравилось заниматься любимым искусством, что я целый год ухитрился работать вместе со всеми тремя группами. То есть с 10 утра до 10 вечера. И не замечал, как пролетали эти 12 часов! Половина суток. Еще бы, ведь и на занятиях рисунком и на занятиях живописью сам Дмитрий Николаевич Кардовский каждый раз выправлял наши ученические работы.

«Позвольте-ка к вам»,— вспоминая сегодня это его обращение, предшествовавшее тому, что учитель брал в руки кисть, карандаш или уголь и начинал исправлять мою работу, я волнуюсь почти так, как волновался тогда, сорок с лишним лет назад!

При этом Дмитрий Николаевич вовсе не исправлял наши ученические работы на свой лад, не стриг, как говорится, под одну гребенку. Нет, дорогой наш учитель, следуя глубоко усвоенному репинскому завету: «В каждом таланте есть зародыш новой, еще небывалой струи искусства. Предоставленный самому себе начинающий талант скорее окрепнет и пророет собственное русло...»,— безошибочно указывал действительно на недостатки, точно, просто и ясно объясняя при этом, что и как надобно делать, чтобы избежать в дальнейшем этих недостатков. Но особенность ви́дения натуры каждым из своих учеников он не только не подавлял, но помогал ей выявиться и окрепнуть.

Удивительно ли, что после такой школы — ведь Кардовский был первым ассистентом в репинской мастерской, правой рукой величайшего мастера русской живописи! — Василий Ефанов очень быстро приобрел известность, окончив студию. Успехом была встречена первая его самостоятельная картина «Подвиг Котовского», которую Василий Прокофьевич считает своей как бы дипломной работой — на право именоваться почетным званием художника. Потом была создана серия прекрасных портретов. Ведь что ни говори, а Ефанов прежде всего портретист, и к тому же, на мой взгляд, один из лучших в нашем советском изобразительном искусстве.

В годы войны живописец создал эпическое полотно «Сталинград», по натурным зарисовкам на месте сталинградских боев, портретам, написанным в феврале 1943 года непосредственно с участников великого сражения. В 1952 году из поездки в Индию Ефанов привез множество этюдов, ставших основой для живописной серии «Народные типы Индии». Вот где еще раз во всей силе проявил себя снайперский ефановский глаз, удивительная способность живописца сразу и точно видеть и брать цвет! Особенный, совершенно новый для русского художника пряный и насыщенный колорит Индии был перенесен Ефановым на его холст во всем богатстве, сочно, уверенно.

Так же точно оказалась раскрытой на ефановских холстах Италия, а совсем недавно Испания, куда мы ездили с Василием Прокофьевичем вместе и где вдоволь нагляделись на шедевры Эль-Греко, Веласкеса — любимых наших мастеров. Помню тонкие замечания Ефанова, показывавшие, как глубоко чувствует он живопись этих двух гигантов.

В последнее время Василий Прокофьевич нередко обращается к жанру. На вкладке этого номера «Огонька»—жанровая картина «Ответа жду», входящая в большой монгольский цикл произведений, привезенных художником из поездки в эту страну. Но все же Василий Ефанов и теперь прежде всего портретист. Именно здесь создано мастером лучшее.

Портреты государственных деятелей, воинов, писателей, Я. М. Свердлова, генерал-лейтенанта А. А. Игнатьева, монгольского писателя Ринчена поражают глубиной проникновения в сложный внутренний мир человека. Образы художников В. Н. Бакшеева, Г. К. Савицкого, М. И. Курилко... Последний портрет был назван «Дедушка с внучкой». И, глядя на эту работу, я неизменно восхищаюсь композиционным и колористическим мастерством живописца.

Это элегантные, вместе с тем непосредственные женские портреты. Пример тому «Москвичка».

...Да, 70 лет жизни! Из них полвека отдано творчеству. И каждый раз, встречаясь на выставках с работами Ефанова, я радуюсь их мастерству, их глубине, их цветовой щедрости. Я радуюсь еще и тому, что вот уже около 25 лет Василий Прокофьевич Ефанов, народный художник СССР, академик, лауреат Государственных премий, преподает живопись в Художественном институте имени В. И. Сурикова советской художнической молодежи, передавая ей в наследство славные русские живописные традиции, воспринятые им от своих замечательных учителей.

В. Ефанов. НА НОВОЙ РОДИНЕ. ДЕВОЧКА-ИСПАНКА. 1937.
Государственная Третьяковская галерея.

В. Ефанов. ПОДРУГИ. ПОСЛЕ ФОРУМА. 1961.

Генрих ГУРКОВ

БЕССМЕРТИЕ «ГЕНЕРАЛА»

Стройная бетонная игла берлинской телевизионной башни упрямо вонзается в серое, пасмурное небо, заунывный, моросящий дождь — неизменная примета здешней зимы — гонит прохожих куда-нибудь под крышу, шоферы нарядных туристских автобусов, что методично утюжат магистрали столицы, включают «дворники», а сами туристы, ощетинившиеся фотоаппаратами, предпочитают через стекло всматриваться в этот город, с которым у каждого связано столько сложных и противоречивых ассоциаций.

«Унтер ден Линден»,— говорит гид. «Фридрихштрассе»,— говорит гид. «Бранденбургские ворота»,— показывает он. Старые адреса Берлина.

«Маркс-Энгельс-плац»... Это новый адрес.

1 мая 1951 года Германская Демократическая Республика, которой в ту пору не исполнилось и двух лет, назвала так центральную площадь своей столицы. И это было больше, неизмеримо больше, чем простое переименование: первое рабоче-крестьянское государство в истории Германии, только лишь вставшее на ноги, заявило тем самым еще раз о победе марксизма на немецкой земле, о превращении его в государственную идеологию, заявило о том, что бессмертные слова «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» определяют содержание общественной жизни республики и политический курс ее правительства.

На площади имени Маркса и Энгельса ГДР отмечает свои самые большие праздники: 1 мая — день братства трудящихся всех стран, 7 октября — день рождения республики, 8 мая — День освобождения. В числе воинских частей, которые проходят парадным строем мимо праздничных трибун,— молодые пограничники, те, кто несет службу на границе с Западным Берлином, на рубеже двух систем, двух идеологий, двух миров — социализма и капитализма. Казарма этих ребят расположена неподалеку от Унтер ден Линден, на берегу Шпрее, возле «острова музеев», где собраны редчайшие коллекции по истории когда-то великих, а позднее исчезнувших империй и династий. Казарма носит имя Фридриха Энгельса.

В свое время здесь, в Берлине, двадцатилетний Энгельс проходил курс «военных наук» в 12-й роте гвардейского артиллерийского полка. Прусская система бессмысленной и бездушной муштры, преклонение перед чинами, эполетами, формой и злили и забавляли его: в письмах из Берлина, адресованных сестре, он с блистательным сарказмом описывает быт и нравы этой бесконечно чуждой ему армии.

В марте 1842 года его соизволили произвести в бомбардиры — нижний чин старой прусской армии, между канониром и капралом. На этом «карьера» Энгельса в войсках его величества прусского короля была благополучно завершена, и в октябре того же года Энгельс покидает военную службу. Пройдет тридцать лет, и с легкой руки дочери Маркса Женни он получит прозвище «Генерал». Так называли его все друзья после 1870 года, когда в серии великолепных статей, опубликованных в «Пэлл-Мэлл Газетт», Энгельс с поразительной глубиной и точностью проанализировал ход боевых действий во франко-прусской войне, предсказав битву при Седане и разгром французской армии.

«...Энгельс был как бы создан военным: ясный взгляд, уменье быстро ориентироваться и взвесить даже мельчайшие обстоятельства, быстрота решений и невозмутимое хладнокровие... Он написал ряд превосходных военных произведений и завоевал,— разумеется, инкогнито,— признание со стороны профессиональных военных первого ранга, которые и понятия не имели, что анонимный автор брошюр носит одно из наиболее «подозрительных» бунтарских имен... В Лондоне мы шутливо называли его «Генералом». Если бы при его жизни еще раз произошла революция, то у нас был бы в лице Энгельса свой Карно[1] — организатор армий и побед, военный мыслитель...» — так писал Вильгельм Либкнехт в «Воспоминаниях об Энгельсе», опубликованных в 1897 году.

Революция пришла в Германию, пришла в Берлин в ноябре 1918 года. С балкона императорского дворца Карл Либкнехт провозгласил «свободную социалистическую республику Германию». Ее потопили в крови германский капитал и реакционная военщина. 19 января 1919 года, через четыре дня после зверского убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург, под наблюдением контрреволюционных полков «кровавой собаки» Носке состоялись выборы в Национальное собрание Веймарской республики. А в Мюнхене отставной ефрейтор кайзеровской армии Адольф Гитлер записал в дневник строчки, которые он потом повторит в «Майн кампф»: «Я решил стать политиком...»

Сегодня только заросший густой травой холм неподалеку от Бранденбургских ворот напоминает о том месте, где стояла помпезная имперская канцелярия, где порцией крысиного яда закончилась зловещая история «великого фюрера» и созданного им «тысячелетнего рейха», просуществовавшего двенадцать лет и унесшего пятьдесят миллионов человеческих жизней. А по Унтер ден Линден, где когда-то летели в костер книги Маркса и Энгельса, шагают на занятия студенты Гумбольдтского университета, для которых марксизм-ленинизм не только предмет в учебной программе, но и глубокое жизненное убеждение, метод познания и изменения мира, всесильный, потому что верный.

...Портреты Энгельса на улицах Берлина. Газетные страницы, посвященные его жизни и деятельности. Семинары, доклады, лекции. Международная научная конференция, проведенная ЦК Социалистической единой партии Германии,— в ней приняли участие представители более сорока коммунистических и рабочих партий, а также национально-революционных партий и движений. Серия почтовых марок, посвященных юбилею. Новая биография Энгельса, подготовленная коллективом авторов. Сборник писем Энгельса — он называется «Между бюро и баррикадой». Сборник воспоминаний современников...

Конечно, все последние недели подготовка к тому, чтобы достойно отметить 150-летие со дня рождения Фридриха Энгельса, определяла в значительной степени общественно-политическую жизнь ГДР. Это естественно. А как в другом германском государстве, где находится географическая родина Энгельса — рейнский городок Бармен?

Мой коллега из «Нойес Дойчланд» д-р Харальд Вессель совершил путешествие по местам, где жил и работал Энгельс. Приведу один отрывок из его записок: «Панический страх перед каждой последовательно революционной идеей до сегодняшнего дня характерен для немецкой буржуазии. Мы находим подтверждение этому, осматривая залы Франкфуртской книжной ярмарки. Мы хотим узнать, что может предложить Федеративная республика незадолго до 150-летия со дня рождения Фридриха Энгельса из его произведений и книг о нем. Всего на ярмарке представлено 30 тысяч новинок на немецком языке. Сколько из них — западногерманские издания Энгельса и об Энгельсе? Через несколько часов после точных подсчетов мы знаем это: полдюжины, или 0,02 процента!»

Конечно, никому не придет в голову сравнивать эти мизерные цифры с числом и тиражами изданий Энгельса в ГДР, на его подлинной родине. Не для сравнения, для информации приведу последние данные, полученные в берлинском издательстве «Дитц-ферлаг». Только в этом издательстве работы Энгельса выпущены до настоящего времени тиражом в 3 760 тысяч экземпляров; произведения, написанные совместно Марксом и Энгельсом, изданы тиражом в 4 435 тысяч экземпляров; на первом месте — «Манифест Коммунистической партии», его общий тираж в издательстве «Дитц-ферлаг» достиг 2 650 тысяч экземпляров.

Впрочем, было бы неправильно сказать, что в ФРГ полностью замалчивают юбилей Энгельса. Мне попало в руки несколько публикаций, довольно точно отразивших те тенденции, которые типичны для антикоммунистической пропаганды сегодня, когда примитивные, лобовые атаки, сопровождаемые надрывной руганью и угрозами, не проходят. Взять, например, выпущенный издательством «Петер Хаммер» в Вуппертале сборник, озаглавленный «Фридрих Энгельс — профили». К нему написал предисловие социал-демократ Иоханнес Рау, много лет занимавший пост обер-бургомистра Вупперталя, а ныне министр культуры земли Северный Рейн-Вестфалия. По мнению автора, Энгельс «достоин серьезного изучения», хотя и... устарел. Аргументы? Их нет. Устарел, и все тут. Словно и не существует родившегося в грозовую октябрьскую ночь 1917 года социалистического мира, который живет, развивается, крепнет по законам, открытым Марксом, Энгельсом, Лениным и тысячекратно подтвержденным жизнью. Словно и нет рядом, за Эльбой, другого германского государства, где, опираясь на марксизм-ленинизм, немцы, которые называют себя наследниками «Коммунистического манифеста», добились исторических успехов в создании нового, предсказанного Марксом и Энгельсом общества...

Сейчас, когда ГДР чествует великого ученого и борца, великого интернационалиста, особенно отчетливо и убедительно, во множестве событий и деталей раскрывается тот успех республики, который без преувеличения можно назвать человеческим чудом.

Идеалом воспитания в нацистской педагогике был нерассуждающий робот, марширующий, куда прикажут. При этом ему внушали, что он лучше, умнее, голубоглазее всех других, ему измеряли форму черепа и выводили из разности полуокружий и сфер право убивать поляка, француза, русского. Финал известен: из 100 немцев рождения 1924 года 25 погибли или пропали без вести, 33 были тяжело ранены и стали инвалидами, 5 были легко ранены. Но есть ли статистика, которая сможет учесть безысходность, неверие ни во что, отчаяние и опустошенность?

Трудно восстанавливать разрушенные города, но еще труднее лечить человеческие души. И если задать вопрос тем, кто начинал тогда, в мае сорок пятого, на руинах городов и душ, создавать новую Германию,— что вело их, что было главным, как стало возможным то, чему мы радуемся и чем гордимся сегодня, знакомясь с жизнью ГДР, ответ — я его множество раз слышал — будет звучать: «У нас есть друг, надежный и могучий — Советский Союз. У нас есть опыт — ваш и наш. У нас есть бесценный капитал — марксизм-ленинизм».

Слова «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» прозвучали впервые на немецком языке, но нужны были октябрь 1917-го и май 1945-го, чтобы они победили здесь, в Берлине. Это всегда помнят и это умеют ценить в ГДР.

* * *

28 сентября 1893 года Энгельс покидал Берлин, где провел тринадцать дней, встречаясь с друзьями и единомышленниками. Он собирался вскоре приехать еще раз, но не приехал. 6 августа 1895 года Вильгельм Либкнехт нашел на своем столе в редакции «Форвертс» телеграмму: «Генерал тихо скончался вчера в 10.30 вечера».

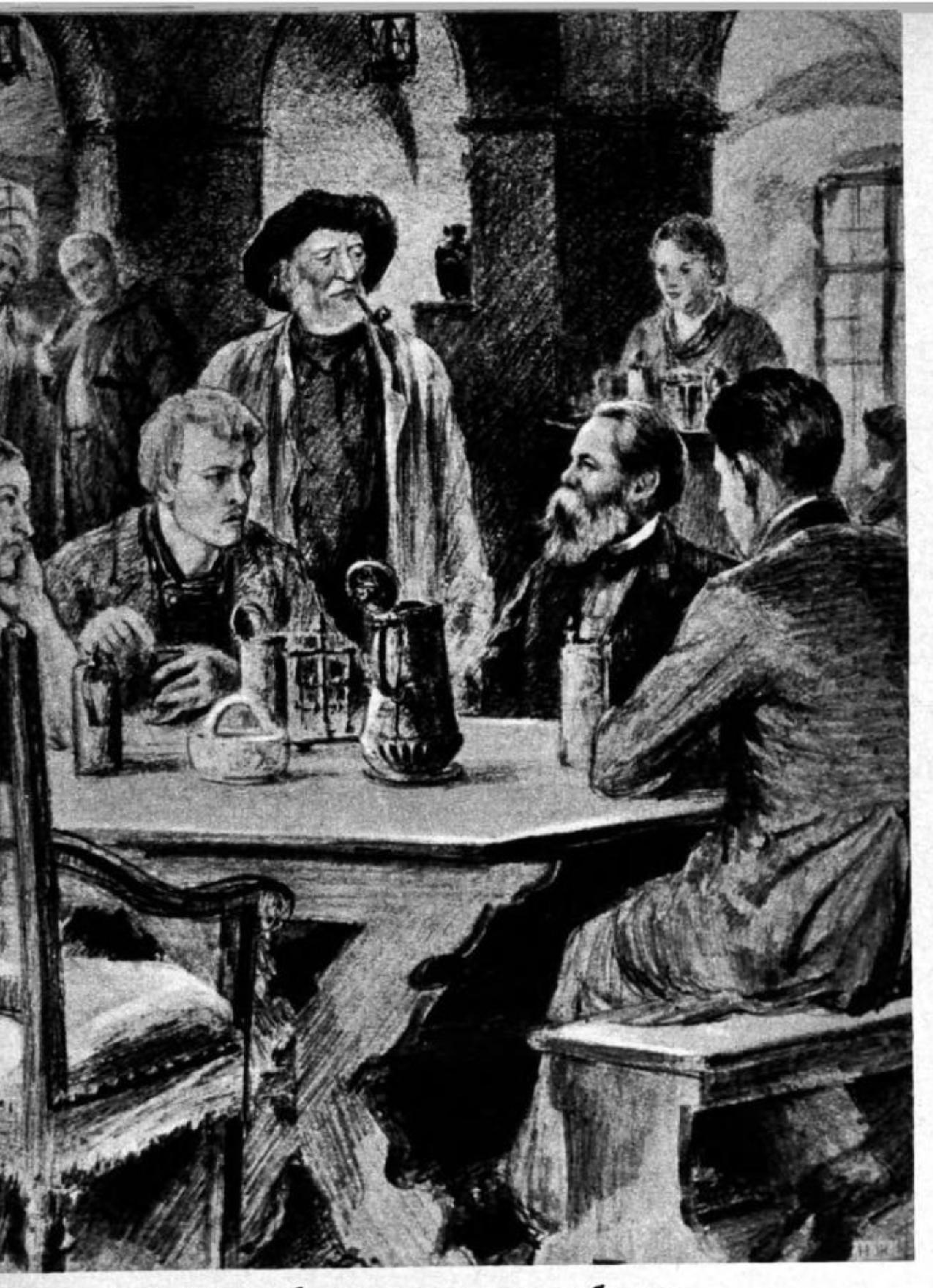
Его похоронили так, как он хотел,— опустили урну с прахом в открытое море в районе английского местечка Истборн в двух милях от берега. Это было 27 августа 1895 года.

Незадолго до этого в Берлине в Публичной библиотеке начал работать молодой русский. Он читал там Маркса и Энгельса — книги, которые в ту пору почти невозможно было получить в России.

Русского звали Владимир Ульянов.

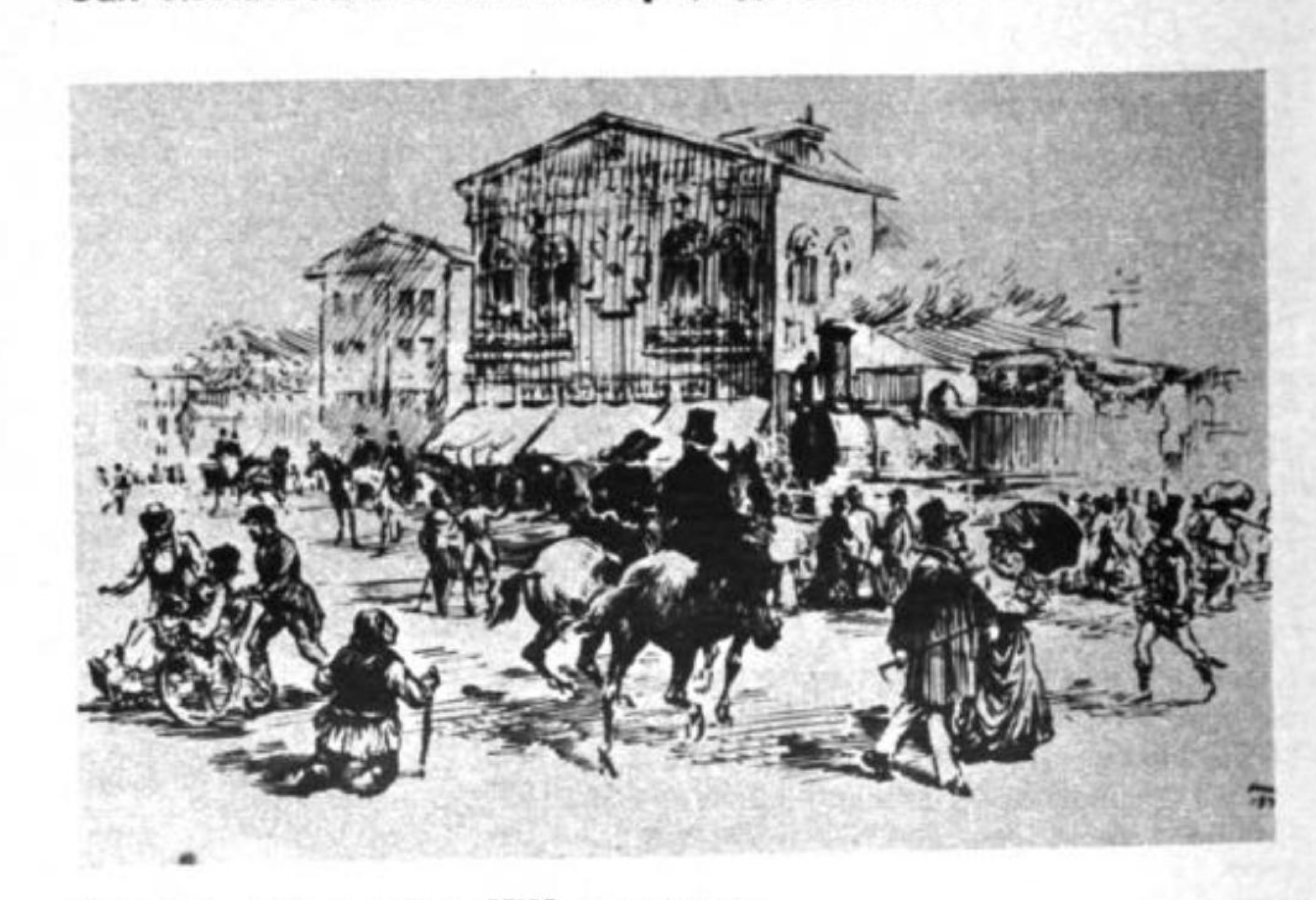
Берлин, ноябрь.

[1] Лазар Никола Карно — политический и военный деятель французской буржуазной революции конца XVIII века.

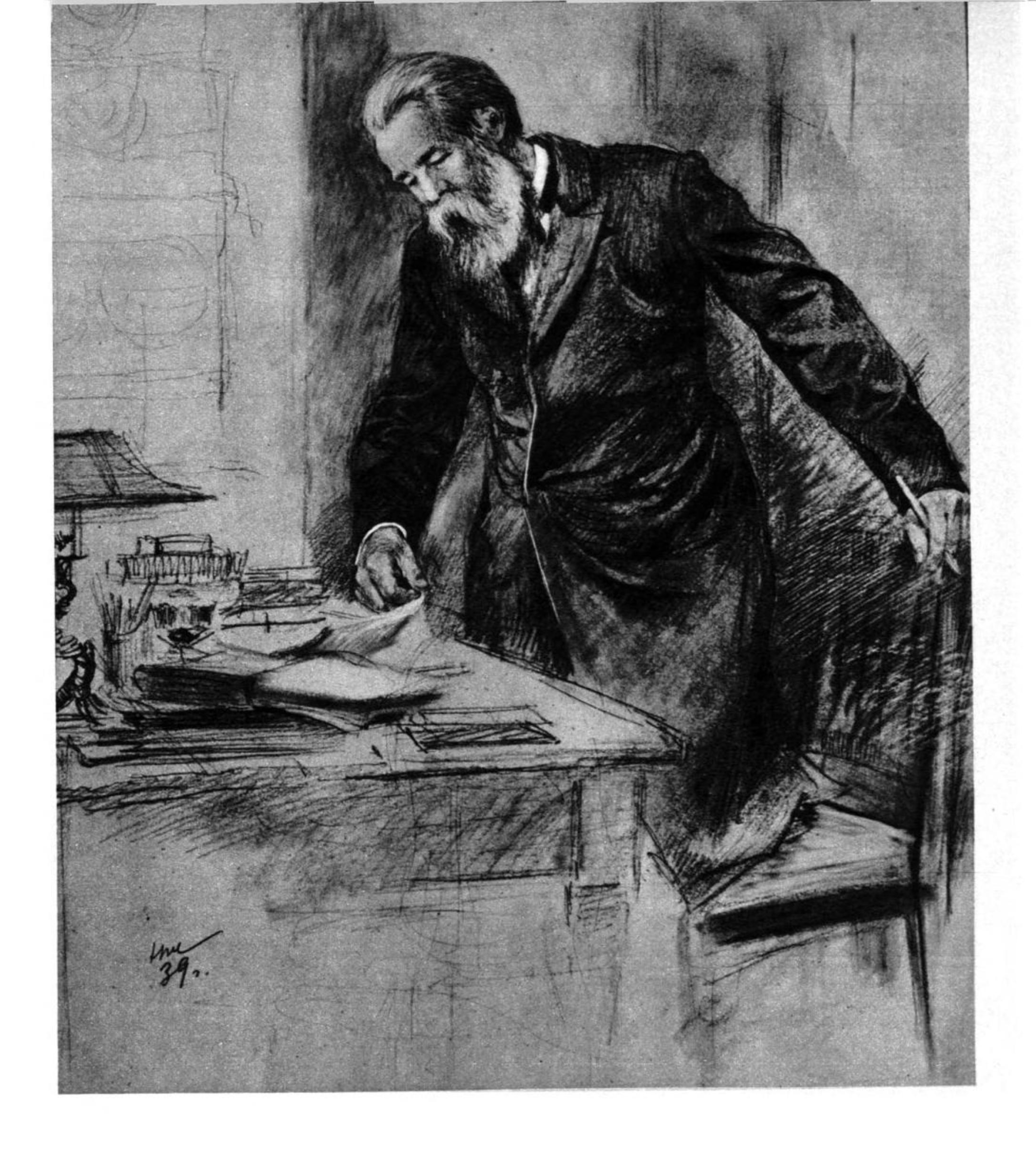

Ф. Энгельс беседует в таверне с рабочими.

Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Этюд к композиции.

Зал библиотеки в Манчестере, где работал Ф. Энгельс.

Лондон. 70-е годы XIX столетия.

Ф. Энгельс.
Этюд к композиции.

ЭНГЕЛЬС

в рисунках
народного художника СССР
Н. Н. ЖУКОВА

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС осуществил два издания Сочинений Маркса и Энгельса. Они послужили основой для издания трудов великих основоположников марксизма на многих языках народов мира. Вместе с Институтом марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ начата подготовка международного издания Полного собрания сочинений Маркса и Энгельса на языках оригинала. Вся эта огромная издательская деятельность теснейшим образом связана с поисковой и собирательской работой, которая была начата по инициативе В. И. Ленина и не прекращалась ни на один год. Она продолжалась даже в суровые годы Великой Отечественной войны. Очень много ранее неизвестных документов было получено после войны, в пятидесятые и шестидесятые годы, от внуков и правнуков Маркса. Большой вклад в собирание рукописного наследства Маркса и Энгельса был сделан многими коммунистическими и рабочими партиями, которые не раз подчеркивали, что они рассматривают архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС как мировое хранилище рукописного наследства основоположников марксизма.

Интересные документы, относящиеся к Энгельсу, получены в последнее время из разных стран, в том числе с родины Энгельса, из городов Вупперталя и Энгельсхирхена.

Сегодня «Огонек» рассказывает о нескольких эпизодах, связанных с поиском и сбором документов одного из великих основоположников марксизма.

Дом в Бармене (ныне Вупперталь, ФРГ), где родился Ф. Энгельс.

Б. РУДЯК,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

ПОИСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ПАКЕТ ИЗ ЛОНДОНА

Шел третий год Великой Отечественной войны. В суровые дни августа 1943 года в Институт Маркса — Энгельса — Ленина в Москве нелегкими путями прибыл пакет из Лондона. В нем оказалась книга Фридриха Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Это был подлинник английского перевода книги 1888 года издания. На титульном листе — надпись Фридриха Энгельса: посвящение племяннице Гертруде Бланк. Прислал книгу из Лондона ее сын, внучатый племянник Ф. Энгельса Роберт Бланк. В сопроводительном письме он, в частности, сообщал: «Из-за этого посвящения мы берегли книгу как драгоценную реликвию свыше 55 лет, но в военное время, когда возможны всякие случайности, решил я, что книга должна находиться там, где она будет в вечной сохранности и где ее будут ценить не меньше, чем в нашей семье. Поэтому я предлагаю эту книгу в дар вашему институту».

В ответ на письмо, посланное ему дирекцией института, д-р Бланк 23 января 1944 года писал:

«Прошу вас принять мою искреннюю благодарность за ваше письмо, в котором вы с таким глубоким почтением отнеслись к памяти Фридриха Энгельса и которое столь красноречиво свидетельствует о любви и уважении народов вашей страны к нему и его гениальному другу Карлу Марксу. Ваше письмо, которое я буду хранить так же, как раньше хранил книгу, находящуюся теперь в ваших руках, показывает мне, что, желая быть верным памяти моего двоюродного деда и оказать услугу общему делу, за которое он боролся, я не мог совершить ничего лучшего, чем подарить эту книгу вам — единственным во всем мире хранителям наследия Энгельса. С другой стороны, вы правильно поняли мою мысль, увидев в этом подарке знак моего преклонения перед непобедимым Советским Союзом и необыкновенными подвигами Красной Армии. Ни одна страна в мире не могла бы дать нам такую несокрушимую уверенность в том, что теперь, в этой поистине титанической и неустанной борьбе, творится история не только нашего времени, но и грядущих поколений.

Я глубоко счастлив сознанием того, что книге, которую мы долгое время хранили как сокровище, теперь больше не угрожают политическая нетерпимость, преследования, вражда, несправедливости классового общества и тому подобное».

ПИСЬМА БРАТЬЯМ ГРЕБЕРАМ

Вскоре после войны, в январе 1946 года, другой внучатый племянник Ф. Энгельса, Эмиль Энгельс, обратился с письмом к Советской военной администрации в Германии. Он сообщил о своей готовности передать Институту Маркса — Энгельса — Ленина в Москве ряд подлинных документов Ф. Энгельса. Эмиль Энгельс жил тогда в городе, находившемся в Британской зоне оккупации Германии. В письме он рассказывал, что с юных лет проявлял большой интерес к двоюродному деду и был единственным из семейства Энгельсов, кто вел обширную переписку со всеми, интересовавшимися изданием его произведений. В конце 20-х годов Эмиль передал Институту Маркса — Энгельса в Москве фотокопии писем Ф. Энгельса к школьным друзьям — братьям Греберам. В свою очередь, писал Эмиль, институт «подарил мне много книг корреспонденции Маркса с Энгельсом, а также фотокопию одного письма моей бабушки Фридриху Энгельсу». Далее Эмиль сообщал: «Письма Фридриха Энгельса я в 1933 году особенно тщательно спрятал вне моего дома, чтобы их спасти от национал-социалистской власти... Эти письма я готов подарить СССР, Институту имени Маркса — Энгельса, но опасаюсь эти драгоценные документы послать по почте, так как боюсь, что они не дойдут до места назначения».

Вскоре к Эмилю приехали советские представители, и он передал им среди других документов 19 подлинных писем Ф. Энгельса, адресованных школьным товарищам — братьям Греберам—в 1839—1841 годах. Известно огромное значение этих писем для изучения того, как формировались атеистические и революционно-демократические взгляды Энгельса. Эти письма отразили широкий круг интересов, которыми жил в то время молодой Энгельс. Увлекаясь изучением иностранных языков, он иногда посылал своим друзьям «многоязычные» письма. Нередко в них можно встретить слова, целые фразы на древнегреческом, латинском и древнееврейском языках. В одном из таких «многоязычных» писем, написанном на 9 языках, Энгельс дает образную характеристику почти каждому из них: «...так как я пишу многоязычное письмо, то теперь я перейду на английский язык,— или нет, на мой прекрасный итальянский, нежный и приятный, как зефир, со словами, подобными цветам прекраснейшего сада, и испанский, подобный ветру в деревьях, и португальский, подобный шуму моря у берега, украшенного цветами и лужайками, и французский, подобный быстрому журчанию милого ручейка, и голландский, подобный дыму табачной трубки, такой уютный».

Известно, что впоследствии Ф. Энгельс владел более чем двадцатью языками, в том числе и русским.

Из другого письма братьям Греберам видно, с какой ненавистью относился молодой Энгельс к преступлениям царствующих династий. «От государя,— писал он,— я жду чего-либо хорошего только тогда, когда у него гудит в голове от пощечин, которые он получил от народа, и когда стекла в его дворце выбиты революцией». Вместе с письмами Ф. Энгельса братьям Греберам Эмиль передал ИМЭЛу большую коллекцию газетных вырезок с откликами на смерть Фридриха Энгельса.

ВЫВЕЗЕНО ИЗ «ВЛАДЕНИЙ» АРХИЕПИСКОПА МАРСЕЛЬСКОГО...

В начале июня 1946 года журналист Карл Прейснер (псевдоним Петер Каст), бывший член КПГ, с 1946 года — член СЕПГ, сообщил, что, будучи в эмиграции в Швейцарии, сохранил «Капитал» К. Маркса с собственноручным посвящением автора и с его исправлениями и сборник Ф. Энгельса «Статьи на международные темы из газеты «Фольксштат (1871—1875 гг.)», тоже с собственноручными пометками автора. В своем письме Карл Прейснер сообщил: «Оба документа принадлежали Фридриху Адлеру, затем были включены в библиотеку Венского дома рабочих и служащих. При нападении Гитлера на Австрию тогдашний библиотекарь Венского дома рабочих и служащих,

рабочий поэт Фриц Брюгель спас эти документы и переправил их в Швейцарию, а оттуда они попали в Южную Францию. Товарищ Брюгель вынужден был впоследствии, попав в нужду, продать оба документа вместе со своей библиотекой Курту Лихтенштейну в Ле Лаванду около Тулона. Под впечатлением французского поражения Лихтенштейн перешел в католичество и перед отъездом в США завещал свою библиотеку вместе с документами Маркса и Энгельса архиепископу Марсельскому. На меня легла неприятная обязанность подготовить — под наблюдением одного марсельского аббата — библиотеку к перевозке... Мне удалось спасти эти документы... После полной оккупации всей Франции я бежал в декабре 1942 года в Швейцарию. Для большей безопасности я оставил оба документа на сохранение у одного профессионального контрабандиста в Верхней Савойе. Контрабандисту этому удалось через месяц после моего перехода через границу переправить ко мне в Швейцарию документы... Теперь я предоставляю их в распоряжение Института Маркса — Ленина в Москве».

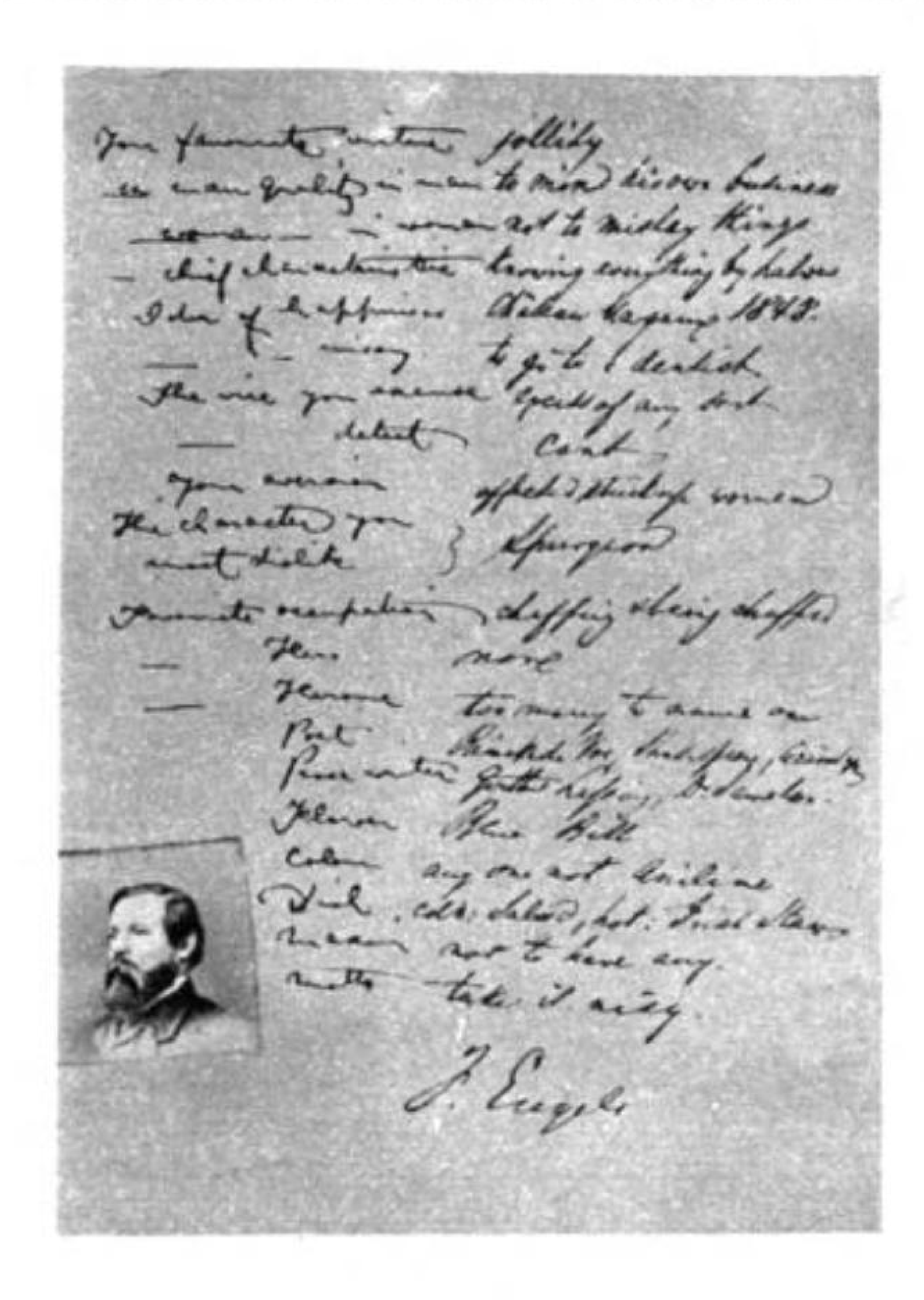
К этому необходимо добавить, что, по имеющимся сведениям, относящимся к 1938 году, Ф. Брюгель располагал значительным количеством подлинных документов Маркса, Энгельса и Ленина. Среди присланных им окольными путями из Франции фотокопий оказалось два ранее неизвестных письма Ф. Энгельса Виктору Адлеру: от 28 января и 16 марта 1895 года. Местонахождение указанных подлинников, а также целого ряда других документов, которые были только перечислены Ф. Брюгелем, до настоящего времени остается неизвестным. Среди перечисленных документов упоминалась и рукопись Энгельса на трех страницах без даты.

ПРОДАНО НА АУКЦИОНЕ

За последние годы в различных странах Европы и Америки — у антикваров и на аукционах — стали предлагаться к продаже документы К. Маркса и Ф. Энгельса. В ряде случаев документы оказались совершенно недоступными для исследователей. К продаже стали предлагаться не только целые документы, но также отдельные листы из тетрадей и рукописей. Многие из продававшихся за рубежом документов представляют значительную ценность для истории марксизма.

Например, начиная с 1966 года на различных аукционах мира было продано 11 писем Маркса и Энгельса в адрес английского прогрессивного политического и общественного деятеля Томаса Олсопа и 5 писем в его адрес от членов семьи К. Маркса. Все эти письма никогда ранее не публиковались. На протяжении трех поколений они хранились в семейном архиве Олсопов. 5 писем Ф. Энгельса Т. Олсопу, письмо Женни Маркс Олсопу и 4 письма Женни Лонге в тот же адрес также оказались среди тех документов, которые продавались с аукциона. Они посвящены анализу политической обстановки в Европе и больше всего положению в России. В одном из писем содержится оценка реформы 1861 года, которая, по словам Энгельса, оставила крестьян в положении, когда они не смогут ни жить, ни умирать. В одном из писем Энгельс исключительно высоко оценивает революционное движение в России, «которое идет вперед гигантскими шагами». Энгельс замечает, что взрыв в России и крах деспотизма кажутся ему неизбежными, хотя он и не берется предсказывать, когда это произойдет. Моральный эффект революционного взрыва в России, по словам Энгельса, будет иметь колоссальное влияние на все европейские народы.

На аукционах различных стран в последнее время наблюдается тенденция спекулятивного взвинчивания цен на автографы Маркса и Энгельса. Эти обстоятельства серьезно осложняют собирание документов в научных целях.

Исповедь

Лондон, начало апреля 1868 г.

Достоинство, которое Вы больше всего цените в людях	Веселость
в мужчине	Не вмешиваться в чужие дела
в женщине	Умение класть вещи на свое место
Ваша отличительная черта	Знать все наполовину
Ваше представление о счастье	Шато-Марго 1848 г.[1]
Ваше представление о несчастье	Визит к зубному врачу
Недостаток, который Вы считаете извинительным	Излишества всякого рода
Недостаток, который внушает Вам наибольшее отвращение	Ханжество
Ваша антипатия	Жеманные, чопорные женщины
Особо неприятный Вам тип	Сперджон[2]
Ваше любимое занятие	Поддразнивать самому и отвечать на поддразнивания
Ваш любимый герой	Нет ни одного
героиня	Их слишком много, чтобы можно было назвать только одну
Ваш любимый поэт	«Рейнеке-лис»[3], Шекспир, Ариосто и т. д.
Ваш любимый прозаик	Гёте, Лессинг, д-р Замельсон[4]
Ваш любимый цветок	Колокольчик
цвет	Любой, если это не анилиновая краска
Ваше любимое блюдо	Холодное — салат; горячее — ирландское рагу
Ваше любимое житейское правило	Не иметь никакого
Ваш любимый девиз	Относиться ко всему легко

Ф. ЭНГЕЛЬС

[1] Марка вина; в выборе даты содержится намек на революционные события 1848 года.
[2] Популярный баптистский проповедник, фанатик.
[3] Энгельс имеет в виду Гёте; его поэма «Рейнеке-лис» восходит к немецкой версии известного средневекового «Романа о Лисе».
[4] Немецкий глазной врач в Манчестере, член литературного клуба (у Энгельса в это время были больны глаза).

К ИСТОРИИ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

В 1960 году в Советский Союз приехал из Франции один из правнуков Карла Маркса — Марсель-Шарль Лонге. Он передал Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС так называемую «Книгу-исповедь», принадлежавшую старшей дочери К. Маркса — Женни. Увлечение составлением таких книг в 60—70-е годы прошлого столетия распространилось в Англии, а затем и в Германии под названием «Познай самого себя». Каждый, к кому обращался составитель книги, должен был в анкете-«исповеди» ответить на ряд вопросов. Ответы нередко бывали шутливыми, но они так или иначе дают сейчас определенное представление о личности автора. В «Книге-исповеди», собранной дочерью Маркса Женни, оказались «исповеди» всех членов семьи К. Маркса, многих деятелей международного рабочего движения. И не удивительно, что почетное место среди других занимает «Исповедь» с ответами Фридриха Энгельса, которого дочери Маркса горячо любили. Эти ответы были впервые опубликованы в 1964 году в 32-м томе второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на русском языке. Все ответы Ф. Энгельса в отличие от ответов К. Маркса носят шутливый характер и вместе с тем ярко характеризуют личность Энгельса — веселого, неистощимого на выдумки человека, которому ничто человеческое не чуждо.

К «Исповеди» Ф. Энгельса, как и к большинству других «исповедей», приложена фотография, которая до 1960 года сотрудникам института не была известна. Она очень поблекла, и попытки разыскать лучший экземпляр не увенчались успехом. И вот совсем недавно в одном западногерманском издании, посвященном Ф. Энгельсу, была опубликована четкая репродукция этой фотографии, датированной 1856 годом, с указанием владельца оригинала. Им оказался Герман Энгельс, проживающий в Энгельскирхене, недалеко от Вупперталя. Сотрудникам Института марксизма-ленинизма, побывавшим летом нынешнего года в Вуппертале, не удалось встретиться с Германом Энгельсом, но через некоторое время его посетили советские представители и он передал для института репродукцию и диапозитив этой фотографии вместе с копиями 12 ранее неизвестных писем в адрес Фридриха Энгельса, в том числе 10 писем его матери — Элизы Энгельс. Герман Энгельс сообщил, что оригинал фотографии хранится у его дочери, проживающей в Кёльне.

* * *

По данным секции документов К. Маркса и Ф. Энгельса Центрального партархива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, до сих пор еще не разыскано около 1 400 писем К. Маркса и Ф. Энгельса, не обнаружены рукописи ряда их работ, о которых имеются упоминания. Неизвестно, где находятся многие документы, с которых еще в 20-е годы были сделаны фотокопии. В связи с подготовкой к изданию Полного собрания сочинений Маркса и Энгельса на языках оригинала, издания которого будут осуществлять институты марксизма-ленинизма в Москве и Берлине, очень важно активизировать розыск литературного и рукописного наследства К. Маркса и Ф. Энгельса. Поиск продолжается, и, вероятно, найдется немало энтузиастов в нашей стране и за рубежом, которые сочтут своим почетным долгом принять участие в этом поиске.

БАРЕВ ДЗЕЗ! ДОБРО ВАМ!

Интервью «Огонька»

А. Е. КОЧИНЯН,
Первый секретарь ЦК КП Армении

Вопрос: По народному обычаю нам прежде всего хочется приветствовать хозяйку гостеприимного дома, куда в эти дни съезжаются гости со всех концов нашей Родины, из многих стран мира, поздравить Советскую Социалистическую Армению с полувековым юбилеем. Каковы приметы наступающих торжеств?

Ответ: Прежде всего — спасибо большое. Такого праздника еще не знала наша древняя земля. Если проехать сейчас всю Армению от Зангезура на юге до Лори, северного горного края, то в каждом городе, каждом поселке и селе вы увидите радостные приметы. Люди украшают свои дома, надевают лучшую одежду. Земледельцы достают старые, запыленные бутылки, ставят на стол вазы со свежими гроздьями винограда, еще хранящими прикосновение нашего жаркого солнца.

На заводах готовят подарки в честь юбилея. В Ереване собран первый образец нового автобуса и первая в Союзе универсальная электронная вычислительная машина «третьего поколения» — «Наири-3». В Кировакане на заводе прецизионных станков выпущен тысячный электроискровой станок. Его предшественники, награжденные золотыми медалями и дипломами первой степени на международных выставках, работают во многих городах нашей страны, в двадцати странах мира. В Горисском районе дала первый ток Татевская ГЭС. В Раздане пущен

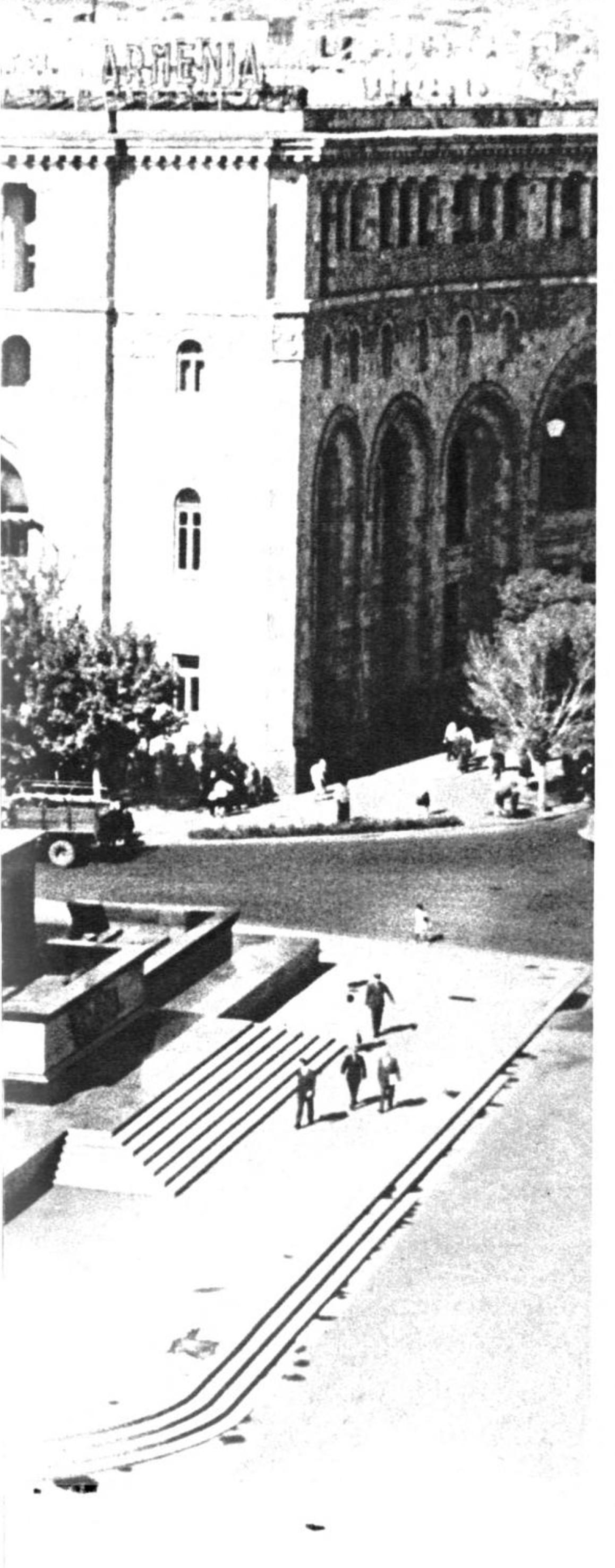

Фото С. Гурария.

турбогенератор мощностью 200 тысяч киловатт и на горнохимическом комбинате получены первые тонны высококачественного цемента.

Контрольные цифры пятилетнего плана капиталовложений до срока выполнили строители Армении. А ведь от их успехов зависит рост всего общественного производства, решение важных социальных задач, повышение благосостояния народа. Что это значит практически? Население республики в нынешнем году получит 765 тысяч квадратных метров жилья, построенного за счет государства; на 32 тысячи мест расширились школы Армении; в Ереване сооружен замечательный стадион на 75 тысяч человек; в Ленинакане и Аштараке зрители придут в новые современные здания театров.

Сейчас в Армении золотая осень. Пора сбора богатого урожая. Не только плодов или винограда. Но и новых полотен художников, новых музыкальных произведений, которые композиторы республики специально приурочили к празднику. Новых, еще пахнущих свежей типографской краской книг наших писателей.

Все это лишь некоторые из многих примет праздника.

Хочу сказать о главной примете — о сердце нашего народа. Оно полно радости и благодарности. Опираясь на помощь братских народов, в первую очередь русского, Армянская Советская Социалистическая Республика год от года неуклонно поднимается по ступеням роста.

Вопрос: Вместе с полувековым юбилеем республика отмечает пятидесятилетие Коммунистической партии Армении. Расскажите, пожалуйста, о революционных истоках сегодняшних свершений.

Ответ: История революционного, коммунистического движения в Армении неотделима от Ленина, от созданной им партии большевиков. Еще в начале XX века возникли первые марксистские организации в Армении — в Эривани, Александрополе, Карсе, Джалалоглы, Ахпате и других местах. «Союз армянских социал-демократов» в 1902 году провозгласил себя составной частью РСДРП. «Мы от всей души приветствуем Манифест «Союза армянских социал-демократов»,— писал В. И. Ленин,— и особенно замечательную попытку его дать правильную постановку по национальному вопросу». Революционные социал-демократические организации Армении решительно стали на позиции большевизма и пролетарского интернационализма. Во время первой русской революции и в последующие годы они шли во главе освободительного движения трудящихся, руководили классовыми боями. Вместе с большевиками других народов они бережно хранили интернациональный характер партийной организации. В трудах В. И. Ленина мы находим высокую оценку (1913 г.): «У нас и на Кавказе с.-д. грузины + армяне + татары + русские работали **вместе, в единой** с.-д. организации **больше десяти лет.** Это не фраза, а пролетарское решение национального вопроса. Единственное решение».

В революционной борьбе выковывались ученики и соратники Ленина, подлинные интернационалисты, выдающиеся деятели Коммунистической партии. Среди них сыновья Армении — Степан Шаумян, Сурен Спандарян, Богдан Кнунянц, легендарный Камо — Симон Тер-Петросян, Александр Мясникян и многие другие.

Великая Октябрьская социалистическая революция воодушевила всех трудящихся Армении в их борьбе за Советскую власть. В тяжелые годы дашнакского режима армянские большевики возглавили движение масс против антинародного правительства. При непосредственной помощи В. И. Ленина и ЦК РКП(б) произошло укрепление партийных рядов. В результате огромной работы в июне 1920 года организационно оформилась Коммунистическая партия Армении.

Осенью 1920 года Армения оказалась накануне катастрофы. В ее пределы вторглись иностранные захватчики. Антинародная политика правительства дашнаков зашла в окончательный тупик. Трудящиеся, руководимые Коммунистической партией Армении, поднимают восстание. На помощь им спешит XI героическая армия. 29 ноября 1920 года Советская власть в Армении победила, и эту победу приветствовал В. И. Ленин.

С именем Ленина, с его революционным гением, с ленинской Коммунистической партией Советского Союза неразрывно связано социальное и национальное освобождение армянского народа, его социалистическое возрождение. Ленинские идеи и сегодня освещают коммунистам Армении, всем трудящимся путь к новым победам, путь к коммунизму.

Вопрос: Вы сказали о социалистическом возрождении Армении, не могли бы вы раскрыть подробнее сущность этих слов?

Ответ: Советская власть от дореволюционной Армении получила тяжелое наследство. Очень слабо развитая промышленность, сельское хозяйство с применением в основном ручного труда — даже такая отсталая экономика пришла в полный упадок в результате первой империалистической войны и авантюристической политики дашнаков.

То, что произошло у нас за 50 лет,— это не просто большие количественные изменения, естественные, когда речь идет о сравнительно большом отрезке времени. Сегодняшняя Армения — это скачок в совершенно новое качество.

До революции Армения почти не отличалась по экономическому уровню от соседей, скажем, от Ирана или Турции. Сейчас же она намного опередила их. Из нищей окраины царской России Армения превратилась в цветущую социалистическую республику с высокоразвитой многоотраслевой промышленностью, крупным механизированным сельским хозяйством, передовой наукой и культурой. Вместе с другими республиками Советского Союза Армения вступила в период зрелого социализма, при котором шире, всестороннее раскрываются все внутренние возможности нового общественного строя.

В сегодняшней Армении наряду с традиционной электротехнической, цветных металлов, пищевой и легкой промышленностью быстро развиваются такие новейшие отрасли, знаменующие научно-техническую революцию, как электроника, радиотехника, производство средств автоматизации и вычислительных машин, точное машиностроение и

Ереван. Площадь В. И. Ленина.

приборостроение. В юбилейном году объем промышленной продукции республики превысит дореволюционный уровень в 180 раз!

При социализме мы не просто развиваем экономику, но делаем это рационально, гармонично, с учетом особенностей всех районов республики. Стремительно растут новые города, промышленные центры — Каджаран, Раздан, Агарак, Абовян, Чаренцаван, Нор Ачин. В Армении, бедной энергоресурсами, началось строительство атомной электростанции.

Недавно одобрен проект Генерального плана столицы Армении. Опоясанный цепью бульваров, садов, озер, поднявшийся ввысь этажами высотных домов, наш Ереван с его миллионным населением сохранит свое национальное своеобразие, станет еще прекраснее.

За годы Советской власти неузнаваемо преобразились не только города Армении, но и ее села. Исчезли глинобитные землянки. Раньше во многих наших бестопливных районах деревенские женщины немало сил тратили на изготовление кизяка для печей. Сейчас заканчивается сплошная газификация сел. Электричество, газ, радио, телевидение прочно вошли в крестьянский быт, точно так же, как химизация, передовая техника, мелиорация, новейшие научные методы составляют основу сельскохозяйственного кооперированного социалистического производства.

Все это новь сегодняшнего дня. Она дает обильные плоды и в переносном и в самом прямом смысле этого слова, поскольку плодоводство, виноградарство наряду с животноводством — основные наши сельскохозяйственные отрасли.

Возьмем в качестве примера расположенный в Араратской долине Октемберянский район. В юбилейном году он значительно перевыполнил планы производства и продажи государству продуктов земледелия и животноводства, дал 43 тысячи тонн винограда. А плодов — абрикосов, персиков, яблок и груш — в Октемберянском районе в нынешнем году собрали небывало много — в два раза больше, чем в 1969 году. Между тем в недалеком прошлом это были пустынные, бесплодные края. Несколько десятилетий назад сюда пришли беженцы из Западной Армении. Своим трудом они согрели каменистую землю. Теперь это цветущий край.

Вопрос: Камни Армении — неотъемлемая деталь пейзажа и в то же время символ суровой природы, которую извечно преодолевал человек. Как изменился труд в новой Армении?

Ответ: У нас говорят: «Армянин добывает хлеб из камня». Это правда. И хотя на полях нашей республики широко ведутся мелиоративные работы, хотя в наступление на камень брошены экскаваторы, бульдозеры, корчеватели, мощные рыхлители, камнеуборочные машины, хотя серебряные ленты каналов несут полям воду рек и родников, Армения стоит на камне, из камня добывает хлеб и вино, строительные материалы, стекловолокно, удобрения, химикаты — тысячи полезных человеку вещей, вплоть до хрусталя, который не так давно получен с использованием нефелиновых сиенитов.

Но вы спросили о самом характере труда, о том, какие в нем наблюдаются новые черты, общие и для рабочих и для колхозников, для всех людей, где бы они ни работали. Этой общей чертой мне хочется назвать массовый трудовой героизм, этот лучший показатель высокой сознательности, идейной одухотворенности советских людей.

Однако проявляется этот героизм по-разному в разные эпохи. В первые десятилетия Советской власти, когда многое приходилось начинать, как говорится, с нуля, когда кругом были нехватки, самоотверженность трудящихся нередко выражалась и в сверхурочном труде, и в ограничении своих потребностей до минимума, и в стремлении добиться цели любыми средствами, независимо от затрат. Ни у кого не возникает сомнения, что это была настоящая героика. Но сейчас другое время. Зрелость нашего общества в том, что и наше производство и быт мы хотим организовать на подлинно научной основе. Поэтому всякие элементы штурмовщины, не оправданного нынешними условиями перенапряжения сил трудящихся могут восприниматься лишь как ненормальность, анахронизм.

Ныне в Армении, как и во всей нашей стране, трудящиеся активно борются за высокую производительность труда, за повышение эффективности производства. Каждодневный созидательный труд... Он требует постоянного совершенствования знаний, мастерства, постоянного творчества.

Одно из ярких проявлений творчества масс — рационализация и изобретательство. Это не только показатель уровня образования, технической культуры трудящихся, но и — в первую очередь — их кровной заинтересованности в делах своей бригады, цеха, завода, в нашем общем деле. В Армении техническое творчество стало поистине массовым. На Армэлектрозаводе имени В. И. Ленина, одном из крупнейших в Советском Союзе предприятий, выпускающем электрические машины, генераторы, трансформаторы, каждый третий работник — член Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов. За последние годы здесь было подано 5 тысяч рационализаторских предложений. Автором сорока является Василий Казарян, слесарь-механик литейного цеха, один из ветеранов завода. Что характерно для творческого почерка этого рабочего? Постоянный, изо дня в день — вот уже много лет — поиск новых технических решений, стремление сделать труд все более производительным.

Сегодня, как и в годы первых пятилеток, мы видим поистине замечательные трудовые подвиги наших рабочих, колхозников, ученых, нашей молодежи. Эти подвиги вершатся изо дня в день, они стали характерной чертой наших будней. И тем выше их значение.

Сказанное вовсе не означает, что в высокоорганизованном социалистическом производстве нет места яркой самоотверженности, нет примеров героического труда в крайне сложных условиях, требующих максимальной отдачи сил, именно в данных условиях, в данный отрезок времени. Яркое тому подтверждение — труд проходчиков тоннеля Арпа — Севан.

Сквозь толщу гор, на глубине, где естественная температура порою достигает 50—60° жары, они пробивают в скалах небывалый коридор — четыре с лишним метра ширины и такой же высоты. Пройдено 25 километров, половина пути. Это поистине грандиозное сооружение строит интернациональный коллектив. Из России, с Украины, из Грузии, Азербайджана и других республик приехали проходчики, бетонщики, монтажники. Воды реки Арпа по новому тоннелю потекут в Севан.

В свое время Севан взял на себя основную тяжесть энергоснабжения республики, орошение ее земель. В годы войны для выработки карбида кальция, которым Армения снабжала фронт и тыл, мы вынуждены были брать из озера в три раза больше воды, чем было допустимо по норме. Теперь пришла пора отблагодарить Севан, облегчить его нелегкую ношу. На вечные времена Севан останется озером-тружеником, будет служить народу.

Вы спрашивали, как расшифровать слова о социалистическом возрождении Армении. В это понятие входит обновленный труд на родной земле, массовый героизм ее сынов и дочерей.

Вопрос: Армения — древняя земля. Идя по ней, на каждом шагу встречаешь следы ее богатой истории. Древность и современность — как в национальном характере сочетаются эти исторические пласты, что нового внесли в него пятьдесят лет Советской власти?

Ответ: Исторические судьбы Армении складывались трудно, нередко трагически. Страна — словно узкие Фермопилы, через которые волнами шли завоеватели с Запада на Восток и с Востока на Запад. История Армении — сплошной перечень войн, нашествий, коротких передышек, когда за считанные десятилетия вставали города, расцветали ремесла и культура, создавались замечательные архитектурные сооружения, украшались книги. В этих условиях и формировался характер армянского народа, который веками отстаивал независимость, национальность и родной язык.

Армяне всегда умели держать меч в руках. Для того, чтобы пояснить эту мысль примером, можно не углубляться далеко в историю. Когда над социалистической нашей Родиной нависла смертельная опасность, вместе с другими советскими народами встали армяне. В боях против фашистских захватчиков славой покрыли свои знамена пять армянских дивизий. Свыше 60 генералов-армян командовали на фронтах Великой Отечественной войны. 70 тысяч воинов Армении были награждены орденами и медалями СССР, а 103 человека стали Героями Советского Союза.

Мы хорошо помним об этом. И все же мне хотелось обратить ваше внимание на мирный, доброжелательный характер нашего народа.

Наше приветствие — «Барев дзез!» переводится на русский «Добро вам!». Не меч, а книга, знание, мудрость были всегда главными для армянского народа. В тяжелых условиях он создал богатую культуру. Но будучи лишенным в течение многих веков государственной самостоятельности, под игом иностранных и собственных эксплуататоров, на своей родной земле он долгое время фактически не имел ни научных, ни крупных культурных учреждений, а его талантливые представители уезжали в чужие края.

Лучшие, светлые умы Армении издавна обращали свой взор, свое слово к великому северному соседу, к русскому народу. Великий армянский писатель и просветитель Хачатур Абовян еще в тридцатые годы прошлого века писал: «Да будет благословен тот час, когда нога русского ступила на нашу землю».

Как мирные, так и в особенности трагические события истории, когда русский народ неизменно брал под свою защиту армян, выработали в национальном характере нашего народа чувство дружбы к России, к русским. То святое чувство, которое в наши дни дополнено и углублено чувствами братства со всеми народами СССР, объединенными в дружную семью — Советский Союз.

Установление Советской власти в Армении 50 лет назад означало не только экономическое, но и духовное возрождение армянского народа. Его результаты мы видим сегодня и в героическом подъеме повседневного труда, и в любви к социалистическому Отечеству, и в высоких взлетах литературы, искусства.

В конце IV века великий Месроп Маштоц создал армянский алфавит, армянскую письменность. Но только в наше время весь армянский народ научился писать и читать, овладел мудростью и знаниями, накопленными человечеством, познал и свою собственную, древнюю, славную историю и вносит свой вклад в мировую цивилизацию.

Сегодняшний день Армении — это золотой век хранения и издания древних манускриптов и в то же время пора расцвета самых современных отраслей знания: астрофизики, вычислительной математики, теории вероятностей, ядерной и радиационной физики, технической кибернетики, химии биологически активных веществ и многих других направлений, которые ныне развивает Академия наук Армянской ССР.

Вы спрашивали о древнем и современном. Мы бережно храним лучшие черты национального характера, развиваем национальную по форме, социалистическую по содержанию культуру армянского народа. Мы понимаем, что духовный мир современного советского человека неизмеримо вырос и расширился. Он охватывает всю страну, всю планету, он устремлен к звездам. В нем есть место гневу и решимости, когда опасность грозит ближним или дальним народам, радости, когда успеха добиваются товарищи по классу. Потому что духовный мир нашего современника — это мир идейно убежденного человека, строящего коммунизм.

Мы понимаем, что исторические успехи Армении за полвека ее социалистической жизни были бы невозможны без братской помощи всей нашей Родины. Наше счастье, наша сила заключаются в том, что сегодня армянский народ не одинок. В союзе советских социалистических республик он черпает свою уверенность в будущем. И наши слова благодарности мы обращаем к народам-братьям, к великой Коммунистической партии Советского Союза, к ее ленинскому Центральному Комитету, к Советскому правительству.

Социалистическая Армения, гостеприимная хозяйка, на пороге своего нового дома приветствует братьев, гостей и говорит им: «Барев дзез!» — «Добро вам!».

Фото Л. БОРОДУЛИНА, специального корреспондента «Огонька».

Молодые кибернетики П. Ишлемеджян, Г. Джанибекян и Ю. Карапетян у новой электронной вычислительной машины «Наири-3».

Древний Татев. Здесь в средние века был университет.

Школьник Тигран Матевосян — пассажир детской железной дороги.

В Бюракане рождается

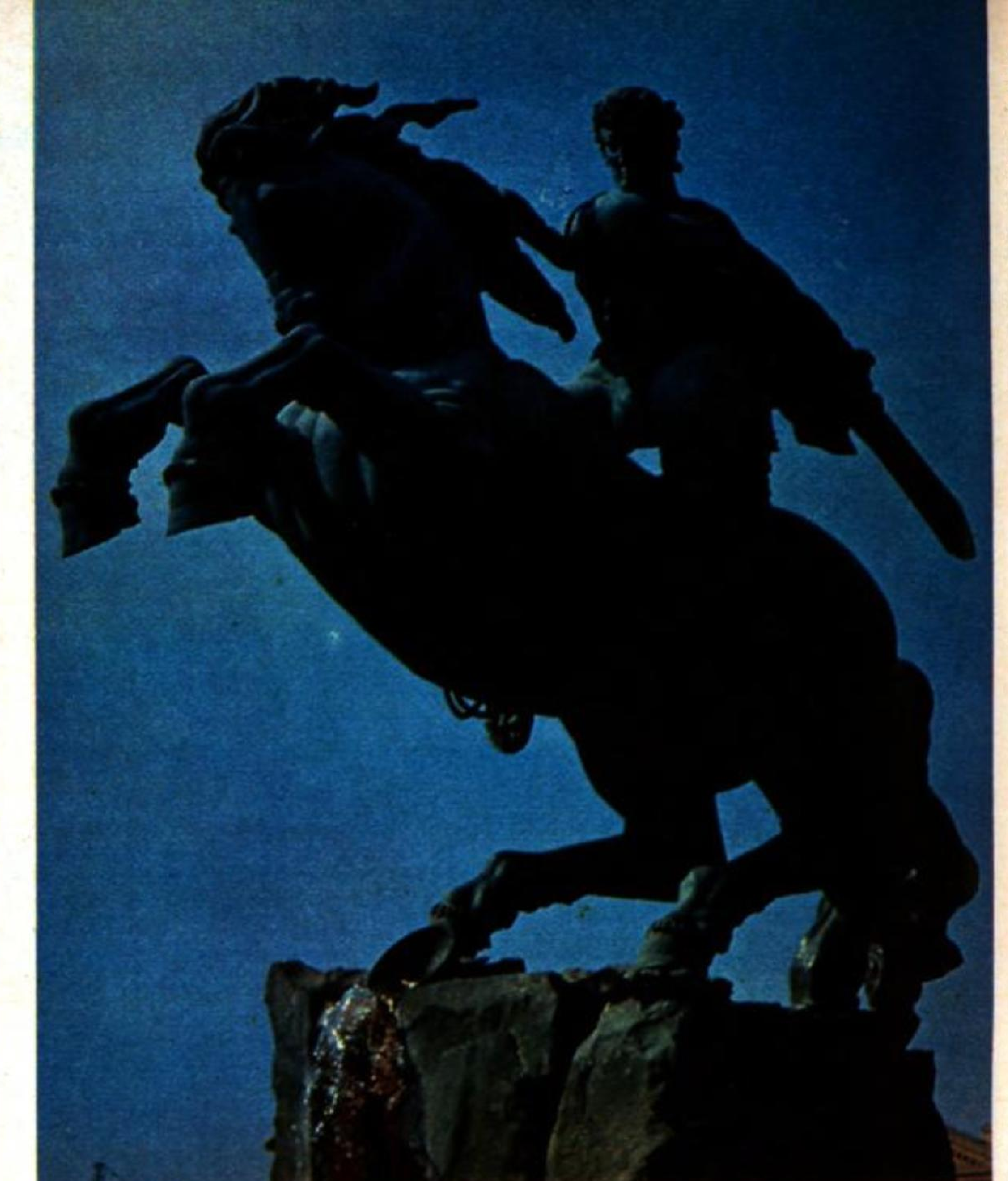

новая обсерватория.

«Вечный идол» композитора Э. Оганесяна в постановке Государственного академического театра оперы и балета имени А. А. Спендиарова. Астинэ — Бэлла Худинян, Бюрат — Владислав Ангурян.

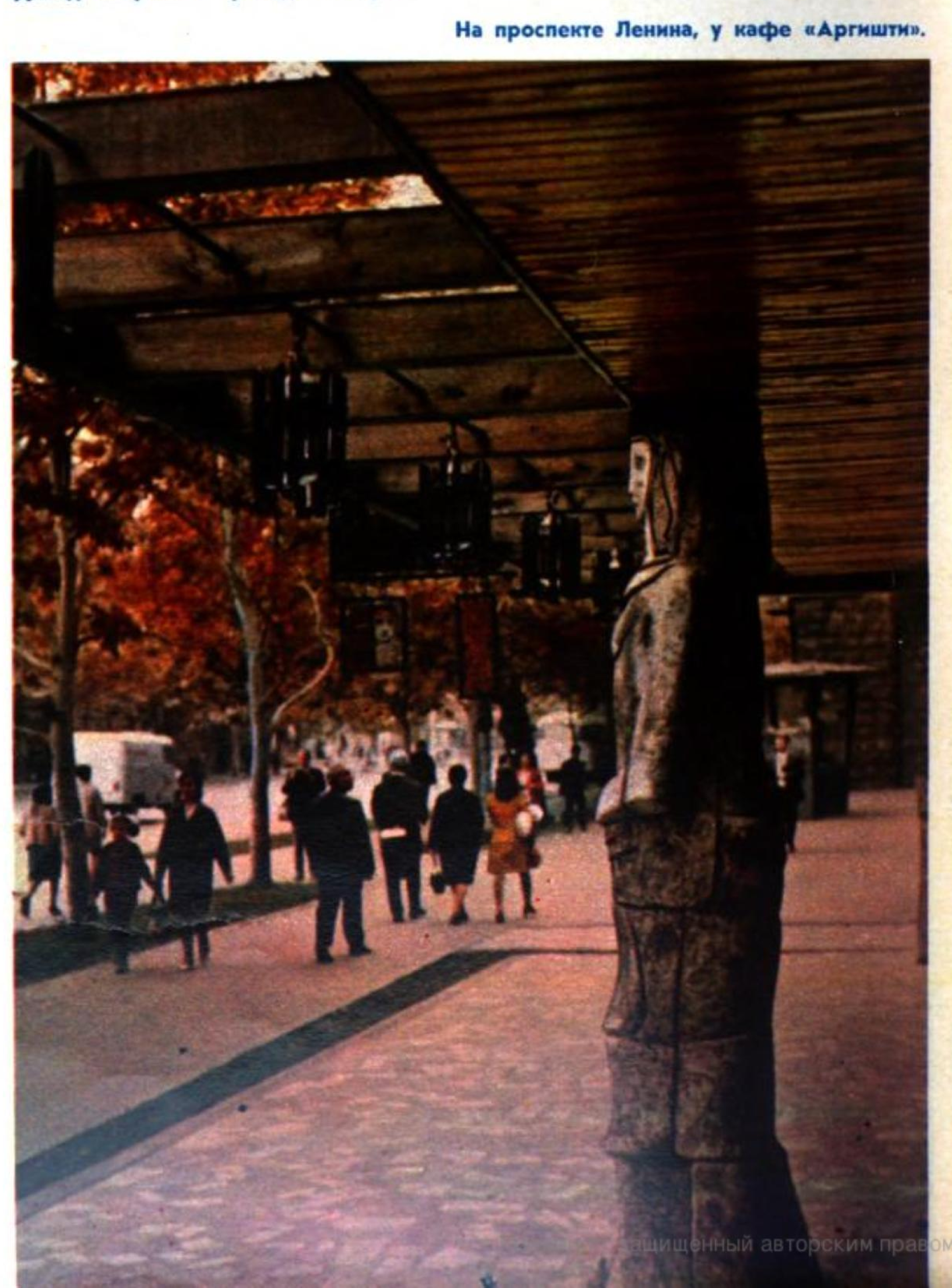
Ереван строится, тянется ввысь этажами высотных зданий.

Давид Сасунский Ерванда Кочара.

Памятник Возрождения.

На проспекте Ленина, у кафе «Аргишти».

Ким БАКШИ

Специальный корреспондент «Огонька»

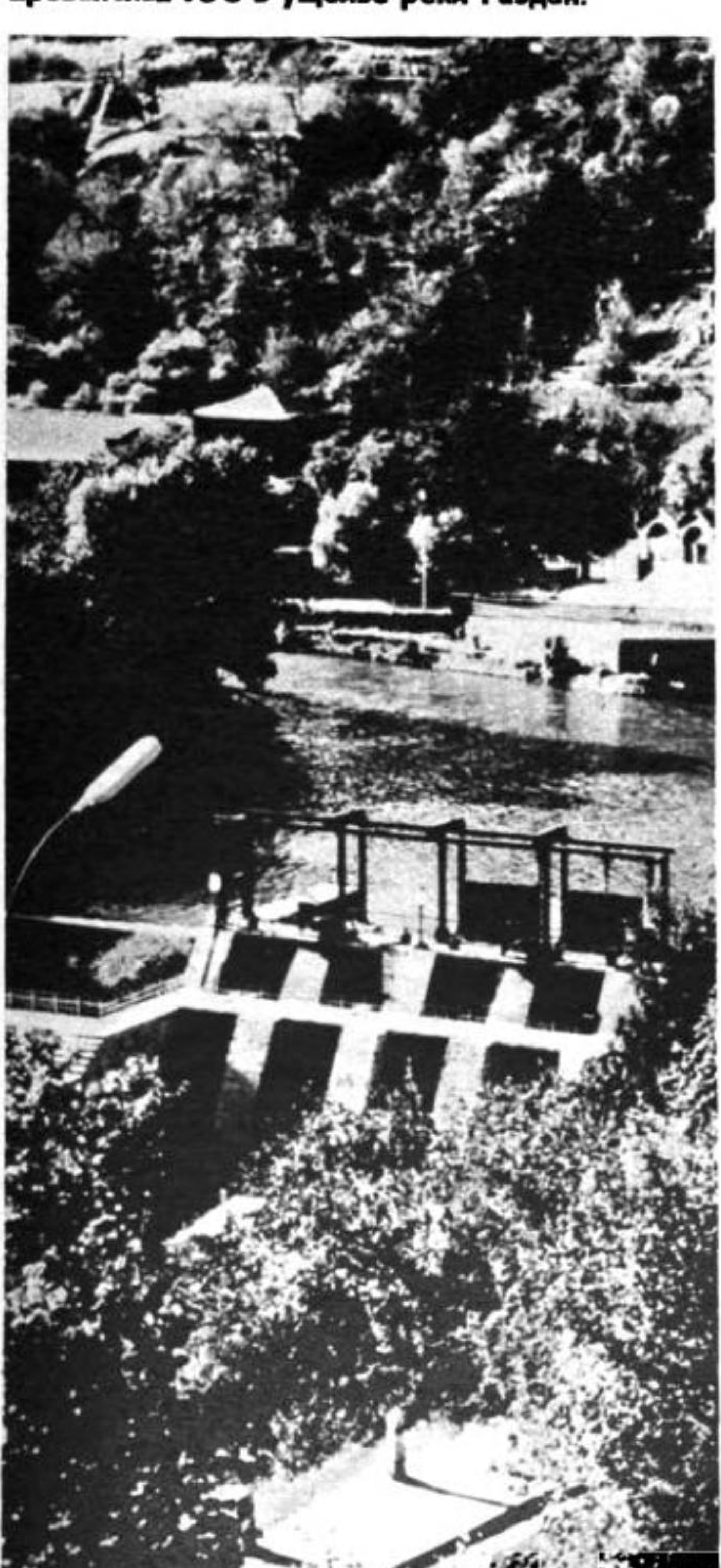
ГОЛУБЫЕ ЦВЕТЫ

Ереванский автозавод.

Фото Г. Багдасаряна.

Ереванская ГЭС в ущелье реки Раздан.

Бывают очень далекие путешествия, за многие тысячи километров, на Камчатку, например. Или в Австралию. Даже на Луну. Но никому не удавалось вернуться хотя бы на один день в прошлое. Машина времени — плод фантастов. Но и вполне реальный человек может совершать путешествия во времени. Потому что люди, их разум, их память — это сконцентрированное время, хранящееся в клеточках мозга.

Путешествуя по Армении, встречаясь с людьми, я особенно сильно ощущал течение времени.

●

Зангезур. В этом слове слышится звон, набат. Язык ударяет в массивное бронзовое тело, и колокол гудит. Артуш Овсепян, сидящий с нами в «газике», рассказывает легенду об этом суровом, горном крае, который всегда сопротивлялся врагам дольше всех других в Армении. В легенде есть тайные тропы и внезапное нападение. И колокол, который должен был зазвучать в случае опасности. Занге-зур!..

В конце дороги — небо. Наш «газик», натужно воя, едет прямо к обрыву и каждый раз, когда кажется, ничто нас не спасет, сворачивает на очередную петлю дороги. И снова плывут навстречу влажные, близкие облака. Окрестность прячется в туман. Вышки высоковольтных передач по пояс утонули в молоке.

Мы вырываемся на равнину, неожиданную на такой высоте, и вскоре тормозим на краю глубого каньона, пустынного и дикого. Склоны его, кое-где совершенно отвесные, изъедены черными дырами. Только птица, наверное, может залететь в эти норы. Машина медленно спускается, оскальзываясь, размалывая камни. И чем выше встают окружающие стены, тем неприступнее они кажутся, тем величественнее картина. Останавливаемся. Выходим. Странно, по-летнему поют птицы. Растут голубые цветы. Журчит крохотный ручеек. Он течет рядом с дорогой, в каменном ложе, вырубленном в скале.

— Такая была система орошения,— говорит Артуш.— Видите, отводные канальцы идут вниз к тем деревьям...

Входим в пещеру. Закопченные своды. Глубокие ниши. Тондир — печь для хлеба. Что это? Поселение древнего человека, неолитическая стоянка? Нет, это Хндзореск, пещерная деревня, жилище зангезурцев. Надежная защита от врагов. В некоторые пещеры можно было попасть, только спустившись на руках по веревке.

Артуш Овсепян, партийный работник, коренной зангезурец, хорошо знает обычаи и уклад недавних пещерных жителей, их суровый, но открытый нрав. И я уже другими глазами смотрю на бесконечные этажи пещер, на этот музей под открытым небом. Перед революцией здесь жили пятьсот семей, около трех тысяч человек. Здесь была одна из первых большевистских ячеек, отсюда поддерживалась прямая связь с пролетарским Баку. Советскую власть встретили как долгожданное освобождение, позже первыми организовали колхоз. Только коллективный труд позволил пастухам и земледельцам переселиться в двухэтажные каменные дома.

Мы видим их на обратном пути — дома, каких много в сельской Армении. Магазин. Правление колхоза «Путь Ленина». Можно было бы миновать новый Хндзореск, если бы не пещерный Хндзореск за спиной. Машина тормозит у темного длинного здания.

Мимо двух базальтовых фонтанчиков с чистой ключевой водой, мимо базальтового обелиска со скорбящей женщиной — памятника погибшим на войне — мы проходим в двери сельского исторического музея.

Удивительный это музей, он трогает самое сердце. На стенах — портреты писателей, артистов, композиторов, военачальников, которые родились в пещерном Хндзореске. Полтора десятка докторов и кандидатов наук. Не забыты и свои, сельские орденоносцы. Чабаны, земледельцы с обветренными лицами глядят вам в глаза. Отдельно — портретная галерея старых коммунистов. Неизвестный мне оформитель музея много труда и любви вложил в зажигающиеся разноцветными лампочками карты и схемы. Вот пещерное село Хндзореск 50 лет назад, в 1920 году, когда была установлена Советская власть в Армении,— светятся зеленые огоньки. А вот это — 1970 год — вспыхнули красные. Нет смысла приводить цифры. Прогресс поразительный.

Мы стоим у стены, к которой часто приходят старушки в черных платках. Матери Хндзореска. Долго всматриваются в молодые лица своих сыновей, в их родные черты. Утирают слезы. Есть стихотворение у Ованеса Шираза: на могиле матери весной выросли два голубых цветка. Это глаза матери. Они смотрят, не вернулся ли ее сын...

Тысяча двести воинов ушли из села на Великую Отечественную войну, и четыреста пятьдесят не вернулись. Председатель колхоза Шамхал Манвелян поворачивает выключатель у карты. Зажигаются огоньки. Это путь солдат. Хндзореск — Москва — Берлин.

Мы выходим из музея. Слева, на высоких стенах строящегося дома, чернобровые, черноголовые веселые парни, шумно переговариваются, ставят стропила. Справа — немые камни обелиска и скорбная мать Армения.

— Кто сделал это? — спрашиваю я, показывая одновременно и на памятник и на музей. Я имею в виду, кто автор, чей проект, кто оформлял.

— Кто сделал? — переспрашивает Шамхал.— Народ сделал...

Старый Хндзореск, новый Хндзореск. Я думал о них, когда из Татевского монастыря ехал на только что пущенную Татевскую ГЭС.

Старый Татев — средневековый университет. Постройки IX—XIII веков, каменное кружево резьбы. Звонкоголосые колокола, висящие на дереве,—Занге-зур! Философ и энциклопедист Григор Татеваци, живший здесь, с его страстной верой в разум: «Познание подобно огню, закономерно возгорающемуся...»

Новый Татев — ТатевГЭС в ущелье бурного

Воротана. Здание из розового туфа. Мерное гудение турбин. Изогнутые нити белых тяжелых проводов, поднимающихся вверх к монастырю. Лев Вартанов, начальник участка, выпускник московского института, показывает нам станцию, объясняет, какое это уникальное сооружение, сколько знаний, хитроумного расчета, инженерной смелости надо было вложить сюда, чтобы построить горную ТатевГЭС, пробить сквозь толщу скал 18 километров тоннелей и вот, наконец, пустить ее ко дню 50-летия Советской Армении. Теперь очередь за Воротанским каналом. Это не ручеек в ложбинке, который мы видели в Хндзореске, а целая река, она оросит семь тысяч гектаров земли в Горисском районе.

За спиной Льва Вартанова всего десять с небольшим трудовых лет. Но он работал на Иркутской ГЭС, на Братской ГЭС, три года на Асуане — целая славная эпоха советского гидростроительства отразилась в короткой биографии молодого инженера.

Лев Вартанов рассказывал о своей кочевой жизни. «Нелегко, конечно, но со мной — мама. Заботится, помогает...» Рассказывал он о гидростанциях, о Египте, о том, куда еще собирается поехать. А я думал о том, как он похож на многих молодых ученых, инженеров, с которыми мне пришлось познакомиться во время этой и предыдущих поездок в Армению, тех, кто работает с лазерами, ставит биохимические эксперименты, открывает новые галактики, создает кибернетические машины из серии «Наири», ведет поиск без всяких скидок — на мировом уровне.

В прошлом в Армении практически не было национальной технической интеллигенции. Теперь она есть, и очень сильная. И рост ее идет опережающими темпами. Не удержусь, приведу несколько цифр, которые мне сообщили в Ереване. За последние четверть века общее число работников, занятых в народном хозяйстве республики, увеличилось в четыре раза. Это много, особенно если учесть, что население ведь не растет так быстро. Но за эти же 25 лет число научных работников выросло в 8 раз, а инженеров — в 10!

Но профессиональный признак, очень важный для статистики и планирования, оказывается ограниченным, неполным, когда переходишь к конкретному человеку. Рост интеллигенции в Армении на самом деле значительно шире, он включает многих людей и без диплома. Это отражает глубокие социальные процессы, происходящие в обществе.

●

Я смотрю на Лендроша Гамбаряна — как он стоит у станка. Небольшого роста, с пышной шевелюрой, в которой кое-где блестит седина, с щегольскими усиками, которые делают его похожим на француза, Лендрош внимательно, я бы сказал, задумчиво, глядит на свой токарный станок.

Вокруг самые разнообразные шумы, разноголосица большого цеха. Трамвайно звонит кран-балка, проплывающая высоко под сводами, где-то отчаянно завизжал металл, что-то ухнуло. Лендрош Гамбарян стоит у станка. Вот уже почти тридцать лет по восемь — семь часов в день! Впрочем, во время войны бывало и по двенадцать. Особенно в 1942 году, когда Лендрош шестнадцатилетним мальчишкой пришел на завод, который тогда срочно ремонтировал самолеты.

За это время Лендрош Гамбарян вырос, возмужал, женился, у него родились Карине, Гаяне, Рузанна и, наконец, долгожданный Артурик. Из старого отцовского дома Лендрош переехал в новую квартиру. И теперь из самого центра, с проспекта Ленина, каждое утро едет на другой конец Еревана, где стоит его Армэлектрозавод, который за эти годы также вырос и словно бы заново родился, перестал ремонтировать самолеты, стал одним из мощных электротехнических предприятий, масштаба ленинградской «Электросилы». За эти же тридцать лет Армения бурно и разносторонне развила свою электропромышленность и сейчас в этой области в Советском Союзе идет на третьем месте после таких республик, как Россия и Украина.

Что же делал тем временем Гамбарян? Стоял у станка. Люди кончали институты, как его старший брат, тоже сначала работавший токарем. Люди шли в науку — туда, где поиски и открытия. Неужели Лендрошу не хотелось всего этого? Неужели ему не надоел этот ежедневный ритм, бесконечная череда смен?

Этот вопрос в той или иной форме задавали ему сто десять его учеников — все, сколько их было. В первый свой день на заводе, вот как и я сейчас, они неуверенно шли между станками, долго стояли у токарного, слушали первые объяснения Лендроша по технике безопасности. Затем начинали понемногу обучаться ремеслу, делали свой первый болт, впервые самостоятельно затачивали резец. А через год или около того они обязательно задавали свой вопрос. Задавали потому, вероятно, что он мучил их самих. Это совсем не праздный вопрос, по-моему. В нем, между прочим, кроется одна из причин, по которой молодежь, окончившая среднюю школу, опасается трудностей рабочих и крестьянских профессий.

Лендрош Гамбарян отвечает ребятам поразному. Но смысл его слов в том, что скуку и однообразие испытывает рабочий, когда он остановился на среднем, сереньком уровне: основные навыки получены, норма выполняется. Зарплата приличная... Нет, этого мало! Нужно дойти обязательно до совершенства в своей профессии. Абсолютно овладеть станком — и не одним, а несколькими. Знать технологию, металловедение, свободно читать чертежи. И тогда в один, безусловно, прекрасный день случится удивительная вещь. Придет ощущение свободы. Для тебя нет ничего невозможного. На своем станке ты можешь сделать все, что угодно. Любую вещь из металла. Руки обретут способность «ловить» сотые доли миллиметра, придет почти интуитивное чувство резца — способность учитывать его деформацию после каждого прохода обрабатываемой детали. Начнется увлекательное соревнование за точность, за время. Глаза и ум сами начнут подсказывать тысячи возможностей, ты изготовишь какие-то невероятные приспособления, о которых раньше и не догадывался. Совсем другими глазами посмотришь тогда на свой цех, потому что вдруг станет ясно, что многое в нем нужно переставить, пересмотреть. Сделать лучше, удобней, производительней. Появится желание все это сделать немедленно, сейчас же, самому. И тогда полетят, замелькают смены. Как может надоесть каждое утро идти на завод, когда день непохож на другой и все они заполнены до предела?

Андрей Срапян — начальник участка, молодой инженер, в недавнем прошлом сам токарь, водит меня по цеху и рассказывает о том, что здесь сделал коммунист Гамбарян. И мне кажется, что, словно в Хндзоресском музее, в цехе вспыхивают разноцветные лампочки. Там, где коснулись руки Лендроша. Я не хочу вас утомлять техническими подробностями. Перечислять десятки предложений Гамбаряна — и трудно и долго. Но у меня от них осталось точное ощущение: как все поразительно просто, красиво, талантливо! Талант производит одинаковое впечатление и в поэзии, и в математике, и, как я понял благодаря Гамбаряну, в токарном деле. Лендрош видит в куске металла будущее свое творение, подобно скульптору, подходящему с резцом к мраморной глыбе.

...Подобно Герою Социалистического Труда виноградарю Розе Степанян, которая в селе Айгезард, Арташатского района, получает (много лет уже!) выдающийся урожай. Здесь я снова должен сказать о течении времени. О смене вёсен, жарких лет, высоких светлых осеней, слякотных зим. О фиолетовой земле. О запахе свежести. О том живом, что составляет мир ежедневных забот Розы Степанян. О неизменном пути ее от дома вдоль улочки, вдоль журчащего джри-ару — ручья — на перекресток. Оттуда в кузове машины — к знакомым тутовым деревьям, к винограднику, освещенному чистым, снежным светом далекого Арарата.

Почему у Розы каждый год такой хороший урожай? Мне говорили про соблюдение агротехники, про трудолюбие. Все это, конечно, так, но...

Роза рассказывала, как весной она обрезает виноград. Как среди старых и новых веточек она выбирает и оставляет жить то единственное сочетание почек, которое даст осенью полновесные гроздья. В сплетении серых, на вид безжизненных лоз, только что откопанных из земли, она видит смысл и порядок, и она формирует этот порядок, как гончар формует глину. Бесконечно разнообразная жизнь лозы, трепет причудливо изрезанного виноградного листа, первая завязь — все это полно для Розы Степанян особого смысла и интереса.

Подобно Лендрошу Гамбаряну, в какой-то момент жизни Роза обрела неограниченную власть над своим полем, и она не замечает времени, каждый год решает одну задачу увлекательней другой, ставит незаметные для посторонних глаз эксперименты. С нетерпением ждет их результатов — осенью, когда она выйдет с кошелкой—плетеной ивовой корзиной— в руках на свое поле и ощутит в ладони тяжесть и прохладу свежей грозди.

Можно перечислить все приемы, с помощью которых она добивается успеха, но попробуйте воспользоваться ими, и все равно не будет такого результата, останется неучтенным еще что-то. Это «что-то» и есть Талант. Глаз. Сердце. Опыт. Все с большой буквы потому, что они у каждого разные и от этого как бы единственные в своем роде.

Эти слова относятся и к Самвелу Гамбаряну, виноделу, рачительному хозяину. К нему на завод попадает виноград, собранный Розой, и превращается в превосходное вино. Их можно сказать и о Семердже Латояне, который всего за год, использовав местную глину, организовал оснащенное новейшей техникой производство керамики по древним образцам. «Талант, Сердце, Опыт» — можно сказать и о Баграте Хачатуряне, руководителе коммунистов Арташатского района, одного из передовых в республике, расположенного в сердце Араратской долины.

●

С композитором Александром Арутюняном мы едем по Еревану. Нет, это не экскурсия: город мне знаком. Это скорее воспоминания вслух. Мимо нас проносятся улицы, розовостенные из туфа дома со строгим древним орнаментом, высотные новостройки последнего времени, а я вижу одноэтажный, глинобитный Ереван детства Арутюняна, далеких двадцатых годов. Как будто и вправду отправился в путешествие по реке времени. Оказывается, на площади Ленина, в самом сердце города, были бани, располагался детский сад «Аджо» — начальные буквы армянских слов солнце, воздух и вода. На месте парка имени Кирова шумел Хантар-базар. Расхаживали персы с выкрашенными хной бородами. Далеко распространялось зловоние от гниющих отбросов.

Проезжаем знаменитое цилиндрическое здание оперного театра — одно из лучших творений академика Таманяна. Александр Арутюнян помнит, как в 1933 году на только что выстроенной новой сцене давали оперу «Алмаст» А. А. Спендиарова.

К Спендиарову Арутюняна привели еще совсем ребенком, и он играл композитору... Вскоре Александра зачислили в группу одаренных детей при консерватории. Годом позже сюда пришли Арно Бабаджанян и Лазар Сарьян. А затем — Эдвард Мирзоян, теперешний председатель Союза композиторов Армении. Их называли «четверка дружных». Вместе они поступили в консерваторию. Вместе после войны поехали в Москву совершенствовать свое мастерство. Дружат они и по сей день.

Александр Арутюнян вовсе не рассказывает свою биографию, не говорит о своем творчестве. Нет, его волнует совсем другое. Пионерские костры в Цахкадзоре — цветочном ущелье, где теперь построен высокогорный спортивный комплекс. Первые заводы на окраине Еревана, куда они бегали мальчишками. На республиканской пионерской олимпиаде была исполнена симфоническая поэма Арутюняна «СеванГЭС» в двух частях и «Пионерский марш» Арно Бабаджаняна. В рассказ о новостройках вплетаются все новые имена композиторов — не только армянских — грузинских, азербайджанских.

Александру Арутюняну недавно исполнилось пятьдесят лет. Он ровесник Советской власти в Армении. Это, конечно, случайное совпадение, но раз уж так произошло, невольно задумываешься о судьбе композитора, в которой отразилась целая эпоха.

ИЗ АРМЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

Сагател **АРУТЮНЯН**

* * *

Я — из долины Араратской,
Я — настоящий армянин,
Чьи предки спят в могилах братских,
Средь ими вспаханных долин.

И, как положено армянам,
Люблю я древний свой язык,
В задорных песнях плеск Севана,
Пергаментов священный лик.

Когда ребята из Сасуна
Узор шального танца вьют,
Во мне все жилы, словно струны,
Во мне все мускулы поют.

Я — армянин. Но был я тронут
В Москве до глубины души,
Услышав девушек с Цейлона,
Чьи песни дивно хороши.

И в сердце загремели трубы,
И запылал огонь в крови,
Когда плясали парни с Кубы
Свой танец счастья и любви.

И это, право же, не странно,
Что тотчас отзвук уловлю,—
Я, как положено армянам,
Все в жизни светлое люблю!

Перевел Гарольд **РЕГИСТАН**.

Людвиг **ДУРЯН**

ПОЛДЕНЬ В ЕРЕВАНЕ

Лето. День застыл в покое.
Солнце. Всё во власти зноя.
Веера уже устали.
Нет прохлады. И устами
раскаленный ловим воздух
у фонтанчиков, где воду
пьют — боятся не напиться.
Старики склоняют лица,
уступают место детям.
Зной. Спасаемся лишь этим.
На асфальте след от шины
поливающей машины.
Мне б от пекла скрыться нужно,—
сердце ж с полднем вроде дружно,
но весь день — у водопоя?!
Страсть сокрыта в этом зное!
В нем сарьяновские краски,
блики света, словно маски,
словно солнцем подожженный
смех — раскатистый, бездонный.
Виноград от солнца черен,
и земли зеленый шар
опыляют дружно пчелы.
То ли полдень, то ль пожар!
Это — щедрое сиянье
солнца над моей судьбой
и цветов произрастанье
то ль во мне, то ль предо мной...

Перевел Петр **ВЕГИН**.

Ваагн **КАРЕНЦ**

* * *

И вот опять из тьмы осенней
всплывают отрочества тени,
огни прошедшего слепят.
И звон ручья, и зов чинары,
и скрип калитки нашей старой,
и я вхожу в забытый сад.

Прошедшего шуршащий ворох:
деревьев персиковых шорох,
паденье яблок, ветки взмах,
я вижу, раздвигая лозы,
отца, похожего на осень,
с корзиной персиков в руках.
И я с какой-то новой силой,
как будто бы меня простили,
приемлю поцелуй его,
последний, мной не позабытый,
когда отец щекой небритой
лица коснулся моего.
О если бы бежать по саду
навстречу ласковому взгляду,
бежать разлуке вопреки,
и навсегда остаться сыном,
и уколоться о щетину
его серебряной щеки!..

...И вот опять из тьмы осенней
прошедшего живые тени:
ручей, следы, калитка, сад
и тополя пирамидального
листва последняя, прощальная,
невозвратимый листопад...

* * *

В далеком поле я лежу,
слежу за облаками,
вокруг такая тишина,
такой покой,
как будто небо предалось
раздумьям и мечтаньям,
как будто в мире
полный мир
под мирной синевой.

В далеком поле я лежу,
в родном, далеком поле,
от черной точки в высоте
не отрывая глаз:
орел парит меж облаков
в лазоревом просторе,
я ввысь смотрю,
он смотрит вниз.
Полдневный час.

Кружится надо мной орел,
его круги, как вечность.
С его летящею душой
я ощущаю связь.
Я ввысь смотрю,
он смотрит вниз,
он ищет бесконечно,
и что-то общее с орлом
объединяет нас.

Перевел Петр **ВЕГИН**.

Сурен **МУРАДЯН**

КОЛОС

Ребенком растоптал я колосок,
Ушел я, распевая во весь голос,
Что сделал я, мне было невдомек:
Подумаешь, какой-то жалкий колос!

Отец увидел и сказал мне так:
«Ты губишь то, что людям на потребу.
(И завернул в платок погибший злак.)
Всем человек земли обязан хлебу».

Беспечно удивлялся я тогда,
За что отец корил меня в то утро,
Но понял я, когда прошли года,
Как слово землероба было мудро.
Теперь с глубокой болью я смотрю
На каждый колос, что загублен слепо.
И так же, как отец мой, говорю:
«Живущий на земле,
чти святость хлеба».

Перевела Вера **ЗВЯГИНЦЕВА**.

Манук **КАРАПЕТЯН**

* * *

Что такое грядущее?
Это
весны светлые новых годов,
над каналами — россыпи света,
это камни просторных домов,
это счастье детей благодарных,
наших душ удивительный взлет...
Мы сегодня посадим кустарник —
шумной рощей он в завтра войдет!

Это наша любовь и отвага,
наших дум неумолчный родник,
это пламя прекрасного флага,
строки чистые песен и книг...
И чертеж архитектора точный,
белый снег уходящей зимы...
Что такое грядущее?
Все, что
замышляем и делаем мы!

Перевел Сергей **МНАЦАКАНЯН**.

Какое удивительное время! Страна строила комбинаты, заводы, прокладывала электролинии и воспитывала композиторов. Сейчас это никого из нас не удивляет. Сейчас только в Армении живет, пишет симфонии, балеты, оперы сразу несколько поколений композиторов. И среди них Александр Арутюнян — не скажу: один из старейших — один из самых уважаемых. Недавно Александру Григорьевичу присвоено почетное звание народного артиста СССР.

...Мы давно уже выехали из Еревана. За окнами машины торжественно разворачиваются горы. Плывут округлые рыжие холмы, за ними — помедленней — движутся оливковые цепи. За их спиной молчаливо стоят синие затаенные ряды. И над всем — далекий, недоступный снежный хребет. С нами — Армения Мартироса Сарьяна! Вплоть до игрушечных домиков в глубокой долине, до пирамидальных тополей, кажущихся сверху желтыми струйками дыма.

Мы спускаемся к Гарни — развалинам античного храма на скальном мысе, как киль корабля, врезавшемся в голубой воздух ущелья. Два тысячелетия протекло над этими базальтовыми квадрами. Сколько раз враги топтали эту землю, заливали кровью, разрушали все вокруг! Но народ каждый раз восстанавливал свои очаги и памятник древности. И вот опять восстанавливает.

...Рабочий день окончен. Застыли электрические пилы, резавшие базальт. Остановилась стрела крана. Замолкли молотки каменотесов. Над высоким подиумом, над еще не поднятыми капителями и фризом воцарилась первозданная тишина. Мы присели на камень в небольшом винограднике, примостившемся на краю скалы.

Где-то чирикает птица. Шумит поток внизу. Кажется, время остановилось, века сгустились до минут. Здесь хочется остаться дольше. Пожить, посидеть, подумать. У наших ног — осколок древней капители, резной лист аканта. Заботливые руки мастеров подняли его с земли, вырубили для него недостающие части, и теперь новый базальт, как оправа, включил в себя старый.

— Обнялись, чтобы подняться. Так и наша Армения...— задумчиво говорит Арутюнян.

В Ереван возвращаемся, когда совсем стемнело. Арутюнян молчалив. «Я написал вокальный цикл о матери,— внезапно говорит он.— На стихи Ованеса Шираза. Вы, наверное, знаете о двух голубых цветках, которые выросли весной. О матери, которая вечно ждет, спрашивает: «Каким ты стал, мой сын...» Мы помолчали. «Недавно я написал последнюю вещь цикла. О нашей земле. О матери Родине. Ей было трудно. Она рожала нас в муках».

КУДА ПРИВЕЛА НИТЬ АРИАДНЫ

Девушка и нить...

363 000 000

Вот сколько кофт, джемперов, платьев, костюмов произвели советские трикотажники в прошлом году. Теперь один только Огрский комбинат ежегодно будет прибавлять к этому количеству

12 500 000

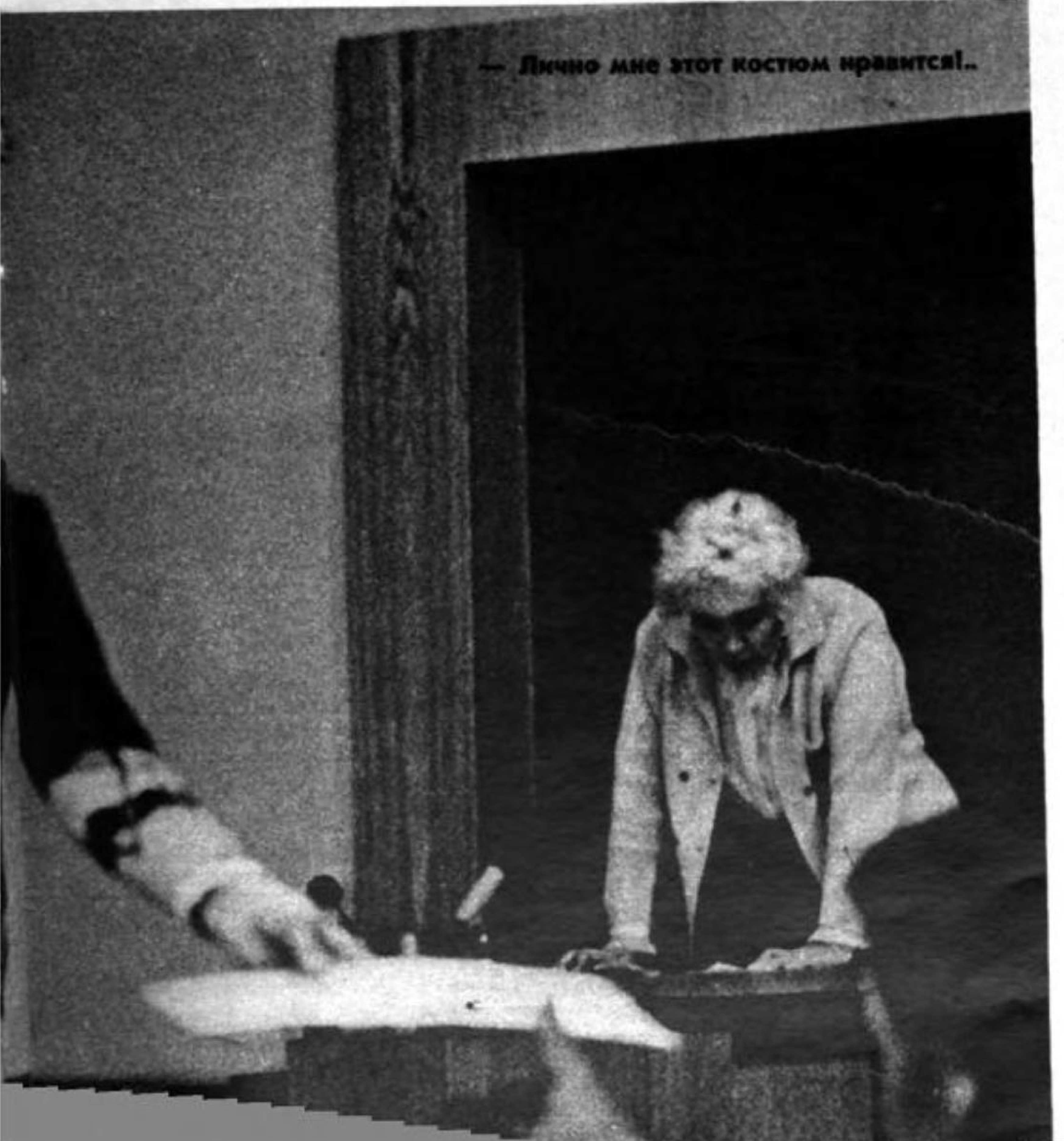

Дать оценку новым моделям — это нелегко.

Илга Шабанова: — Трикотажная машина! Очень интересная машина...

— Лично мне этот костюм нравится!..

Нина ХРАБРОВА,

фото В. САЛЬМРЕ.

5 трудовых, героических лет

Корреспонденты «Огонька» продолжают рассказ о воплощении в жизнь Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР. «ЛАТВИЙСКАЯ СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА... Построить... комбинат верхнего трикотажа» — так сказано в Директивах.

Все маленькие прибалтийские городки похожи на Огре: сады таежной густоты, непременно пионы и черная смородина под окнами, тишина на улицах, речка. А уж в Огре-то и речка не одна, а целых две — Даугава с притоком.

И вот в эту золотисто-зеленую дрему восьмая пятилетка врезала громадный — восемь гектаров под крышей! — трикотажный комбинат.

Слово «пятилетка», ворвавшееся в русский язык символом темпа и созидания, стало уже привычным. Но на какую бы стройку ни попал, в гуле ее улавливаешь революционный голос той легендарной, первой, ее стремление наполнить жизнь человека движением,

волнением, заставить его гореть, а не тлеть и в конечном счете ему же дать что-то новое, необходимое, современное. В данном случае не уголь, не цемент, не металл, а не менее необходимый нам трикотаж.

Трикотаж, как известно, делается из нити, а значение нити в истории человечества таково, что, наверное, с ее появления и надо вести летосчисление комфорта: появилась нить — человек перестал покрываться просто куском шкуры, а стал шить удобную одежду.
Возьмемся, пожалуй, за клубок Ариадны, попробуем протянуть путеводную ниточку. Она приведет нас в Огре — на один из трех крупнейших трикотажных комбинатов Восточной Европы.

Почему построили комбинат именно в Латвии? Почему в Огре? Потому что так подсказывал здравый смысл. Латвия уже давненько вырабатывает трикотаж, и делает это неплохо, значит, есть опыт. Что же касается Огре, то комбинат пришел этому городку на помощь: промышленности здесь не имелось, и надо было обеспечить жителей работой. И тут мы не можем не вспомнить еще одну строчку из Директив XXIII съезда КПСС: «В целях улучшения использования трудовых ресурсов и более равномерного размещения промышленности новые предприятия строить главным образом в средних и небольших городах...»

Директива партийного съезда выполнена, комбинат построен. С января нынешнего года он выпускает верхний трикотаж, то есть женские костюмы и платья, женские и мужские джемперы, детские вещи.

Комбинат огромен. Перед длинным его фасадом крохотными кажутся бульдозеры, выравнивающие землю для газонов.

Зинаида Ресне, председатель Огрского райисполкома, задумчиво глядит на свеженький газон.

— Жилой поселок строится с опозданием, вот что плохо,— говорит она.— Комбинат начали строить значительно раньше, чем поселок, потому что рабочими должны были стать местные жители. Но рабочих-то должно быть шесть тысяч человек, то есть гораздо больше, чем может дать маленький Огре. Люди приезжают и будут приезжать. А у нас уже сейчас квартирный кризис. Очень это нас волнует. За быстрое строительство поселка должны ратовать все: райисполком, республиканские и союзные строительные и административные организации, журналисты. Вот вас я прошу опубликовать в журнале: пусть все, кто имеет задолженность перед строительством жилья в Огре, перестанут быть равнодушными. Сейчас судьба огрского трикотажа зависит от приезда хороших специалистов, а следовательно, от хорошего жилья.

С Зинаидой Яновной нельзя не согласиться: жилой поселок должен расти такими же темпами, как комбинат.

Но вернемся к биографии трикотажа. Во что же превратилась бабушкина прялка и спицы в семидесятые годы двадцатого века?

Разные отрасли индустрии обслуживают трикотажную нить. Например, индустрия воды. В цехе водоподготовки мы спросили сменного мастера Байбу Панину:

— Чем вы тут занимаетесь?

— Воду делаю,—ответила она.— Очищаю от солей натрия и кальция, умягчаю и отправляю на комбинат — пусть трудится в котлах и красильных аппаратах.

— А потом отработанную, загрязненную и окрашенную сбрасываете обратно в чистенькую Даугаву?

— О нет! Наш комбинат построен вместе с очистными сооружениями. Но об этом вы расспросите биолога Диту Рубес.

В хозяйстве Диты Рубес среди многих прочих сооружений есть большие бурлящие бассейны, где технические воды соединяются с канализационными и где постоянно идет война невидимок. Нитрофицирующие, серные и тионовые бактерии пожирают как органические нечистоты, так и технические засорения. Короче говоря, таким негуманным способом эти бактерии в течение восьми часов основательно очищают воду. Потом вода проходит через систему отстойников и дезинфекции и в Даугаву возвращается вполне чистой.

От Диты Рубес идем к главному экономисту комбината Бруно Бирзе и спрашиваем его:

— Сколько стоят очистные сооружения?

— Не так уж дорого,— отвечает он,— примерно одну сороковую часть стоимости всего комбината. А окупились очистные сооружения в тот самый миг, когда отработанные воды отправились в реку, не причинив вреда ее животным и растениям...

Электричество тоже состоит в свите трикотажного полотна. И отнюдь не в том виде, в котором поступает от высоковольтных линий: 110 киловатт мало моторам Огрского комбината, они согласны только на 380. Столько и получают.

Но самый сановитый слуга трикотажной нити — это, конечно, машиностроение. По поводу машин был у нас темпераментный разговор со старшим мастером трикотажного цеха Евгением Филипповичем Гавриковым.

— У нас тут собралась элита машиностроения — как отечественного, так и зарубежного,— начал он свой рассказ.— Машины легкой промышленности вообще намного сложнее гигантов тяжелой индустрии. А здесь — сложнейшие из сложных!

Мы прошли в цех. Евгений Филиппович весь загорелся, и в его голосе зазвучали совсем другие интонации. Вот его монолог у мотальной машины:

— Умница! Смотрите, утолщение нити. Р-раз!— Выбросила ножичек, подрезала некачественную нить, теперь — да не сюда, а снизу надо смотреть — видите, какие у нее пальцы: вправили концы в надлежащее русло, скрепили, и нить пошла как ни в чем не бывало. Не разглядели? Хо! Даже опытная мотальщица не успевает разглядеть. Но мотальная или круглая трикотажная — это что. Самовары! А вот идите сюда, к коттонам. Я из-за коттонов авиацию бросил. Представляете — сто тысяч деталей, двадцать тысяч из них — неповторяющиеся. Машина вяжет одновременно двенадцать изделий, в смену дает сто джемперов. Работает с помощью электронных устройств по заданию перфокарты. Любое переплетение полотна, любой фасон можно запрограммировать. Тут есть над чем подумать.

И Евгений Филиппович, не дожидаясь, пока развернутся модельеры, подумал, придумал и рассчитал новый фасон полушерстяной «водолазки»: не с вшивным рукавом, что выпускается сейчас на комбинате и выглядит тяжеловато, а с рукавом реглан. «Водолазка», не успели мы и глазом моргнуть, сошла с коттонной машины облегченной и похорошевшей. Евгений Филиппович натянул ее на одного из мастеров и помчался с ним к главному инженеру комбината Арону Моисеевичу Ходосу. Главный взглянул наметанным оком:

— Гм, гм. Неплохо. Оформляйте. По всем правилам. Когда оформите — начинайте выпускать.

Евгений Филиппович 23 года проработал на рижской фабрике «Аврора», в Огре его послали налаживать производство. Делает он это с увлечением и одержим множеством идей. А у Ходоса стаж трикотажника 40 лет, мальчишкой начинал в годы первой пятилетки в Ленинграде, на «Красном знамени», а после войны направили его восстанавливать и налаживать ту же рижскую «Аврору».

Вообще, что касается инженерии, то специалисты на Огрском комбинате превосходные. А там, где хороши инженеры, как правило, и рабочие хорошие. В привычном гуле машин, под яркими прочерками ламп дневного света, в бесконечном мелькании нитяных радуг трудятся огрские девушки. Впрочем, Зинаида Яновна Ресне была права: теперь на комбинате работают не только местные жители. Приехали девушки из Белоруссии и с Украины. Средний возраст рабочих — 19—20 лет, поэтому комбинат и назван именем 50-летия ВЛКСМ. Девушки окончили профтехучилище, у сложных своих машин начали работать под руководством опытных наставников. Илга Шабанова, комсорг трикотажного цеха, уже стала известным на комбинате человеком, лучшей работницей трикотажного цеха, а от роду ей всего 18 лет.

Мотальщица Люда Князюк приехала из Белоруссии.

— Приехала-то просто навестить своих рижских родственников,— рассказывает Люда.— Узнала про комбинат. А мне с детства нравились документальные фильмы про текстильщиц, я завидовала девушкам на больших фабриках — как они запросто запускают прямо-таки страшные машины и важно расхаживают под неоновыми лампами.

Но важно расхаживать под неоновыми лампами можно, оказывается, только для кино. Люда работает не сводя с машины глаз. Работает неспешно, несуетливо. Но все свои рабочие минуты она живет только работой, и машина при Люде так и воспринимается тем, чем она должна быть,— только машиной, приставленной к Люде для выполнения ее, Людиного, задания.

Тысячи девичьих рук с помощью электронных прялок и станков двадцатого века создают трикотажное полотно.

Итак, труд тысячи рук, современнейшие в мире машины, химия, биология, электричество... А джемпера и платья с маркой Огрского комбината — оправдывают ли они все эти затраты?

Вот теперь наступило время произнести похвалу трикотажу, не дилетантски — мол, красиво и удобно,—а профессионально. Предоставим слово Инне Николаевне Василишиной — начальнику экспериментального цеха. Она худощава и юна. Словно стыдясь своей моложавости, Василишина сразу отсекает все сомнения в ее возрасте:

— Вы видите перед собой выпускницу Ленинградского текстильного института, инженера со стажем и мать двух детей.

А потом Инна Николаевна рассказала, что настанет такое время, когда мы...

— ...придем в трикотажный магазин, выберем себе женский костюм, а мужьям и сыновьям — мужские костюмы, потому что есть и такое плотное и прочное трикотажное полотно, из которого в некоторых странах уже шьют элегантные мужские костюмы. Я не говорю уже о белье, блузке, юбке, шарфах, шапочках, перчатках и легкой синтетической обуви на трикотажной подкладке.

Трикотаж становится главной одеждой двадцатого века,— продолжала Инна Николаевна,— и это не каприз моды. Это—требование экономики. Трикотаж выгоден в производстве. Вот сравните-ка: хорошие ткацкие машины дают в минуту двести оборотов, а хорошие трикотажные за эту же минуту — тысячу оборотов. Трикотажное полотно еще и тем выгодно, что оно значительно шире ткaного. А как элегантно и плавно оно облегает фигуру! Вытягивается, вы говорите? Это поправимая беда: мы придумываем невытягивающиеся переплетения полотна, и, кроме того, юбки и брюки надо делать на подкладке.

Инна Николаевна еще продолжала говорить о достоинствах трикотажа, а нас в это время тревожил вот какой вопрос: в цехах мы видели детские костюмчики хорошего покроя, но тусклых, старческих расцветок, женские платья красивого темно-табачного цвета, но с диковинной ярко-оранжевой отделкой. И показалось нам, что при наличии хороших машин, инженеров, технологов и рабочих Огрский комбинат испытывает недостаток в хороших художниках. А художник на таком комбинате превыше царя и бога: из неважнецкого полотна он может создать красивую вещь и может безнадежно испортить самое красивое полотно. После того, как мы высказали свою точку зрения на этот счет, у нас состоялся немногословный и нерезультативный спор о вкусах. Инна Николаевна замкнулась и сказала, что она лично за пастельные цвета, за сочетание сближенных по тональности красок, но это компетенция художников, и как-то неладно лезть со своим уставом в чужое подворье, тем более что художницы здесь со специальным средним, а также и с высшим образованием.

Художницы же как со средним, так и с высшим образованием не очень, правда, активно, но пытались защитить право на ядовито-бежево-розовые сочетания. Однако если что и задержалось на прилавках Рижского универмага, то это и были именно табачные платья с оранжевой отделкой. А покупатель — он, что ни говори, в этом вопросе высший судья. Но Инна Николаевна еще дополнила, что неудачные изделия не более как трудности роста и пускового периода, и пригласила нас на просмотр новых моделей. Вот там-то мы по-настоящему порадовались, любуясь прелестными, чистых и светлых тонов детскими свитерами из объемной пряжи, удобными мужскими куртками, элегантными женскими костюмами с удлиненным жакетом, нарядными белыми, с рельефной выработкой джемперами.

Узнав, что Огрский комбинат в ближайшее время будет выпускать 12,5 миллиона трикотажных изделий в год — красивых, плотных, полушерстяных, а следовательно, сравнительно дешевых,— мы покинули Огре с полным убеждением: занятому, спешащему, но желающему быть элегантно одетым человеку XX века совершенно необходим хороший трикотаж.

Маршал авиации в служебном самолете летел в черноморский городок, празднующий двадцатипятилетие своего освобождения. В салоне вместе с ним находился генерал-полковник, бывший начальник политотдела одной из армий, защищавших город в 1942 году. Весь путь спутники играли в шахматы. Оба не уступали друг другу в настойчивости и мастерстве, но чем ближе подлетали к цели, тем большее волнение охватывало их.

— Хорошо бы пролететь вдоль берега, взглянуть на места, где довелось воевать,— предложил генерал-полковник.

Маршал согласился, отправился в кабину летчиков и оставался там, пока самолет не оказался над Туапсе. Генерал-полковник, прильнув к окну, смотрел вниз. Словно огромная льдина, по морю плыл белый теплоход, на рейде дымили танкеры, сновали проворные катера. Справа горстью рассыпанной соли заискрились светлые домики знакомого поселка и растаяли, словно растворились в синеве неба. Среди тронутых осенней позолотой лесов замелькала небрежно брошенная на невысокие горы лента шоссе. Показалось полукружье курортного городка с Толстым и Тонким мысами. Через несколько минут открылось сверкающее лукоморье, и возник город, куда спешили военные: огромная бухта, перегороженная каменным молом, голова господствующей высоты, расцвеченные флагами суда, знакомые до боли и в то же время выглядевшие чужими ровные кварталы и площади.

Генерал-полковник посмотрел на трубы цементных заводов:

— Дымят, как эскадра, готовая в далекий поход.

— А вон дом Юккерса,— заметил маршал.— Единственный дом, уцелевший в городе во время войны. Я несколько раз просил артиллеристов не обстреливать его. Облицованное золотистой глазурью здание служило нашим летчикам великолепным ориентиром при налетах на город. Сейчас в этом доме горком партии.

Самолет с ревом прошел над городом и поплыл над виноградниками совхоза шампанских вин. Среди пожелтевших лоз, как цветы, мелькали косынки женщин, убиравших урожай.

Маршал не сказал своему спутнику, что родился в этом городе, провел в нем детство, окончил фабзавуч, работал на цементном заводе, по путевке комсомола ушел в авиацию.

Самолет резко пошел вниз и мягко опустился на бетонные плиты аэродрома. В середине войны в генеральском звании маршал коман-

Сергей БОРЗЕНКО

БРАТЬЯ

Рассказ

Рисунок А. ЛУРЬЕ.

довал авиационным корпусом, и его люди сражались с фашистскими летчиками, базировавшимися на этот аэродром, построенный в 1942 году.

Гостей, прибывших из Москвы, как положено в таких случаях, встретили с почестями и повезли в город. Ехали молча. И маршал и генерал-полковник прильнули к открытым окнам автомобиля. Каждый поселок, мост, поворот шоссе напоминали позабывшееся, казалось, навсегда. Новое все разрасталось, старое ветшало, отмирало, гибло. Прошло четверть века, как они были здесь в последний раз.

Незаметно въехали в город, обсаженный высокими деревьями, в ветвях бились бумажные мальчишечьи змеи. В центре толпами ходили пожилые люди в пиджаках, обвешанных орденами и медалями: бывшая морская пехота, моряки, летчики, артиллеристы, танкисты, стрелки, санитары...

Приезжих поселили в двухместном, еще пахнущем свежей краской «люксе» недавно построенной гостиницы. Маршал подошел к открытому окну, выглянул на празднично разукрашенную широкую улицу, на восторженную молодежь, с любопытством разглядывающую необыкновенных гостей, собравшихся со многих мест Советского Союза, и пожалел, что не взял гражданский костюм. Хорошо бы заправить в брюки белую рубаху и никем не узнанным бродить по шумным улицам своего детства. Впрочем, знакомых улиц нет и в помине— их слизал огненный язык войны. Но разрушенный до основания завод, на котором он работал, восстановили, поставили новые цеха и более мощные вращающиеся печи для обжига клинкера, размалываемого на цемент. Еще в Москве он решил: обязательно сходит на завод.

В дверь весело постучали: вошел секретарь горкома партии, молодой, но с военной медалью. «Подростком воевал»,— про себя отметил маршал. Секретарь поймал взгляд, объяснил: мальчиком упросился в бригаду морской пехоты. Вместе с Красниковым одним из последних отходил с клочка побережья, которое впоследствии окрестили Огненной землей.

Генерал-полковник помнил эту прокаленную в огне каменистую землю. Он тоже уходил в числе последних и тоже шел рядом с командиром бригады Митей Красниковым, которого уже нет в живых...

— Пойдемте в горком. Там собралось много народу. Вам будут рады,— предложил секретарь.— Человек десять упоминали ваши имена.

— В дом Юккерса? — улыбаясь, спросил маршал.

Но секретарь не знал, кто такой Юккерс. Многое забывается с годами, и время безжалостно стирает имена и названия.

В горкоме было полным-полно народу. От стены шагнул широкоплечий, пахнущий табаком человек, протянул маршалу руку.

— Сколько лет, сколько зим!..

Им уступили стулья, и они сели рядом, счастливые тем, что видят друг друга.

— Четверти века как не бывало. Я давно на пенсии, а мне все еще снятся бои над бухтой, над городом, над Огненной землей...

Об Огненной земле вспоминали во всех концах обширной комнаты, но постепенно вокруг маршала и его друга образовался плотный круг людей.

— А помните, как первая немецкая танковая армия неожиданно исчезла из Прикубанья? На ее поиски посылали разведсамолеты, и ни один не возвращался, а вы полетели на трофейном «мессершмитте» и нашли.

— Такое не забывается,— ответил маршал. Мысленно он увидел раскрашенное желтой краской осиное туловище трофейного самолета, отремонтированного усилиями технарей и летчиков, вспомнил, как он осваивал его, как впервые поднялся в немецкой машине над землей, а затем получил задание — полететь и найти ускользнувшую танковую армию фашистов. На него напялили узковатую, с чужого плеча немецкую форму. За линией фронта на советского летчика не обращали внимания. Фашистские самолеты летели к позициям советских войск и, отбомбившись, возвращались. Почти рядом продымил подбитый «юнкерс» и врезался в пшеничное поле. «Не дотянул до аэродрома»,— равнодушно подумал советский ас. После долгих блужданий он нашел задернутые облаками пыли колонны танков, и сердце его радостно затрепетало. Дело было сделано, оставалось только доложить начальству.

На обратном пути к нему приблизился другой «мессершмитт», и генерал увидел горбоносое, перечеркнутое осколочным шрамом лицо пилота. Немец поднял руку, в шлемофоне раздался резкий возглас предупреждения:

— Над нами пять «яков»!—Самолет стремительно пошел в облака, только на фюзеляже мелькнул намалеванный киноварью бубновый туз.

Русский летчик забыл на мгновение, что летит на «мессере», и обрадовался «якам». Но свои бесцеремонно навалились на него со всех сторон и повели на аэродром. Не на тот, с которого он взлетел, а на другой, что находился в стороне. Прижимая ниже и ниже, его заставили опуститься на прогибающиеся под тяжестью самолета металлические полосы. Он сел, с облегчением вылез из кабины, смахнул со лба капли пота. Со всех сторон бежали возбужденные люди, кричали:

— А, попался!

— Я свой, товарищи! Свой! — обрадованно кричал он подбегавшим к нему парням.

— Как свой?

— А, продался фашистам! — Бравый старшина с ходу залепил ему оплеуху.

— Я советский генерал, летал в тыл с важным заданием.— К нему вернулось обычное равновесие. Он назвал свою фамилию, которую знали.

Офицеры угомонили разбушевавшихся солдат. Последовала серия телефонных звонков, и недоразумение прояснилось.

Еще несколько раз летал смелый ас на обжитом «мессершмитте» в далекие и опасные рейды. Но теперь всякий раз в сопровождении своих истребителей, поджидавших его возвращения в условленной зоне.

Один пенсионер предложил пройтись на Огненную землю. В шумном вестибюле гостиницы к ним присоединились еще люди, пошли оживленной группой человек в двенадцать...

Там, где проходил передний край, высились новые дома с балконами, украшенными коврами. Повсюду алели красные флаги — все вокруг словно замело маковыми лепестками. Не было разбитого здания радиостанции, где помещались штабы; срезанный артиллерийскими снарядами лагерный сад разросся, и куда только достигал глаз, зеленели квадраты виноградников. Нигде не виднелось ни единого дота, исчезло все, что напоминало о боях...

По Огненной земле бродили немолодые мужчины, как дети, клали в карманы ржавые осколки. Каждый искал свой окоп. И не находил: все засыпало время. Встречались холмы братских могил с золотыми столбиками фамилий, и многие находили в них имена своих товарищей. Дорога была как бы проложена вдоль бесконечного кладбища, и маршал думал, что ряды безмолвных могил способны говорить — они как бы строки в страшной книге войны, по которым и через сто лет можно прочесть о жестокости оккупантов, о мужестве защитников Родины.

Пригреваемые нежарким сентябрьским солнцем, незаметно дошли до винсовхоза, называемого теперь «Огненная земля». В прохладной столовой рабочие угощали молодым вином красавца адмирала — бывшего командующего Черноморским флотом — и уцелевших командиров батальонов морской пехоты.

У двери висела чугунная доска. Генерал-полковник прочел: «Здесь помещался штаб 255-й бригады морской пехоты»,— улыбнулся, сказал:

— Штаб этой бригады и не ночевал тут, он помещался на радиостанции.

Кто-то сказал:

— Как жаль, что не оставили развалин радиостанции!

Маршал слушал и думал, что время путает события, даты, цифры. Сотрудница городского музея и директор совхоза обещали все написать заново, так, как было.

Весь день маршал с любопытством бродил по земле, над которой провел не менее сотни воздушных боев. До этого он никогда здесь не был, но каменистая, красноватая, словно впитавшая в себя кровь земля была ему дорога. Над нею гибли его товарищи...

Вернувшись в город, он, никого не предупредив, отправился на цементный завод. В его время там выпускали портландский цемент, теперь, он слышал, производят пуццолановый, тампонажный, быстро схватывающийся.

Он ехал на задней площадке в полупустом трамвайном вагоне.

— Обратите внимание, здесь проходила линия фронта,— сказал ему бородатый человек.

На бетонном пьедестале, как напоминание о годах величайшего проявления человеческого духа, стоял железный остов товарного вагона, снизу доверху источенный пулями. Какой-то любознательный мальчишка насчитал в нем одиннадцать тысяч пробоин. Вагон этот перегораживал шоссе и, как баррикада, разделял две враждующие армии.

Маршал сошел на остановке у завода. До проходной оставалось каких-нибудь сто шагов. Работала вечерняя смена. Невысокий дежурный инженер со смуглым решительным лицом узнал маршала: в заводоуправлении висел его портрет при всех звездах и орденах. Инженер стоял у электрической схемы диспетчерского щита. На схеме, как в зеркале, отражалась работа завода, и маршал понимал, что веселые зеленые огоньки утверждают: все вращающиеся печи работают полным ходом.

Инженер охотно повел гостя по высоким, просторным цехам, показал, как происходит помол, превращая мергель в сметанообразный шлам, как шлам насосами подается в огромные бассейны.

— Машин и всяких механизмов у нас больше, чем людей,— похвастал инженер.

Закрывая от жара кепкой загорелое лицо, он прошел к огромным вращающимся железным печам, поставленным с едва уловимым на глаз уклоном. В печах, наполненных сырьем, рождался цементный клинкер. Здесь люди имели дело с огнем, который требовал ритмичной работы, «чувства» печи, знания ее особенностей и капризов. Постояли у пульта управления, где умные измерительные приборы контролировали работу печи: скорость вращения, температуру, силу горячего воздушного дутья. Печь медленно вращалась, в ее железной утробе шумело разноцветное пламя, глухо бился о металлические стенки спекшийся клинкер, и в этом движении и звуках был вечный круговорот жизни.

Маршал все оглядывался вокруг — искал свое рабочее место и не находил, как десантники сегодня на Огненной земле не находили своих окопов. Было жарко. Хотелось пить. Инженер вывел гостя из цеха, повел на карьер. С подножия господствующей высоты хорошо просматривался вечерний порт — суда, украшенные мозаикой красных, желтых, зеленых ламп. На длинных пирсах, как на бульварах, гуляла молодежь. Морской ветер гнал с бухты медные волны музыки духового оркестра.

В. Ефанов. МОСКВИЧКА. 1966.

В. Ефанов. ЮНОСТЬ.

В МОНГОЛИИ. «ОТВЕТА ЖДУ». 1966.

— Смотрю на вас, товарищ маршал, и кажется, что я вас уже знаю, приходилось раньше встречаться,— взволнованно сказал инженер.

— Да, и у меня такое впечатление, будто вы когда-то приснились мне,— добродушно ответил маршал. И было непонятно, сказал он это всерьез или в шутку.

Инженер показал кратчайший путь в порт, пожал собеседнику руку, и маршал, попрощавшись, зашагал по тропинке, круто сбегающей между валунами к морю. Через полчаса он был на пирсе, у которого фашистские бомбардировщики потопили лидер «Ташкент». На эту обгрызенную бомбами и снарядами полоску бетона в сентябре 1943 года высадился десантный полк войск НКВД.

На пирсе маршал встретил генерал-полковника. Он стоял у самого уреза воды, смотрел в черную даль и видел то, что происходило тут более четверти века назад. Во время отступления на этом, уже отрезанном врагами пирсе, садясь в торпедный катер, пришедший за ним, он попал под страшную бомбежку. Одной из причин, заставивших его приехать на торжества, было острое, никогда не покидавшее желание взглянуть на место, где его могли убить, да не сумели.

Маршал положил на плечо товарища руку.

— Вот мы гуляли по Огненной земле, и каждый из нас мог наступить на забытую мину и взорваться. Чем не сюжет для рассказа? — сказал генерал-полковник.

Корреспонденты во время войны не написали о нем ни строки, хотя он постоянно находился на передовой. Он не только переживал все перипетии боев, но и знал в лицо сотни солдат и матросов. Ему хотелось поведать другу о пережитом в боях за город, но он смолчал. Собственные подвиги ему казались бледными по сравнению с крылатыми победами маршала. Они вернулись в гостиницу, утомленные переживаниями дня, легли в прохладные постели и моментально уснули.

На другой день на Огненной земле состоялся митинг. Пришли стар и млад — все население города. Выступали участники обороны и штурма. Секретарь горкома партии просил маршала выступить, но тот наотрез отказался: он не любил да и не умел говорить, считал себя плохим оратором.

Люди называли имена погибших товарищей, говорили о мужестве, о войсковом товариществе, о стойкости, о том, как бойцы, испробовав свои силы в бою, становились коммунистами.

Затем моряки продемонстрировали высадку морского десанта у мыса Любви, стараясь повторить все, как было во время штурма. Среди разрывов и цветных дымов спешили мелкие суда. Молодые люди с оружием бросались в воду, выскакивали на каменистый берег, кидали гранаты и палили из автоматов.

— На самом деле все было не так красочно и картинно,— сказал генерал-полковник.— Бой невозможно повторить. Никогда не бывает два одинаковых боя.

— Тогда, двадцать пять лет назад, подожженные суда пылали жаркими кострами, на море горел разлитый бензин и по горячей воде хлестал свинцовый ливень,— припомнил маршал. Он видел штурм родного города с неба, затянутого облаками дыма. Штурм длился пять суток, и пять суток он во главе своих летчиков дрался с фашистскими самолетами... «Об этом и расскажу, если придется выступить»,— решил маршал.

И вот он на торжественном заседании в театре, заполненном до отказа. Никогда, пожалуй, не видел сразу столько орденов, как в этот вечер. Защитники Огненной земли награждались по четыре, по пять раз. Он сидел в президиуме. Член Политбюро ЦК КПСС Андрей Павлович Кириленко говорил о военной и трудовой славе города. Оглашал имена героев. Назвал и фамилию маршала... Затем под гром аплодисментов к знамени города прикрепил орден.

На трибуну выходили ветераны. И оттуда лились воспоминания, воспоминания, воспоминания — живой, кипящий поток слов. Сотрудница музея едва успевала стенографировать выступления.

Председательствовавший секретарь горкома партии назвал фамилию маршала. Волнуясь, он вышел на трибуну, напомнил о своих товарищах-летчиках, живых и мертвых, и замолчал на минуту, задумался.

— Ну, что вам еще поведать? — сказал наконец маршал.— Расскажу, как сбили меня. Трижды я встречался с фашистским асом. Даже в лицо запомнил: горбоносый, с осколочным шрамом. На борту его самолета — бубновый туз. Первый раз я летел в разведку, он принял меня за своего, и мы разошлись без боя. Во второй встретились, когда я, отстав от товарищей, последним возвращался на аэродром. Над морем меня настиг этот ас. Я узнал его. Узнал ли он меня, не знаю. Завязался бой. Я еще раньше расстрелял боезапас и вступил в этот бой безоружным. И был сбит... Плюхнулся в море. Открыл фонарь самолета и вывалился в холодную воду. Берег едва проглядывался. Я поплыл было кролем, но, сделав несколько резких движений, почувствовал, что ранен. Остановить кровь было нечем, и мне казалось, что вместе с нею вытекала из меня и жизнь. Я наверняка знал, что до берега не добраться. Но инстинкт самосохранения заставлял плыть. Не хватало дыхания. Быстро темнело, а может, мутилось в глазах. Берег вместо того, чтобы приблизиться, исчез. Последние силы покидали тело. И вдруг я услышал шум — подумал, что это гудит в голове. Но рядом застопорил торпедный катер. Меня подняли на борт, я потерял сознание и очнулся в далеком госпитале... Прошла целая вечность, а я до сих пор не знаю, кому обязан жизнью.

В зале стояла тишина, и в этой напряженной тишине, словно удары колокола, раздались энергичные слова:

— Это был я, товарищ маршал! — В конце зала поднялся мужчина в белом пиджаке, на котором поблескивал орден Красного Знамени.

Все взоры обратились к этому человеку. Маршал узнал в нем вчерашнего инженера с цементного завода.

— Идите сюда, на сцену,— сказал председатель. И все в президиуме замахали руками, приглашая его.

Человек под аплодисменты двинулся армейским шагом. Его осыпали цветами. Он, не торопясь, поднялся в президиум, стал рядом с маршалом, низенький, щуплый, похожий на мальчугана. Несколько минут они стояли молча, заново узнавая друг друга, улыбаясь и радуясь столь необыкновенной встрече.

— Расскажите, как все это произошло,— сказал председатель.

— Обыкновенно. Наш корабль возвращался на базу. Видим: упал советский самолет. Ну мы и помчались к месту происшествия с надеждой, что летчик жив. Конечно, было не по себе: слишком близко город. Подошли к масляному пятну, и, когда подняли человека на борт, тут нас с берега взяла в работу фашистская батарея. Снаряды рвутся вокруг, а мы маневрируем среди разрывов. Как видите, не оплошали, ушли без потерь... А вы, товарищ маршал, говорили, что вам и в третий раз пришлось встретиться с тем фашистским асом. Чем окончилась третья встреча?

— В третий раз я его сбил. Видать, он узнал меня, опешил... И эта заминка стоила ему жизни...

Затем за городом, в уютной гостинице винсовхоза, был банкет. Маршал и инженер-цементник сидели рядом, пили сухое вино и все не могли наговориться. Генерал-полковник поглядывал на инженера; ему казалось, что этот человек был командиром катера, под огнем увезшего его с разбитого бомбами пирса.

Произнося тост, маршал сказал несколько слов о своем потерянном и вновь обретенном друге:

— Вчера я встретился с ним на заводе, видел его в работе. Большое беспокойство за порученное дело, присущее героям обороны и штурма города, не исчезло и продолжает жить в рабочих цементных заводов, заново построенных на земле, обильно политой кровью.— Маршал обнял инженера, и они, как братья после долгой разлуки, поцеловались на глазах у сотен людей, знающих подлинную цену жизни.

Апрель 1970 года.

Писатель-депутат Вадим Кожевников в гостях у механика-водителя хлопкоуборочной машины Хильпин Насыровой.

Фото Иззата Абдуллаева.

ВСТРЕЧА С ДЕПУТАТОМ

Много друзей у писателя Вадима Кожевникова в Узбекистане, особенно среди колхозников в Самаркандской области. Это по их просьбе в республике были изданы на узбекском языке широко известные книги «Знакомьтесь — Балуев!», «Щит и меч». А когда шли выборы в Верховный Совет Союза ССР, здешние хлопкоробы, отдав свои голоса русскому писателю, поручили ему вместе с другими депутатами Узбекистана представлять их интересы в высшем органе государственной власти.

В огромном зале сельского клуба колхоза «Октябрь» собрались послушать отчет своего депутата хлопкоробы из Булунгура, Галлярала, Пайарыка.

И начался деловой разговор, отчет депутата о выполнении наказов, вопросы к нему, предложения... Слушаешь все это, и приходит ясное, убедительно конкретное представление о совершенно новых проблемах, волнующих сегодня и колхозников и их депутата. Фигурально говоря, не о хлебе насущном идет речь, а о разнообразии ассортимента хлебобулочных изделий. Не о крыше над головой, а о типовых проектах новых, отвечающих современнейшим требованиям зданий. Не о строительстве школы, а о высококвалифицированных преподавателях русской литературы и языка, о регулярном и более щедром снабжении колхозных библиотек книжными новинками. С кем, как не с писателем, обсудить это, попросить помощи, заручиться поддержкой!..

И, конечно, в центре внимания — самая острая, непреходящая и основополагающая проблема: сохранение и укрепление мира. Все собравшиеся в зале были под впечатлением незабываемого события — торжеств в Самарканде в связи с его 2500-летием. В центре города утвердился на века памятник воинам, десяткам тысяч самаркандцев, павшим на фронтах Великой Отечественной войны.

История научила советских людей быть настороженно чуткими ко всему, что таит в себе опасность новой мировой войны — будь то события в Азии, на Ближнем Востоке или в Европе. Именно поэтому самый главный наказ самаркандцев своему депутату Вадиму Михайловичу Кожевникову, члену Комитета Парламентской группы СССР, непосредственно занимающейся вопросами европейской безопасности,— это неуклонное и активное проведение ленинской политики мира, свободы и независимости народов.

Вяч. КОСТЫРЯ

СО ВРЕМЕНЕМ В ЛАДУ

«Я рыбачил, батрачил, крестьянствовал с детства. В 18 лет воевал... Ныне я утверждаю себя как поэта. Так вот, от своего лица и от лица моих ровесников — крестьянских, колхозных, в большинстве широкоплечих парней, от лица товарищей по работе свидетельствую: все, что я, все, что мы имеем: громадную радость существования, уверенность в победе, ощущение мира как своего — все это дала нам наша великая страна, наша советская Отчизна... Наш долг перед этим строем громаден. Мне думается, его хватит на всю нашу жизнь «с гаком»...»

Обещанием художника, его творческой программой прозвенело три с половиной десятилетия назад выступление поэта на Первом съезде писателей. И весь путь Александра Прокофьева, отмечающего сегодня свое семидесятилетие, путь человека, поэта, гражданина, явился убедительным подтверждением его простых и мужественных слов.

Новь революции — вот генеральная тема поэзии Прокофьева, вот любимейшая ее героиня. Начиная с первых его книг — «Полдень», «Улица Красных Зорь», «Победа» — ритм его стихов подчинен пульсу времени, разлада с которым не знает прокофьевская муза. Лирическими строками поэта «под шапкой вострой, как девушка стройна, идет на полуостров веселая страна»; в большом, обновленном революционными ветрами мире полноправно хозяйничают краснопутиловец и матрос с Лесснера:

Ох, поплыл матрос
В крепком гамузе.
Два нагана по карманам,
Третий — маузер.

Где б четвертый раздобыть? —
и пойдет до полюса...
Пулеметные бобы
От плеча до пояса.

Ах, трава-треста,
Небо-горлинка,
Ни гайтана, ни креста,
Только форменка!..

Крестьянин, рыбак, красногвардеец, он вошел в молодую советскую литературу, сам молодой, полный сил, удали, веселого задора, со вкусом к самоцветному слову, неся с собой все красочные и звуковые впечатления Ладоги и Олонии, северного русского озерного края. Частушечный разнобой, словесная чечетка, плясовой ход (когда даже разудалое «Яблочко» кажется героям «обгрызенным») пронизывают ранние, «молодые» стихи Александра Прокофьева. Сразу, первыми же своими произведениями заявил он о себе как один из самых одаренных и самобытных поэтов 20-х годов.

На поэтической карте Советской России центры ее не совпадают с административными единицами. Константиново числилось всего-навсего селом на Рязанщине, однако именно там, среди окских лесов и лугов, родился и вырос, напитался первородными впечатлениями Сергей Есенин. Ладога дала нам Александра Прокофьева.

Пусть его «в Отечестве отечество, в Родине, как малое звено»: именно она, его Ладога, открыла своему сыну заповедные кладовые, незримыми, крепчайшими нитями соединила поэта с великими и святыми родичами, смердами, что «при Катерине» поселились на северных мхах, обживали и одухотворяли трудом далекий, но «нашенский» край:

Вожак — и тот, седой от
страха,
Вел песню рода впереди,
И борода его, как плаха,
Лежала плотно на груди.

Кричали женщины: «Доколе
Гореть лицу и жить в
слезах?»
Телеги ныли. Ржали кони.
Качались люльки на возах...

Однако не перепевами благостно-клюевской северной Руси, не стилизованной архаикой звучит этот сказ о предках. Как подвиг, как вызов природе и торжество над ней, славит поэт появление на Ладоге россиян. И стих его теряет плясовую интонацию, обретает мерную торжественность, в нем звучит голос меди, величальная предкам.

Не у Даля или у «Словаря областного Олонецкого наречия» — из живых закромов памяти народной черпал поэт россыпи самородного языка. Близость фольклору, птицепесне придала особенное обаяние легкокрылым, оперенным крестьянской и рыбацкой, трудовой метафорой прокофьевским стихам:

Туман, весне доверясь,
Идет по грудь в воде,
И трескается вереск
В отцовской бороде...

А ветер от Олонца
И от больших морей,
И опускалось солнце
На тридцать якорей...

В стихах о преображенной, советской Ладоге читателю открылись новые грани лирического, певучего дара Прокофьева: его стихи льются, в них родниковая музыка, нежное и трогательное признание в любви родному краю: «Лучше этой песни нынче не найду. Ты растешь — как яблоня в наливном саду». Муза-невеста, «как яблоня в молодых летах», ведет поэта дорогами колхозной Олонии, и тема родины, отчей земли ширится в его песнослове, к неоглядным далям раздвигаются поэтические горизонты. И вот уже Ленинград, Крайний Север, Волга, Сталинград, Сибирь, еще шире — вся Советская Россия становится его песнью.

В огневые годы Великой Отечественной войны как гимн родной земле, как дань душевной красоте и щедрости советского человека, как непоколебимая вера в него прозвучала замечательная поэма Прокофьева, которая так и названа — просто и ответственно — «Россия»:

Сколько звезд голубых,
сколько синих,
Сколько ливней прошло,
сколько гроз.
Соловьиное горло — Россия,
Белоногие пущи берез.

Да широкая русская песня,
вдруг с каких-то дорожек и
троп
Сразу брызнувшая в
поднебесье
По-родному, по-русски —
взахлеб.

Единственно верные, за сердце берущие слова нашел поэт, говоря о самом главном, о самом дорогом — о Родине. Собственно, это и не поэма в традиционном понимании этого слова, а большой, взволнованный, лирический монолог, цикл картин-песен, где образы богатырской солдатской семьи Шумовых сливаются с образами русской природы — ее могучими корабельными соснами, черемухой в цвету, ольховой скромной рощицей, березой в беленом сарафанчике. Поэт мог бы повторить знаменитое слово Глинки: музыку создает народ, мы ее только аранжируем. От глубинных, народных корней к кроне поэзии весельм, весенним током поднимается его песнь:

Северяночка, устюженка,
Веселые года,
Ты куда ушла, жемчужинка,
Ужели навсегда?

Неужели, неужели
Отзвенели голоса?
Неужели порыжели
Наши хвойные леса?

Неужели все пропало,
Потускнела синева?
Неужель в лугу упала
Непримятая трава?..

Давно уже от ладожских берегов на большую воду жизни отплыла поэтическая ладья Александра Прокофьева. Однако вновь и вновь от пристани своей юности, от олонецких озер и лесов, идет поэт в очередное дальнее путешествие, приглашая читателя следовать за собой, открывая ему неповторимо-прекрасный мир России. В ряду многих других сборников его книга 1960 года «Приглашение к путешествию», откуда взяты строки о «северяночке, устюженке», явилась событием в литературной жизни страны. Молодо, весомо, ответственно звучит в ней голос поэта:

У песни все дело в зачине,
Где встали слова на места, —
И только по этой причине
Она раскрывает уста.

По праву отмеченная Ленинской премией, книга эта вновь указала всем на то значительное место, какое занимает творчество Прокофьева в советской литературе. Вехами сегодняшнего, живого литературного процесса стали его яркие сборники последних лет: «Стихи с дороги» (1963), «Под солнцем и под ливнями» (1964), «Гроздья» (1967), «Прощание с приморьем» (1969).

Судьба Александра Прокофьева счастлива и поучительна. Натура его отмечена исключительной цельностью. Все написанное им — сорок ли, двадцать лет назад — он мог бы повторить и сегодня, не отказываясь ни от единой строки и ничего не стыдясь. Искренне, убежденно, последовательно шел он своим, на редкость прямым путем, и это, и только это, дало ему право на гордые строки:

И я вошел в народное
всевластье,
И я с великим Временем
в ладу,
И вся моя родня,
Мои пристрастья —
Не в домыслах моих,
А на виду.

Одна, общая мысль — забота о большой, социалистической Родине, раздумье о великой и трудной ее судьбе — объединяет самобытное творчество Прокофьева, не устающего напоминать себе, товарищам по литературному цеху, современникам: «Нам кое-что простит эпоха, отлюбит с нами, отгрустит. Но что Россию знаем плохо, то уж, наверно, не простит!» Завет важный, стоящий и своевременный. В нем целая программа поэта-патриота, озабоченного завтрашним днем, приближающего этот день своими стихами:

А я скажу, в чем наша честь:
Нам надо знать свою Россию,
Пора пришла. И силы есть!

Олег МИХАЙЛОВ

В ЕЕ СЕМЬЕ — 130 ЧЕЛОВЕК

У нее теплые, жилистые руки, хорошая память. Большую часть своей жизни она провела в горах. На альпийских лугах Памбакского хребта доила коров и овец, готовила сыр, собирала и сушила на зиму съедобные и целебные травы, долгими зимними вечерами крутила веретено, пережила шесть войн и родила 16 детей.

Ныне у жительницы небольшого армянского городка Спитак Кануш Мукучовны Согомонян 130 внуков, правнуков и праправнуков. В большой и дружной семье уважают и любят 120-летнюю женщину.

Просыпаясь раньше всех, она хлопочет по дому, вяжет для малышей. За столь долгую жизнь Кануш Мукучовна никогда не хворала.

Р. Шахназарян, сотрудник кироваканской газеты «Кайц» (Искра)

На снимке: Бабушка Кануш с четырехлетней праправнучкой Сусанной.

Фото автора

ВРЕМЯ И КНИГИ

Весной 1945 года в Московском обкоме комсомола появился выпускник Московского университета. За плечами у него была война с белофиннами, фронтовые дороги Отечественной войны. Он стал работать в отделе пропаганды. Затем — газета «Московский комсомолец». Так начиналась трудовая и литературная биография Виктора Панкова. Школой журналистского партийного мастерства была для него «Правда», где он проработал более десяти лет. В те годы рождалась и его первая книга «Советская действительность в изображении Горького».

Стремление схватить острым взглядом партийного публициста, исследователя, критика живые реальные черты современной литературы, выделить среди новых книг наиболее талантливые, нацеленные на будущее — все это характерно для лучших разделов, глав и страниц книг доктора филологических наук, профессора, критика и литературоведа Виктора Ксенофонтовича Панкова. Таких, как «Главный герой», «На стрежне жизни», «Воспитание гражданина». С этими книгами, а их дополняют многочисленные статьи, рецензии, заметки, выступления, он достойно встречает полувековой рубеж своей жизни. Впереди у него новые книги, новые литературные поиски.

Ю. ПРОКУШЕВ

В. К. Панков.

Д. С. СТРЭЙНДЖ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

АЛЬБЕРТ ОБРЕТАЕТ ЛИЦО

— Немедленно вызовите «Скорую помощь»! — крикнул Женэ водителю.

На пустынном до этого сквере начали собираться зеваки, прибежал дежурный полицейский. Женэ поручил ему заниматься толпой, а сам вернулся к Дювивье. Старик уже пришел в себя и открыл глаза.

— Это вы, мосье? — пробормотал он.— Я так и думал.— Дювивье охнул и схватился за бок.— Что произошло?

— Не волнуйтесь. О вас позаботятся. Мы искали вас.

— Я болел...— Дювивье попытался встать, но только застонал и перестал шевелиться.

В больнице, куда Женэ приехал вслед за каретой «Скорой помощи», раненому немедленно сделали переливание крови, и, хотя сознание вернулось к нему, было очевидно, что он умирает.

— К сожалению, это только вопрос времени,— сказал дежурный врач.— Мы бессильны что-либо сделать.

— Могу я задать ему несколько вопросов?

Врач пожал плечами.

— Попробуйте. Но торопитесь, времени у вас в обрез.

Женэ подошел к койке, на которой лежал умирающий.

— Со мной все кончено? — шепотом спросил Дювивье.

Женэ опустился на стоявший рядом стул. Старик испуганно посмотрел на него и тут же отвел взгляд.

— Священника...

— Священник уже вызван... Вы слышите меня, Дювивье?

— Да.

— Я хочу задать вам несколько вопросов. Поверьте, это очень важно.

— Вопросов?..— От приступа боли Дювивье начал метаться, и в тишине палаты послышалось его быстрое, прерывистое дыхание.

— Вы знаете человека по имени Гофруа?

— Ростовщика? Знаю.

— Давно?

— Я познакомился с ним еще до... еще до того, как у меня с вами произошли неприятности.

— Нам известно, что он промышлял скупкой краденого, но сейчас нас интересует не это.

— Что же?

— Гофруа арестован. Вы знали об этом?

— Нет. Я долго лежал в больнице. За что?

Женэ коротко изложил суть дела, и старик, забыв о своем положении, неверящими глазами уставился на Женэ.

— Это ужасно, мосье! — прошептал он.— Это невероятно!..

— Гофруа утверждает, что вы тоже работали на немцев.

— Наглая ложь! Я ветеран войны. Уж я-то знаю проклятых бошей! Я дрался с ними на Марне и под Верденом...

Дювивье раскашлялся, и Женэ подумал, что с ним все кончено. К койке подбежала сестра и приподняла старика.

— Разговор заставляет его волноваться, мосье.

Однако Дювивье нетерпеливо отмахнулся от нее и снова повернулся к Женэ.

— Что говорит Гофруа? — с трудом спросил он.

— Гофруа говорит, что дал вам номер телефона некоего Альберта и вы сообщали тому кое-какие сведения.

— Так вот оно что! Вы же все перепутали, господин комиссар. Речь шла совсем о другом. Альберт вовсе не немец, он такой же француз, как мы с вами. И дело касалось девушки, замешанной в одной любовной истории.

— Но телефон-то Альберта вам дал Гофруа?

— Да, но вы поймали за хвост не того кота. Гофруа дал мне возможность хорошо заработать, вот и все. В конце концов для тех, кто его знал, он был не таким уж плохим человеком.

Дювивье жадно выпил принесенный медсестрой стакан воды и, казалось, на несколько минут почувствовал себя лучше.

— Вы все-таки расскажите поподробнее.

— История касалась хозяина кафе, где я тогда работал. Он ухаживал за модисткой из ателье, оказавшейся подружкой этого Альберта. Девице больше нравился мой хозяин, и Альберт стал ревновать, вы же понимаете, как это бывает. Он заподозрил, что они встречаются. Вот Гофруа и сказал мне: «Как только твой патрон куда-нибудь уйдет из кафе, ты сообщай Альберту, а он будет тебе за это платить». Ну, и дал мне его телефон.

Женэ не сводил глаз с бледного лица старика.

— Понятно. И вы звонили Альберту?

— А почему бы и нет? Мне это ничего не стоило.

— Что еще Альберт хотел знать?

Дювивье с трудом ухмыльнулся.

— Знаете, мосье, прямо-таки даже глупо. Я иногда смеялся. Альберт, например, спрашивал: «А в чем он сегодня вечером? В кепи или в черной шляпе?» Он имел в виду его котелок, если это так называется.

Женэ кивнул.

— Нет, но вы только подумайте! Человек платил двести — триста франков только за то, что я сообщал ему подобную чепуху!

— Скажите, а он спрашивал о бутоньерке?

— Да, да. Отправляясь к приятельнице, мой хозяин всегда вдевал в петлицу маленький букетик цветов. Наверно, по нему Альберт и узнавал хозяина.

— И вы были обязаны сообщать по телефону о котелке и о бутоньерке?

— Только это, клянусь! Обычный любовный роман.

Новый приступ боли заставил Дювивье откинуться на подушку. Судорожно ворочая головой из стороны в сторону, старик выждал, когда боль несколько утихла, и продолжал:

— Однажды Альберт прислал мне в знак благодарности пятьсот франков.

— А что потом произошло с вашим хозяином?

— Ему не повезло. Он принимал участие в заговоре с целью убийства, и его арестовали.

Женэ не стал расспрашивать о подробностях, эта история относилась к числу обычных в те годы: патриоты выносили решение ликвидировать одного из матерых гитлеровских палачей

Продолжение. См. «Огонек» №№ 43—47.

и, встречаясь по вечерам, надевали для опознания друг друга одинаковые котелки или вдевали в петлицу цветок.

— И вы никогда не видели Альберта?

— Нет, я только разговаривал с ним по телефону.

— Вы помните номер?

— Что вы, мосье! Ведь прошло восемь... нет, девять лет...

— Разве вы его нигде не записывали?

— Может, и записывал, но теперь не помню.

Женэ вздохнул.

— Ну, хорошо. Ваш патрон куда-то уходит. Вы что же, немедленно бросались к телефону и звонили?

— Да.

— Откуда? Из кафе?

— Телефон в кафе был, но я не хотел, чтобы хозяйка... Она, хитрая чертовка, всегда там торчала...

— Следовательно, вы тоже выходили? Куда?

— Рядом с кафе находилась табачная лавочка. Вот оттуда я и звонил.

— Где находился телефон в лавочке? Постарайтесь припомнить.

Дювивье быстро терял последние силы; казалось, свет в его глазах постепенно гаснет. Женэ наклонился над койкой.

— В кабинке?

— В кабинке,— задыхаясь, едва слышно прошептал старик.— В кабинке под лестницей.

— Постарайтесь припомнить. Вы заходили в кабинку, закрывали дверь и набирали номер. Аппарат был с диском?

Он не знал, дошли ли эти слова до умирающего; глаза старика смотрели на него, словно из глубокого колодца.

— Вы можете вспомнить положение пальцев при наборе номера? Вы могли видеть что-нибудь в кабинке? Там был свет?

Дювивье силился что-то ответить, и Женэ почти припал к его губам.

— Проклятые боши! Я никогда на них не работал...

— Нет, нет! Я уверен.

Женэ провел рукой по своему лицу. Он испытывал величайшее разочарование, но тут же снова услышал шепот:

— Под полочкой в углу...— Дювивье на мгновение умолк, потом, торопясь и волнуясь, добавил: — Понимаете, этот номер стоил мне двести — триста франков в неделю.— Чувствовалось, что для него нет сейчас ничего важнее, чем объяснить свои поступки.— Я не мог позволить себе забыть его. Для бедняка двести — триста франков — большие деньги. А как-то раз даже пятьсот... Иногда мне изменяет память, но сейчас я вспомнил. Вы понимаете, в кабинке...

— Понимаю.

— Вы хорошо ко мне относились, не то что другие шпики... Вы поняли, как все произошло?

— Понял.

— Но вы верите, что я не работал на немцев?

— Да, верю.

Дювивье схватил Женэ за лацкан пиджака и, не спуская с него лихорадочного взгляда, пытался привстать.

— Вы оскорбляете меня своим недоверием, мосье! Я тоже француз.— Он зарыдал, и изо рта у него хлынула кровь.— Проклятые боши!..

Через несколько минут он умер. А немного позже Женэ с чувством облегчения убедился, что интересующая его лавчонка представляет собой маленький грязный домишко, фасад которого не красился уже много лет. У него возникла надежда, что скупой хозяин не позаботился покрасить свое заведение и внутри. Так оно и оказалось.

В крохотной и запущенной лавочке, кроме обычных сигарет, можно было купить уголь и дрова, а на прилавке виднелось несколько засиженных мухами открыток. Как всегда в таких местах, был тут и небольшой бар, около которого посетители потягивали красное вино и болтали с хозяином.

С появлением Женэ разговор сразу прекратился, и все повернулись к нему. В обращенных на комиссара взглядах появилось выражение настороженности и презрения. Да, заведение оказалось именно таким, каким представлял себе Женэ.

— У вас есть телефон? — спросил он у лавочника.

Торговец кивком показал на закуток под лестницей, ведущей на второй этаж. Женэ вошел в маленькую темную кабинку и закрыл за собой дверь. Сейчас же загорелся свет. С забившимся сердцем Женэ нагнулся и заглянул под полочку.

В самом углу он обнаружил едва заметную запись карандашом: «Литре 54 09».

Часов в шесть Женэ уже подъезжал к дому по нужному адресу на левом берегу Сены. Узнать адрес никакого труда не составило. В Париже номера телефонов закреплены за квартирами и не меняются, даже если в них появляются новые жильцы.

Телефон «Литре 54 09» уже много лет стоял в одной из квартир в доме недалеко от бульвара Сен-Жермен, в нескольких кварталах от префектуры. Женэ прошел по узенькой, извилистой улочке без тротуаров, миновал глубокую арку и оказался в старинном дворике треугольной формы с выходом в противоположном углу. Дворик со всех сторон окружали каменные дома, построенные, видимо, еще в средние века. На верхние этажи кое-где вели открытые лестницы. Посредине был устроен фонтан и стояли растения в кадках; на многих окнах виднелись ящики с красной геранью.

Женэ осмотрелся и, приметив маленького мальчика, сидевшего на крыльце с черной собачонкой на руках, подошел к нему.

— Квартира мадам Деланель? — переспросил мальчуган.— Да, знаю, мосье. Поднимитесь вон по той лестнице на верхний этаж.

Чем выше поднимался Женэ, тем громче становилось пение, которое он услышал сразу же, как только вошел во двор. Добравшись до площадки, он постучал в массивную полированную дверь. Пение прекратилось. Ему открыла молодая женщина; за ее юбку цеплялась крохотная черноглазая девочка.

— Мадам Деланель?

— Нет, мосье. Мадам Деланель — моя мать. Вы хотите видеть ее?

— Если можно. Я комиссар Женэ из уголовной полиции. Мне хотелось задать несколько вопросов. Она может уделить мне минутку?

Молодая женщина, видимо, удивилась, но промолчала.

— Пройдите, пожалуйста,— пригласила она.

Женэ вошел вслед за ней в уютную маленькую гостиную, просто, но со вкусом обставленную, с несколькими превосходными эстампами на стенах.

Из соседней комнаты послышались удивленные восклицания, и на пороге появилась старая дама, сопровождаемая той же молодой женщиной.

Мадам Деланель, маленькая, аккуратная и очень некрасивая, производила впечатление дамы, некогда блиставшей в «большом свете». Она еще не произнесла ни слова, но по всему ее облику — по спокойной иронической усмешке, по черным, как у ребенка, поблескивающим глазам — Женэ понял, что видит перед собой умную женщину, не лишенную своеобразного обаяния.

— Чем обязаны вашему визиту, мосье? Среди нас есть преступник? Разумеется, мне известна ваша фамилия. Садитесь, прошу вас, и объясните, пожалуйста.

«Как она держится! — улыбнулся про себя Женэ.— С такими манерами ей здесь явно не место».

Отвечая на вопросы комиссара, мадам Деланель сообщила, что она вдова преподавателя университета, что эту квартиру они с мужем купили, когда их дочь была еще совсем ребенком, примерно такого же возраста, как вот эта крошка. Затем началась война, и они уехали к брату мужа на юг Франции. Ее муж умер, а дочь вышла замуж. В Париж они возвратились после окончания войны.

— И вот мы снова живем здесь. Мой зять, Пьер Синар, доктор наук, тоже служит в университете. Возможно, вы слышали о нем.

Женэ ответил, что, к сожалению, нет, не слышал.

Мадам Деланель знала только, что в их отсутствие квартира находилась в распоряжении какого-то государственного учреждения, а проживал в ней некий Филипп де Эйтвиль.

— Нам еще очень повезло, не правда ли, мосье? Ведь многие квартиры занимали немцы. Некоторые мои друзья после возвращения обнаружили, что все — заметьте, все! — из квартиры исчезло, а сами квартиры напоминали свинарник. Но нам, повторяю, повезло, у нас оказалось все в порядке. Наша соседка внизу, мадам Рике, говорит, что жилец был весьма порядочным молодым человеком, никогда здесь не было ни шума, ни беспорядка.

— По-вашему, это был француз?

— Разумеется! С такой знатной фамилией...

— Фамилию легко переменить.

Старуха понимающе взглянула на Женэ.

— Следовательно, вы интересуетесь Филиппом де Эйтвилем?

— Да, мадам.

— В таком случае вы должны переговорить с мадам Рике. Но не могу, повторяю, не выразить удивления.

Женэ посмотрел на свои руки, лежавшие на коленях.

— После возвращения вы, наверно, ничего здесь не нашли: ни писем, ни каких-нибудь других бумаг?

— Ничего, абсолютно ничего. Могу вас заверить. После возвращения мы произвели капитальную уборку квартиры, все перевернули вверх дном. Жилец не оставил даже запонки. Не человек, а призрак.

«Еще бы,— подумал Женэ,— не такой человек этот мнимый Филипп де Эйтвиль, чтобы оставить даже запонку!»

— Когда он уехал отсюда?

— Вот уж действительно странно! Он уехал в тот самый день, когда началось освобождение города. Вначале мы даже подумали, что он погиб в уличных боях: как-то утром вышел из дому и не вернулся.

— Любопытно.

— Кто он был, мосье? Или нам не следует интересоваться?

Женэ поднялся.

— Нет, почему же. Но я и сам не знаю.— Он сделал паузу и, разделяя слова, добавил: — Полагаю, что резидент гестапо.

Женэ заметил, как пальцы старухи судорожно сжали подлокотник кресла.

— Ваши расспросы имеют отношение к происходящим сейчас арестам?

Женэ пожал плечами.

— Имя Альберт вам что-нибудь говорит?

Мадам Деланель, не сводя с него расширенных от ужаса глаз, отрицательно покачала головой.

— Нет. Но это же страшно, мосье! Подумать только, в этом доме жил...

— Вы тут ни при чем, мадам.

— Благодарю. Но никак не верится, что...

— Я хочу переговорить с мадам Рике.

Покидая квартиру, Женэ посмотрел на ведущую вниз лестницу и дворик и подумал, какая удобная ловушка это место. Он повернулся к мадам Синар и спросил:

— А другой выход отсюда есть? Ну, еще одна дверь?

— Нет.

— Какое-нибудь окно?

— Окно — другое дело. Если вы пройдете вот сюда...

Женщина провела его на кухню, окно которой выходило на крышу. Футах в трех направо между двумя соединяющимися крышами тянулся водосточный желоб; он оканчивался у окна дома, обращенного фасадом на соседнюю улицу. По словам мадам Синар, это окно служило для освещения расположенной внутри лестницы. Женэ поблагодарил и ушел.

Он выбрал удачное для визита время: наступал час ужина, и жильцы уже были дома. Дома оказалась и мадам Рике со своим сыном — юношей лет двадцати; оба они хорошо помнили Филиппа де Эйтвиля.

— Он был такой интересный молодой человек,— вздохнув, ответила мадам Рике, приземистая, отнюдь не романтического облика женщина.— Хорошенький блондин с красивыми голубыми глазами. Да, Эйтвиль мог быть и немцем. Однако такая аристократическая французская фамилия и такая вежливость!.. Немцам это несвойственно... Говорил он без акцента, совершенно без акцента, на прекрасном французском языке.— Мадам Рике даже рассердилась, когда Женэ выразил сомнение в последнем, и совсем вознегодовала, как только он упомянул о некоторых сплетнях, ходивших в то время среди ее соседей.

Разумеется, в те годы каждый незнакомый человек вызывал подозрение, особенно если он был молод и здоров, не находился на военной службе, не работал и проживал в квартире семьи, уехавшей в провинцию.

— Уверяю вас, мосье, бедняга очень болезненно переживал все это. Он как-то сказал мне: «Разве я виноват, что у меня плохие легкие?» И правда, щеки у него были румяные, ну знаете, как у всякого туберкулезника. Он жаловался, что состояние здоровья вынуждает его вести очень уж умеренный образ жизни. Так он и жил. Никогда не приводил женщин и очень редко друзей, зато всегда сохранял бодрость и хорошее расположение духа. И мне и другим женщинам он много раз помогал носить с рынка корзины с продуктами. Иногда ему удавалось раздобыть где-то немного сладостей. Он вставал вот тут во дворе и кричал: «Конфеты! Конфеты!» И ребятишки сбегались к нему со всех сторон. Мой сын — тоже, поэтому-то он его и помнит.

Женэ посмотрел на молодого Рике — здоровенного, сумрачного детину — и подумал, что представить его сейчас ребенком — дело весьма нелегкое.

— А что вы знаете о его друзьях? — напомнил Женэ.— Вы говорите, посетители иногда у него бывали?

Однако ничего определенного мадам Рике сказать не могла. Да, к нему кто-то заходил на несколько минут,— возможно, жильцы из других квартир. Но это бывало редко. Человек не совсем здоровый, Эйтвиль жил замкнуто. Она не помнит, кашлял ли он, затрудняется определить характер его болезни и не знает, бывал ли у него врач.

В ответ на настойчивые просьбы Женэ припомнить, кто бы мог знать Эйтвиля, Рике назвала некоего Гранваля — он занимал одну из квартир на первом этаже.

Ни мать, ни сын не слышали, чтобы имя Альберт упоминалось в какой-то связи с их бывшим соседом.

Женэ побеседовал почти со всеми, кто жил здесь одновременно с Эйтвилем. Все они знали его. У каждого нашлось, что вспомнить о нем: выполнил какое-то поручение, поднес сумку или корзину. Но чем больше расспрашивал Женэ, тем сильнее ощущал в тоне людей какую-то холодность, словно им была неприятна любезность того, о ком шла речь. Однако возможно, что они и не могли реагировать иначе на допрос полицейского комиссара и не хотели впутываться в непонятное дело. Из всех опрошенных только Гранваль признал, что посетил квартиру Эйтвиля, причем категорически утверждал, что был только раз и всего несколько минут.

— Я теперь уж и забыл, зачем заходил к нему. По-моему, он сказал, что достал сигарет или что-то в этом роде. Я с ним не дружил и зашел просто провести время.

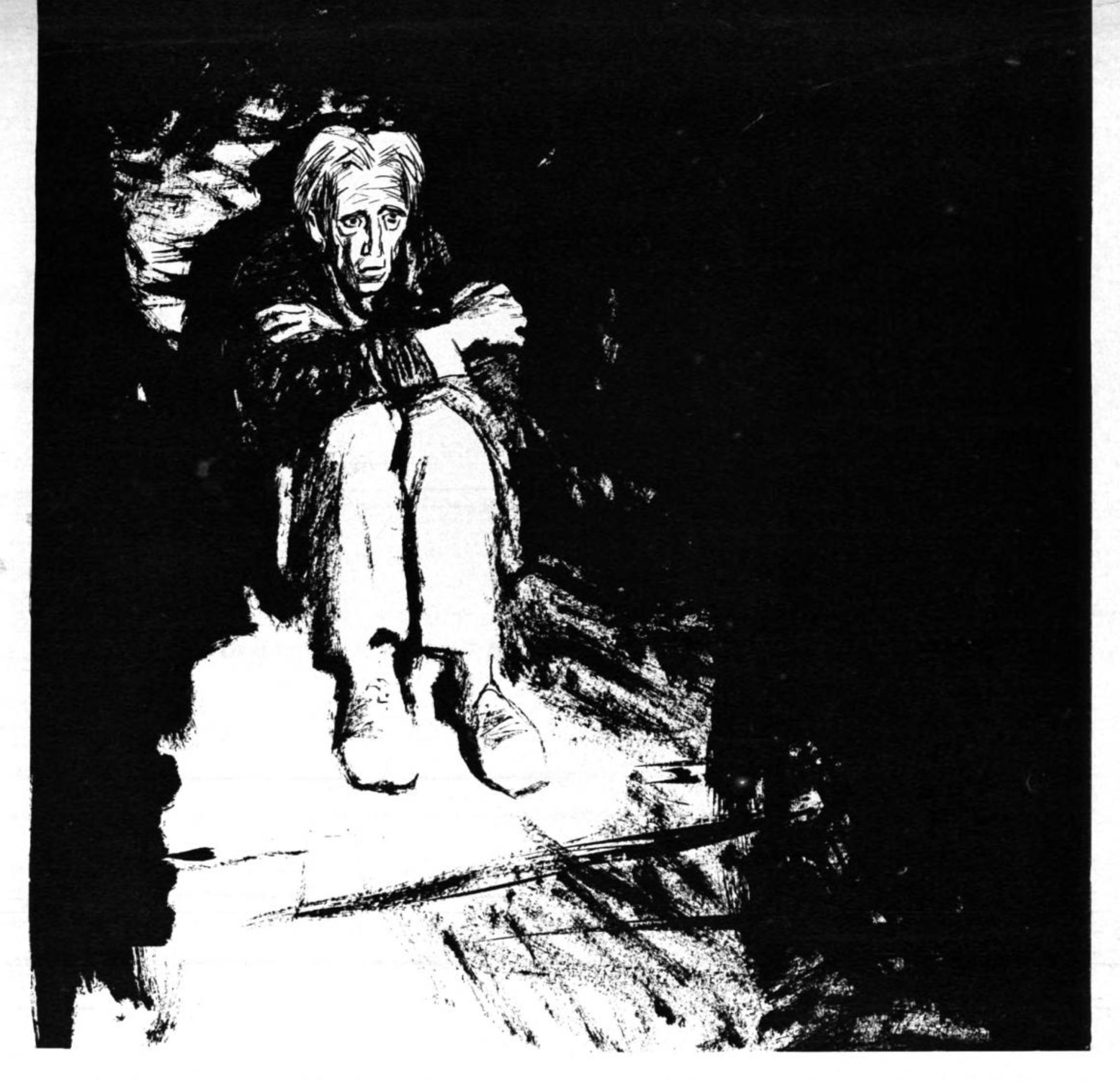
Никто из жильцов не слыхал, чтобы Эйтвиля называли Альбертом, а выглядел он, по их словам, так: лет двадцати пяти, с очень светлыми, довольно длинными волосами, красивый, с голубыми глазами, рост примерно пять футов и десять дюймов, особых примет не имел.

«Вряд ли это поможет в розыске,— думал Женэ, возвращаясь в префектуру.— Был добр к женщинам и детям, но никто его не любил, за исключением разве ребятишек да простушек вроде мадам Рике. Да, вот еще: в идеальном порядке содержал квартиру. Ну что ж, мы обязаны попытаться, хотя, вероятно, он уже давным-давно в Германии».

Женэ поморщился, но, вернувшись в префектуру, все же продиктовал приметы Эйтвиля и распорядился разослать по соответствующим учреждениям.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

После передачи по радио примет Альберта дело получило широкую огласку. В понедельник утром парижские газеты под жирными заголовками опубликовали большие статьи, авторы которых строили всевозможные предположения в связи с ведущимся расследованием. Редакционные комментарии носили самый раз-

личный характер — в зависимости от политической позиции той или иной газеты: правые бичевали полицию за возмутительную халатность, позволившую преступникам столько лет разгуливать на свободе, а левые неприкрыто намекали, что предпринятое расследование — это всего лишь дымовая завеса, предназначенная отвлечь внимание общественности от неправильной политики правительства. Тем не менее все газеты сходились на том, что предателей необходимо покарать по всей строгости закона.

В течение дня по распоряжению Женэ были отпечатаны большие плакаты с приметами Альберта и с сообщением, что правительство разрешило выплатить сто тысяч франков тому, кто укажет его местонахождение.

Анри Магрит прочел обо всем этом в одной из утренних газет и, не кончив завтракать, помчался в префектуру. Женэ он застал за просмотром первых полученных сведений. Комиссар спал всего лишь несколько часов, но выглядел, как всегда, спокойным и собранным.

— Ну, дело начинает понемногу двигаться,— улыбнулся он, взглянув на Анри.

Анри стоял посредине комнаты мрачный, как туча. Газета в его руке тряслась, и он швырнул ее в кресло.

— Вы уже знаете что-нибудь определенное?— поинтересовался он.

Женэ заколебался. Разговор с Анри был неизбежен, и все равно Женэ опасался его; он любил своего друга и понимал, какое тяжелое известие должен ему сообщить.

— Садись,— сказал он.— Пожалуй, больше нет смысла таиться от тебя.

Ничего не скрывая и ничего не преувеличивая, Женэ рассказал о результатах допроса арестованных, включая и признание Маргариты Лафабр. Не переставая говорить, он с сосредоточенным видом вертел в пальцах карандаш, не смотрел на Анри, но чувствовал, что тот напряжен до предела.

— Она видела Робера и записывала его показания.

Услышав глубокий, со стоном вздох, Женэ взглянул на побелевшее лицо Анри, на его трясущиеся губы и прочел в его глазах ужас. Юноша вздрогнул, словно пробуждаясь от кошмара, и взглянул на Женэ.

— А женщина...— пробормотал он.

— Она утверждает, что ей неизвестно, кем Робер был выдан,— тихо сказал Женэ.— Вчера вечером я снова ее допрашивал. Она слыхала, что некто по имени Альберт поддерживал контакт с начальником парижского гестапо Бергнером. Лафабр клянется и божится, что Альберта она не видела и что он вообще никогда не появлялся в гестапо.

Женэ умолк, а Анри голосом, в котором звучало плохо сдерживаемое волнение, заметил:

— Значит, тут не обошлось без Альберта.

— Да, но он был только резидентом — получал и передавал информацию.

— Тогда...— хрипло произнес Анри,— тогда кто-то из арестованных...

— Не думаю, хотя вначале и я придерживался такого мнения. Но мы выжали из них буквально все. Альберт, конечно, причастен. Теперь уже нет сомнений, что он был резидентом гестапо и что по меньшей мере десять человек из тех, кого мы арестовали, работали на него. Это вовсе не значит, что он не имел и другую агентуру.

— Его нужно найти во что бы то ни стало.— Анри по-прежнему пытался сохранять самообладание.— Вам не приходило в голову искать предателя по делам, связанным с Бергнером?

Женэ кивнул.

— Вчера вечером я разговаривал с Адамсом — в качестве офицера американской разведки он вел дело Бергнера и неоднократно допрашивал этого палача, прежде чем его повесили. Мы официально затребуем протоколы допросов Бергнера, но Адамс не питает особой надежды. Он припоминает имя Альберт и говорит, что в свое время предпринимались попытки его найти, но безуспешно. Бергнер показал, что Альберт не немец, а француз. По его словам, он ничего не знал о нем и никогда не видел, так как по категорическому указанию своего начальства поддерживал с ним связь только по телефону.

— Но должен же кто-то знать этого негодяя в лицо!

— Разумеется. Бергнер, возможно, лгал, но сейчас он мертв.

— Жильцы того двора, где проживал Альберт...

— Брассар с помощниками сейчас как раз обыскивают квартиру Деланель и допрашивают старых жильцов. Если что-нибудь можно найти, они обязательно найдут.

Избегая смотреть на Анри, Женэ встал и с деланно рассеянным видом уставился на протекавшую внизу реку.

— Надо запастись терпением,— заметил он.— Где-то все же есть ниточка, и она рано или поздно приведет нас к нему. Поверь мне, Анри, мы его найдем.

По правде говоря, Женэ не знал, верит ли он в это сам.

Анри поднялся и яростно взмахнул рукой.

— Я должен видеть Лафабр!

Женэ давно знал, что рано или поздно услышит это. Он повернулся и сухим, официальным тоном ответил:

— Не могу разрешить.

На мгновение ему показалось, что Анри бросится на него. Оттянув воротник рубашки, словно ему было душно, молодой человек медленно, с болью сказал:

— Но вы же не понимаете... Для вас это обычная работа, а для меня...

— Да, да! Но как раз сейчас не следует терять головы. Не все сразу.

— Как спокойно вы все это воспринимаете!— Анри почти с ненавистью взглянул на своего друга.— А ведь Робер, чтобы отвести от вас удар...

— Правильно. Он хотел отвести удар от меня, от тебя, от всех нас. Он поступил так во имя всего того, что мы пытались сделать...— Женэ помолчал и добавил: — И это тебе хорошо известно.

Анри закрыл лицо руками.

— Робер был лучшим из нас,— продолжал Женэ, и впервые его голос дрогнул,— лучшим и самым мужественным. Я тоже любил его. Не забывай.

Анри повернулся к двери, но в нерешительности остановился. Женэ озабоченно взглянул на него.

— Что ты намерен делать?

— Пока не знаю.

— Прошу тебя, Анри, отправляйся домой! Побудь там хотя бы несколько дней.

— Не знаю... Вряд ли...— нерешительно ответил Анри.— Вы понимаете, это расстроит мать.

— Я тоже думал о ней. Она прочтет газеты. Теперь уже ничего не сделаешь, она все узнает. Робер принадлежал не только нам с тобой, Анри.

— Ну хорошо. Я подумаю.

— Я хочу знать, где тебя можно будет найти. В любой момент может что-нибудь выясниться.

Анри долго молчал, потом повернулся к Женэ и взглянул на него с тем выражением, которое тот так любил у Робера.

— Никаких глупостей я не сделаю. Обещаю.

— Вот и хорошо.

— В любом случае я вам позвоню.

Женэ вздохнул, пригладил редеющие волосы и снова уселся за письменный стол. Он чувствовал себя совершенно измученным этим разговором и несколько минут сидел с закрытыми глазами, ни о чем не думая.

Получилось так, что мадам Магрит не сразу прочитала утреннюю газету. Она купила ее, как обычно, по пути в галерею, но заголовки газеты напугали ее. Ей было очень тяжело вспоминать о событиях тех дней. Однако спустя некоторое время, когда посетителей в галерее не оказалось, она расстелила газету на столе в своем маленьком кабинете и начала читать. Ее сразу охватил ужас.

Все последующие дни мадам Магрит обуревали мрачные предчувствия, тревожили короткие газетные сообщения об арестах и особенно то, что Анри не давал о себе знать уже больше недели. Правда, он и раньше подолгу не появлялся у них, но по меньшей мере звонил по телефону. Она хорошо знала — или думала, что знает,— причину его молчания.

Эта неделя для нее выдалась трудной. Здоровье мужа ухудшалось, он стал еще более рассеянным, еще больше все путал. Она постоянно следила за тем, чтобы он не услышал никаких упоминаний о военных годах, но из-за занятости это не всегда ей удавалось. Возможно, он все же слышал какие-то разговоры; возможно, Аник напомнила ему о чем-то своей глупой болтовней о площади Вогезов. Он снова стал ждать возвращения Робера, а накануне ночью она проснулась и увидела, как муж пытается открыть замок двери.

— Морис, что ты делаешь?

Он пробормотал, что слышал какой-то стук.

Так повторялось трижды; каждый раз она открывала дверь и показывала ему, что там, за дверью, никого нет. Он с неохотой возвращался в спальню и ложился, но по его бесшумным, осторожным движениям она догадывалась, что он не спит и напряженно прислушивается. Так он давно себя не вел.

Утром, когда она уходила из дому, он спал тяжелым сном, однако позднее почувствовал себя лучше. Мадам Магрит решила не отменять экономке выходного вечера, как намеревалась. С отцом может побыть Аник. Лучше, если они сегодня вообще не будут выходить, он может увидеть заголовки газет или что-нибудь услышать. Она сказала Аник, что отец чувствует себя неважно и потому пусть побудет дома.

Несколько успокоенная, мадам Магрит возвратилась в галерею, где разговоры с посетителями и клиентами помогли ей немного забыться.

Аник же была испугана. Она ни за что на свете не призналась бы в этом, гордилась, что ей доверили такое важное дело, но, видя, как тревожится мать, тоже боялась.

Потянулся долгий день, полный страха и скуки. Стоя у окна, Аник подумала, как приятно было бы выйти сейчас с Леонтиной на солнышко. До свадьбы оставалось совсем мало времени, а им еще так много надо обсудить.

Словно в ответ на ее размышления, в дверь постучали; она открыла и увидела Леонтину. Аник приложила палец к губам.

— Ш-ш-ш!— прошептала она.— Отец чувствует себя неважно. Он спит — пойдем ко мне в комнату.

Леонтина выглядела такой серьезной, что девушку вновь охватил страх, исчезнувший было с появлением подруги. Ну и денек же выдался! Все ведут себя так странно.

— В чем дело? Что-нибудь с Раулем?

— Нет, нет! Ты лучше прочти сама.

Аник взяла протянутую ей газету, но вначале ничего не поняла. Заголовок гласил: «Маргарита Лафабр созналась». Кто такая Маргарита Лафабр? Аник перевернула все страницы газеты и на одной из них увидела точно такой же снимок, какой мать прятала в ящике туалетного столика. Она не помнила Робера, но знала, что это его фотография. Все еще недоумевая, она взглянула на подпись под снимком: «Один из героев Сопротивления — Робер Магрит, казненный гитлеровцами».

Аник знала и об этом, знала, что это произошло давным-давно. Почему же снимок Робера помещен в газете сейчас?

— Полиция выяснила, кто его предал,— сообщила Леонтина.— Некий Альберт. В газете приводятся его приметы. Надеюсь, полиция арестует мерзавца и отправит на гильотину. Утверждают, что твой брат настоящий герой. Все только и говорят об этом деле и возмущаются, что предатель Робера до сих пор не арестован.

Аник испытывала какое-то смутное удовлетворение. Еще бы! Не у каждой девушки брат — герой. Возможно, это даже поважнее, чем иметь жениха. Она представила себе, как идет в черном по улице, а люди смотрят на нее и говорят друг другу: «Смотрите, вот сестра Робера Магрита». От таких мыслей у нее даже выступили слезы.

— Мне все говорят, что Робер был замечательный человек — добрый, нежный и очень храбрый. Я им горжусь.

Леонтина взглядом выразила свое одобрение.

Некоторое время девушки молчали, не зная, о чем говорить. Леонтина заторопилась: портниха ждала ее на первую примерку. Аник даже побледнела:

— О нет, нет! Только не сегодня!

— Ничего не могу сделать, дорогая. Я должна идти.

— Но ты же обещала...

— В следующий раз мы обязательно пойдем вместе. Ну, я бегу.

Проводив Леонтину до порога, Аник уныло поплелась обратно и в эту минуту увидела отца, выходившего из ее комнаты. Ей показалось, что он хочет что-то сказать, но старик молча направился к двери.

— Папа, ты уходишь?

— Не обращай внимания, дорогая,— тихо ответил он.— Я иду...

Аник вспомнила, что́ ей наказывала мать.

— Только не сегодня, папа. Прошу тебя, только не сегодня! Я приготовлю тебе лимонад, и ты немножко отдохнешь.

Продолжая возиться с замком, отец полуобернулся к ней.

— В чем дело? Они закрыли дверь? Где ключ?

— Ключ у тебя в руках, папа. Пожалуйста, вернись в свою комнату. Сегодня так жарко. Дома тебе будет лучше.

Отец, казалось, не слышал ее; повернув ключ, он открыл дверь. Аник забежала вперед и остановилась перед ним.

— Папа, прошу тебя, вернись!

Отец посмотрел на нее так, будто видел впервые. Вытянув руку, он оттолкнул ее и, пошатываясь, пошел вниз по лестнице.

«Что же делать? — лихорадочно размышляла Аник.— Мне нужна чья-то помощь, а дома никого нет». Если бежать звонить по телефону, он уйдет. Нет, она сама должна его остановить. Девушка быстро спустилась по ступенькам вслед за отцом.

— Папа!

Отец, видимо, услыхал ее и повернул голову.

— Вернись. Я... я ушиблась.

Отец продолжал спускаться. Аник последовала за ним, останавливаясь через каждые несколько шагов. Потом она вспомнила о консьержке. Возможно, мадам Бержер поможет ей и вдвоем они... Девушка обогнала отца и постучала в каморку Бержер, но никто не отозвался. Аник повернулась к отцу и в отчаянии схватила его за руку.

— Папа, послушай же меня! Я Аник. Прошу тебя, пожалуйста!

Отец молча оттолкнул ее. Она видела, как он, ссутулясь, зашагал по улице.

«Я должна пойти с ним,— решила девушка и быстро догнала отца.— Возможно, все обойдется хорошо, если я сделаю вид, что мы просто гуляем».

— Куда мы пойдем, папа? — спросила она обычным тоном.— Сегодня, наверно, хорошо в саду Тюильри.

Отец промолчал.

Аник заговорила о местах, мимо которых они проходили, о Соборе Парижской богоматери, о том, какая теплая стоит погода.

— Сегодня, наверно, будет гроза,— высоким, ломким голосом заметила она, чувствуя, как ее вновь охватывает страх. Аник видела, что отец волнуется и время от времени бросает на нее враждебные взгляды. Аник убеждала себя, что они просто гуляют, как много раз прежде, что он знает, кто она, и любит ее, что скоро они вернутся домой, она принесет ему лимонад и стакан вина, а потом придет мать, и они немного поболтают о пустяках, прежде чем приступить к ужину, который для них перед своим уходом приготовила мадам Монсо.

Но отец, видимо, не собирался возвращаться. Он упрямо шел по набережной в западном направлении, все больше и больше волнуясь, порой начиная бормотать что-то неразборчивое. Около улицы Риволи он свернул в лабиринт оживленных улиц. Иногда он шел так быстро, что девушка упускала его из виду и испуганно бросалась вперед, опасаясь потерять в толпе. Для нее теперь уже ничего не значило, что́ о ней подумают, она не замечала обращенных на нее взглядов, не видела тяжелых туч, нависших над городом и предвещавших одну из тех гроз, что летом внезапно обрушиваются на Париж.

Аник не могла бы сказать, сколько времени все это продолжалось — несколько часов или всю жизнь. В конце концов она потеряла отца. Это произошло на площади Мадлен, недалеко от их дома. Разразилась сильнейшая гроза с ливнем, прохожие стали разбегаться и отрезали ее от отца. Ослепленная молнией, девушка осталась одна на обезлюдевшей улице, а когда осмотрелась, отец уже исчез. Прямо перед ней возвышалась громада церкви Мадлен. Возможно, отец зашел туда? Аник взбежала по ступеням и вошла в храм. В полумраке двигались фигуры, то тут, то там стояли коленопреклоненные женщины. Какой-то молодой человек, направляясь к выходу, с любопытством взглянул на нее.

Аник остановилась недалеко от дверей. Если она начнет искать отца в этих полутемных, заполненных тенями проходах, он может пройти мимо церкви. Что же делать?

Девушка вышла из церкви и расплакалась. Молодой человек стоял около высоких колонн и внимательно наблюдал за ней. Решившись, он приблизился к Аник и спросил:

— У вас неприятности, мадемуазель? Может, я сумею вам помочь?

Аник, волнуясь, взглянула на него.

— Мой отец... Он болен. Вы его не видели? Худой, без шляпы, с седыми волосами.

— К сожалению, нет. Думаю, он не заходил в церковь, я давно здесь.

Аник беспомощно посмотрела на мокрую от дождя улицу, на кучки людей, укрывшихся от дождя под арками ворот и под тентами магазинов.

— Может, спросить у полицейского? — предложил молодой человек.— Подождите, я сейчас.

Он сбежал по мокрым ступеням церкви, уклоняясь от машин, быстро пересек улицу и подошел к регулировщику; полицейский пожал плечами.

Через минуту юноша вернулся к Аник и, заметив, что она дрожит в своем мокром платье, посоветовал:

— Возвращайтесь-ка домой. Отец ваш устанет и придет сам. Не надо так беспокоиться.

— Да, да,— вяло согласилась она.— Пожалуй.

— Где вы живете?

— На улице Жана Беллэ.

— Вы и сами-то измучились. Если не возражаете, я провожу вас.

Аник не могла сдержать слез. Она и в самом деле чувствовала себя разбитой и одинокой, и предложенная помощь была как нельзя более кстати.

Анри все же навестил родителей. Прочитав статьи о Робере в дневных выпусках газет, он со страхом подумал, как тяжело воспримет их мать.

Он позвонил в галерею; мать настойчиво попросила его поехать к ним и ждать ее там. Ее беспокоил отец. Аник получила необходимые указания, но ведь она еще, в сущности, ребенок.

Тревога матери передалась Анри. Он приехал на улицу Жана Беллэ, в несколько прыжков преодолел лестницу и с беспокойством обнаружил, что дверь распахнута настежь. Предполагая, что отец спит, он тихонько прошел по комнатам и, убедившись, что в квартире никого нет, не знал, что и думать.

Солнце зашло, в комнатах сгустились сумерки. В дальнем углу мягко отсвечивало пианино. Анри вспомнилось, как в дни его детства мать усаживалась за инструмент и наигрывала для них, малышей, веселые коротенькие мелодии. Уже много лет она не дотрагивалась до клавиш. Около лампы стояло кресло отца, и столик, на который он обычно клал книгу, и детское креслице Аник.

Анри казалось, что сама тишина таит в себе неведомую опасность. Но не преждевременно ли он распустился? Аник — беззаботный ребенок. Быть может, она выбежала за чем-нибудь на улицу и забыла закрыть дверь. Пройдет еще несколько минут, и они вернутся.

Анри подошел к окну. Да, надвигается гроза, им придется поторопиться. Он пододвинул к окну стул, нервно закурил и стал наблюдать за набережной, прислушиваясь, не стукнет ли дверь. На некоторое время Анри забыл, где находится, и задумался над тем, что сообщил ему утром Женэ, и о чем он не договорил. Лафабр рассказала о подвалах дома, где когда-то находилось гестапо. Анри много раз слышал, какие ужасы творились там, и сейчас не мог сдержать нервную дрожь. Да, Женэ прав, что не позволил ему встретиться с Лафабр,— он мог бы ее убить. Он убил бы ее, чтобы закрылись глаза, которые видели агонию Робера, и уши, которые слышали...

— Не надо об этом думать...— прошептал он.

Анри медленно обвел взглядом комнату, пытаясь сосредоточить внимание на каждой вещи, на каждом предмете, но ему вдруг показалось, что Робер тоже здесь, в этой комнате. Вон стоит его кресло, а рядом, на обоях, еще виден след костылей, которые он обычно прислонял к стене. Он живо представил, как Робер сидит в полумраке, не спуская с него голубых глаз, полных любви и жалости, и пытается что-то сказать.

Анри не слышал, как открылась и закрылась дверь, и пришел в себя лишь после того, как мать за его спиной тревожно спросила:

— Где они? Почему их нет дома?

Анри повернулся к матери и поспешно ответил:

— Наверно, отправились гулять.

— Но идет дождь! И потом, я же говорила Аник...

На улице бесновался ливень, прикрывая окно шелестящим серебристым занавесом.

— Они где-нибудь укрылись от дождя. Не беспокойся, мама.

— Но я же сказала Аник...— повторила она и беспомощно обвела взглядом комнату.— Ты давно пришел?

— Около часа назад. Дома уже никого не было.

— Как же ты попал в квартиру?

— Дверь оказалась открытой,— нехотя ответил Анри.

— Нет, это выше моих сил!

Анри промолчал, и мать устало провела рукой по лицу.

— Что-то произошло. Последнее время отец вел себя так странно. Мне не следовало оставлять его одного. Но галерея...

— Я понимаю.

Анри чувствовал, что им овладевает ощущение вины. Как мог он допустить, что ей пришлось одной нести подобное бремя? «Да, я должен что-то предпринять,— подумал он.— Но что именно?»

Анри попытался представить, куда мог пойти больной отец. Наверно, беспомощно бродит по улицам и заглядывает каждому в лицо в поисках того, кто ему нужен. Но ведь с ним Аник. Она приведет отца домой или обратится за помощью к полицейскому. Возможно, консьержка...

— Я схожу к мадам Бержер,— обратился он к матери.— Может, она что-нибудь знает.

Но мадам Бержер ничего не знала, так как около часа провела на рынке. Она не видела ни мосье Магрита, ни Аник, но надеялась, что они просто-напросто укрываются от дождя. Ну и ливень! Настоящий водопад. А темнота-то какая! Как ночью.

Анри снова поднялся в квартиру, на этот раз медленно. Конечно, всегда можно обратиться к Жenэ, но пока они не будут точно знать... В эту минуту они услышали в прихожей голос Аник. Произошло это всего через несколько минут после того, как прекратился дождь и выглянуло солнце. Аник с кем-то разговаривала. С отцом, разумеется! А они с матерью так волновались. Однако вслед за Аник в комнату вошел незнакомый молодой человек.

При виде матери девушка разрыдалась и бросилась к ней на шею.

— Может, вы объясните нам, в чем дело? — обратилась мадам Магрит к незнакомцу.

Молодой человек коротко рассказал, как он встретился в церкви Мадлен с Аник и что она ему сообщила.

— Надеюсь, вы извините меня, мадам, но мне показалось, что она замерзла и очень устала, и я подумал...

Анри протянул ему руку.

— Мы должны благодарить вас, мосье. Я брат Аник, а это наша мать.

Молодой человек представился, поклонился мадам Магрит и пожал руку Анри.

— Вы должны понять наше горе, мосье,— продолжал Анри.— Отец последнее время чувствовал себя плохо.

— Я ничего не могла сделать, мамочка! — заговорила Аник.— Он вышел мимо меня в прихожую... Он... он не узнавал меня.

— Я понимаю, мое дитя, понимаю.

— Но ты не сердишься?

— Ну, конечно, нет, дорогая. Прошу извинить нас, мосье. Моя дочь очень расстроена.

Мадам Магрит и Аник вышли из комнаты.

— Мне не хотелось бы навязывать свои услуги,— медленно проговорил молодой человек,— но если я могу чем-то помочь....

— Спасибо, но вы ничего не сможете сделать.

— В таком случае мне остается только попрощаться.

После его ухода Анри позвонил Жenэ и сообщил ему обо всем, что произошло.

Один за другим шли часы. Казалось совершенно невероятным, что больной старик мог столько времени бродить по улицам Парижа и оставаться незамеченным, хотя об его исчезновении была поставлена в известность полиция.

Немного успокоившись, Аник подробно, во всех деталях рассказала матери и брату, как все случилось. Теперь они почти не сомневались, что он видел газету. Аник припомнила, как, направляясь с Леонтиной в кухню, она положила газету на кровать. Больше того, она видела, как отец выходил из ее комнаты. В ту минуту она решила, что он искал ее. О газете, оставленной на кровати, она и не подумала. И если он прочитал статью... Возможно, после этого в его больном сознании наконец появилась мысль, что Робер не вернулся, что его сын вообще больше никогда не придет домой.

Наверно, в десятый раз Анри перечитал статью с рассказом о жизни Робера, о его работе в Сопротивлении и о его смерти в застенках гестапо; название улицы, где размещалось парижское гестапо во время оккупации, заставило его задуматься. Да, улица находилась к западу от них. На нее можно было пройти, если направиться по набережной через площадь Альмы, вдоль Лонгчамп. Разве не мог отец...

Анри посмотрел на мать, и взгляды их встретились.

— Ты что-то придумал?

— Возможно. Пожалуй, я кое-куда схожу.

— Куда же?

Анри поделился с матерью возникшим у него предположением.

— Вполне вероятно. Да, да, возможно, ты прав. Он искал его все эти годы. Ты хочешь туда отправиться?

— Да.— Анри подошел к матери, нагнулся и нежно ее поцеловал.— Прости меня, мама.

Она подняла руку и прикоснулась к его щеке.

Было уже совсем темно, когда он вышел из такси в конце улицы Листьев. Давно наступила полночь, и редкий туман окутывал фонари; в их рассеянном свете погруженные в молчание дома казались какими-то ненастоящими. Анри быстро направился вдоль улицы, но его шаги показались ему такими гулкими, что он вспомнил иные ночи и невольно пошел осторожнее.

Он, конечно, знал адрес дома, мимо которого в свое время люди проходили, затаив в сердце жгучую ненависть, но ни разу не был здесь после окончания войны. Ему было известно, что дом разрушен до основания и что от него остались лишь зияющие подвалы. Он остановился на тротуаре и уставился в мрачную яму.

Анри не захватил с собой фонарика, но при слабом свете уличных фонарей разглядел уходившие вниз ступени и стал осторожно спускаться. Когда-то по этим ступеням проходил Робер...

Лестница кончалась, и Анри ощутил под ногами каменный пол. Пошарив в кармане, он достал зажигалку и щелкнул ею.

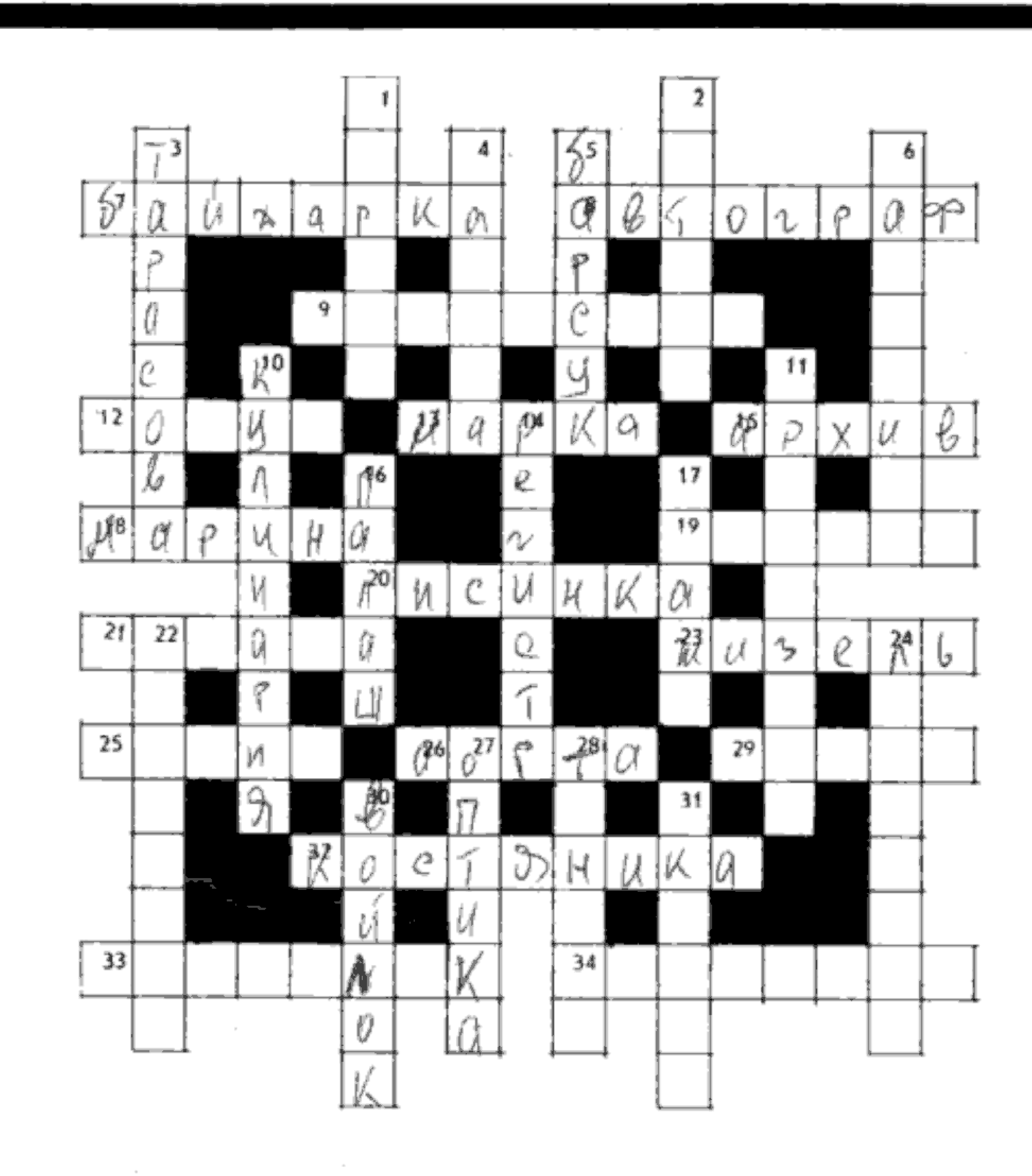
Подвал делился на несколько отсеков, отгороженных один от другого остатками стен. Пол был завален мусором; почти у самых его ног промчалась и исчезла в темноте большая крыса.

Потом до Анри донеслись чьи-то стоны, и у него по спине пробежал холодок. Он прислушался и через пролом шагнул в последний отсек.

Его отец скорчился в дальнем углу и как-то странно, не по-человечески скулил. Трепетный огонек зажигалки отразился в пустых, бессмысленных глазах, в которых не было ни надежды, ни страха, ни признаков того, что он узнал сына.

Продолжение следует.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Спортивная лодка. 8. Собственноручная надпись. 9. Русский писатель. 12. Киргизский щипковый инструмент. 13. Почтовый знак. 15. Учреждение для хранения старых документов. 18. Морской пейзаж. 19. Хищная птица. 20. Гриб. 21. Народный поэт Белоруссии. 23. Балет А. Адана. 25. Порт в Польше. 26. Главная артерия. 29. Смесь материалов, подлежащих переработке в металлургических печах. 32. Лесная ягода. 33. Картина А. К. Саврасова. 34. Государство в Европе.

По вертикали: 1. Басня И. А. Крылова. 2. Кормовой злак. 3. Актриса МХАТа. 4. Остров в Балтийском море. 5. Пушной зверь. 6. Персонаж романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо». 10. Искусство приготовления пищи. 11. Равенство между двумя отношениями четырех величин в математике. 14. Ряд труб в органе. 16. Холодное оружие. 17. Город в Японии. 22. Оркестровое произведение. 24. Малая планета. 27. Раздел физики. 28. Озеро в Казахстане. 30. Валяная шерсть. 31. Советский летчик.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 47

По горизонтали: 7. Мельхиор. 8. Самосвал. 9. «Пересолил». 12. Колчан. 13. Панама. 14. Фасад. 16. Катарина. 17. Орнамент. 18. Матансас. 20. Редуктор. 22. Тропа. 25. Поплин. 26. Низами. 29. Пластилин. 30. Кольраби. 31. Тропинин.

По вертикали: 1. Припев. 2. Черкеска. 3. Ласточка. 4. Гамбит. 5. Вертолет. 6. Закопане. 10. «Лауренсия». 11. Парамушир. 14. «Фауст». 15. Домра. 19. Тепловоз. 21. Тральщик. 23. Рейсшина. 24. Пакистан. 27. «Илиада». 28. Мимоза.

●

На первой странице обложки: ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС.

На последней странице обложки: У склонов Чегета, Северный Кавказ.

Фото А. Бочинина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52; 253-32-45.

Сдано в набор 10/XI-70 г. А 00499. Подп. к печ. 24/XI-70 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2470. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 3227.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ — МЕТРО

Фото
Е. УМНОВА.

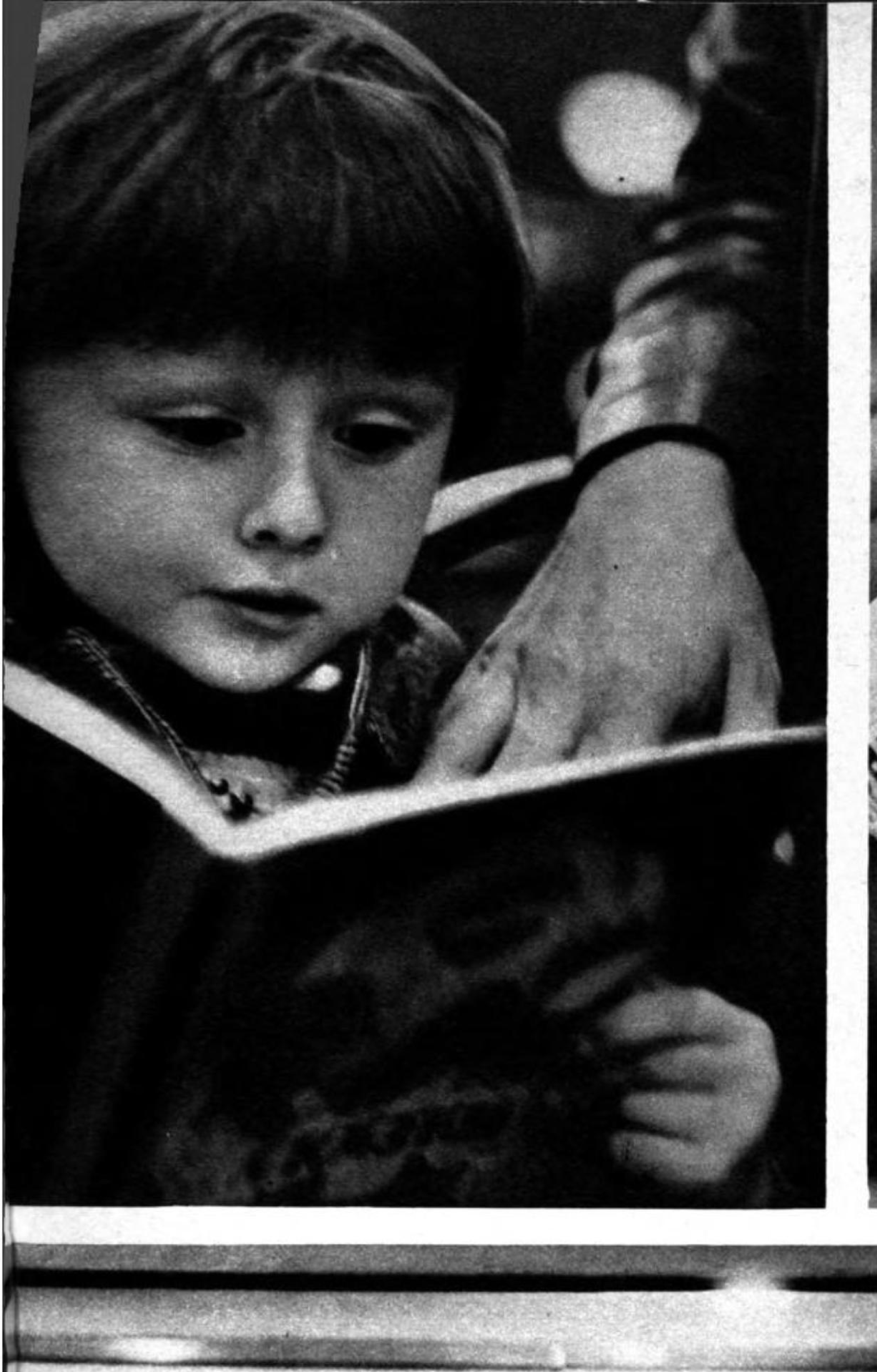

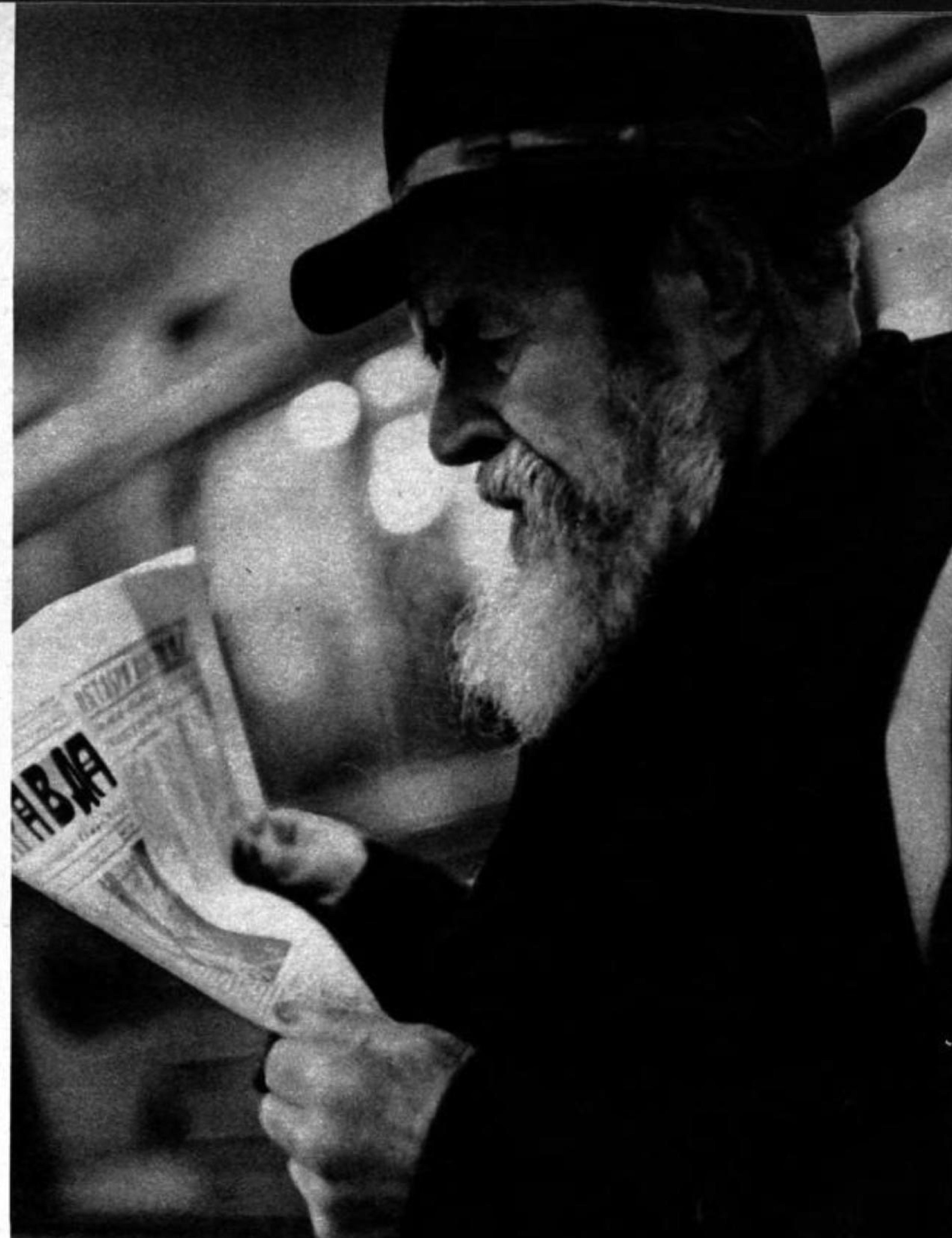

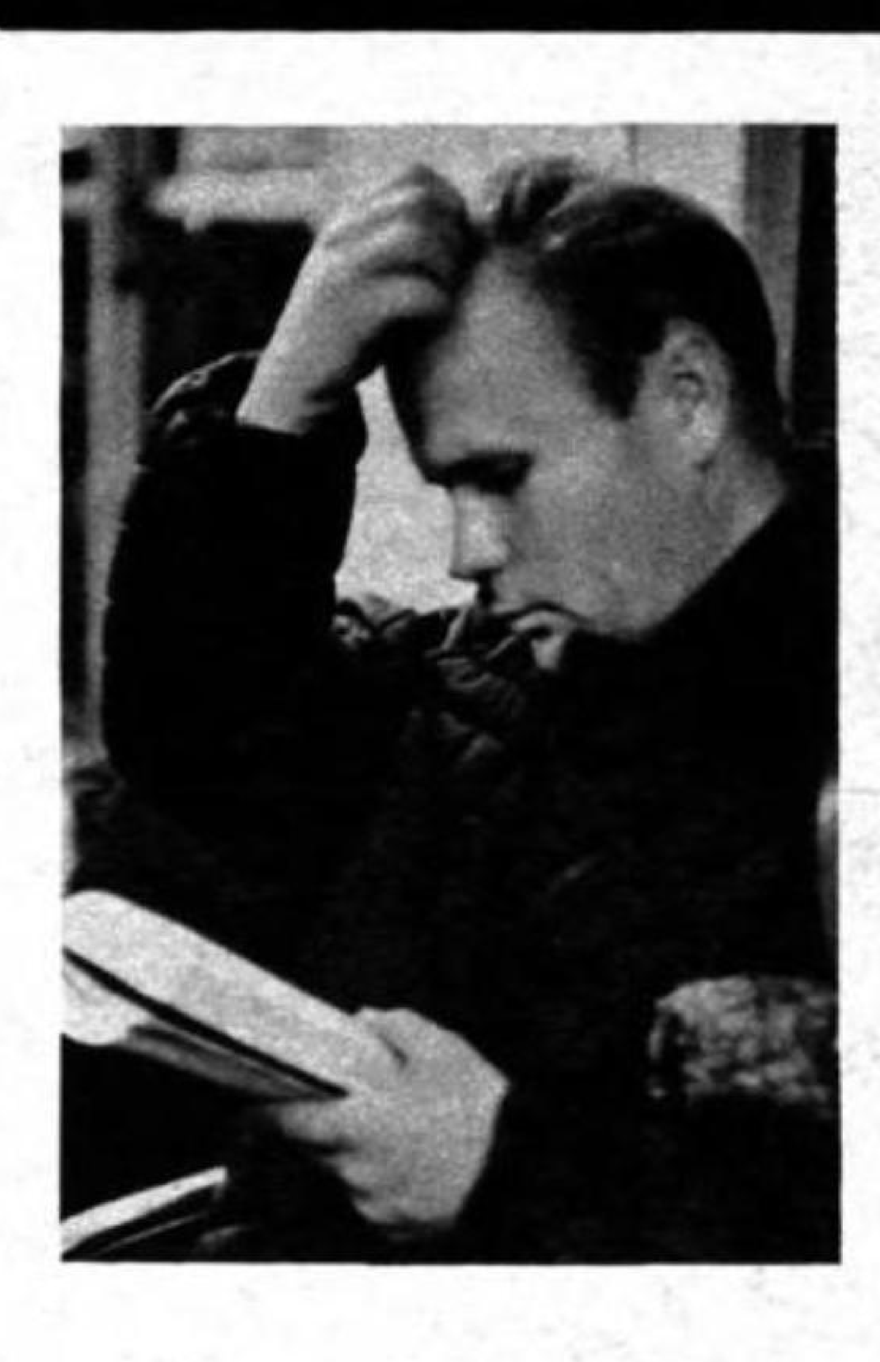

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.